

84(2Рос-14с)6-44
В75. КХ

Нерюнгринской городской
библиотеке от автора

А. Воробьев

21 июня 2004 год

Александр Воробьев

ПО СЛЕДАМ УЛУКИТКАНА

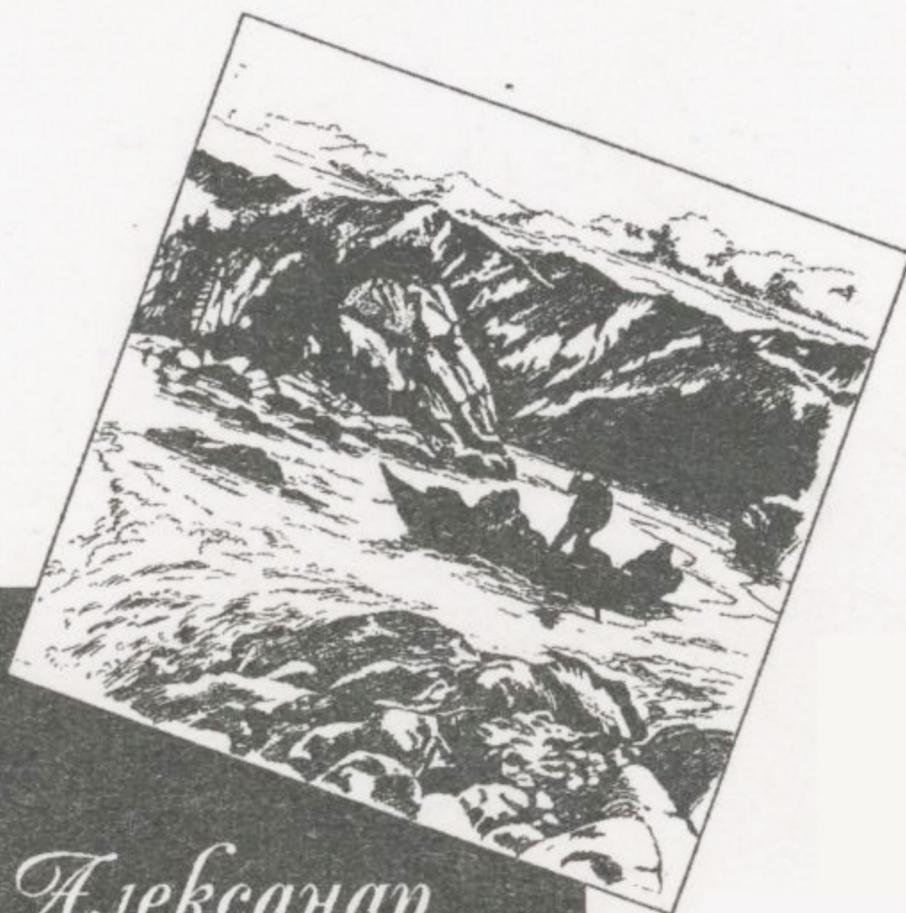
БИБЛИОТЕКА

ЖУРНАЛА

"КАМЕНИ"

ТИРАЖ 500

ЭКЗ. №

*Александр
Воробьев*

По следам
Улукиткана

ИРКУТСК
2003

science

Неизвестный автор

По следам

ru-RU

Неизвестный автор

fb2edit 0.0.10

05 ноя 2020

ABBYY FineReader 12

{F8B1D5EB-756E-43A2-9156-724DE7E0FD54}

1

В издательской серии «Библиотека журнала "Камены"» вышли:

1. Ксения Курганская «К брату». Иркутск, 1996.
2. Татьяна Ковальская «Времена жизни». Иркутск, 1997.
3. Федерико Гарсиа лорка «Поэма о Канте Хондо». Перевод, комментарии, эссе Эльвиры Каменщиковой. Иркутск, 1998.
4. Эльвира Каменщикова «Истории с тополиный листок». Сборник рассказов. Иркутск, 1999.
5. «Не окликайте уходящих». Памяти Владимира Артемова. Иркутск, 2000.
6. Александр Воробьев «В снегах Тянь-Шаня», Иркутск, 2001.
7. Александр Воробьев «По следам Улукиткана», Иркутск, 2003.

© Издательская серия «Библиотека журнала "Камены"» Подготовлено в редакции журнала.

Редактор Эльвира Каменщикова © Программное обеспечение и графическая разработка: Юрий Гуков

Регистр, орган: Лицензия № ИД 03807 выдана Министерством РФ по делам печати.

Адрес: г. Иркутск, ул. Партизанская, 38а.

Телефакс: (3952) 20-98-06. Для писем: 664031, а/я 20.

Глазковская типография

664039, Иркутск, ул. Гоголя, 53. Тел.: (3952) 43-42-40. Подписано в печать 26.05.2003. Тираж 500 экз. Зак. № 797.

Памяти писателя-геодезиста Григория Федосеева и его проводника Улукиткана посвящаю

По следам Улукиткана

Часть I. Бомнакские встречи

Глава 1. К далекому Бомнаку.

Июнь 1966 года. После знойного и долгого летнего дня наступила, наконец, прохлада, которая начала забираться в самые дальние уголки природы; ложилась влагой на увядшие от дневной жары травы, на пыльную и сухую землю, на обмякшие листья белоствольных берез и осин, на пропотевшие от пота гимнастерки, на остывающую сталь автоматов, на брустверы окопов.

- Во, благодать какая! Ребята, дайте закурить. - с блаженным напевом протянул Петя Фирзин и повел глазами на сидящих в окопе. Петя у нас тяжеловес, широкоскулый, с добрыми глазами.

- Подожди. Видишь, что-то майор засуетился - неожиданно сказал Толя Каратаев. - Да и ротный, видите, на часы посматривает, чего-то нервничает.

Майор-это Евгений Иванович Карпов, руководитель полевых работ на военных сборах.

И вдруг ленивое настроение прервал голос старшины:

- Рота, тревога!

Мы зашевелились, как в разбуженном улье. Шум от десятков молодых тел и рук прошелся по окопам, легкое бряцанье оружия, котелков, саперных лопат вмиг наполнили небольшую березовую опушку, где змеей расползались траншеи учебного полигона. Чуть подалее, у большого поля пшеницы наши соседи, студенты одного из Кемеровских вузов. Там тишина. А нам не повезло. В ночь по тревоге это не совсем хорошо. Наверное, утром только доберемся назад.

- По машинам! - громко кричит ротный. Пошевеливайся, веселей!

Его команда выполняется быстро, без промедлений. Каждый из нас пытается пробраться вперед к кабине, где будет потеплей и не так пыльно в пути. Все машины с тентами. Поэтому ночной ветерок не особенно прикоснется к нам. Со мной рядом тесно сидят Володя Басманов, Боря Вершинин и Маренков Володя. Колонна машин, урча и переваливаясь на кочках, устремляется к проселочной дороге, увозя нас в темноту ночи. В кабине нашей машины едет майор Карпов. Он нас уже недавно возил на учебные переходы по азимуту в ночных условиях и мы едем с ним, уверенные в том, что он нас привезет точно в назначенное место. Колонна идет без света, медленно ощупывая серую ленту дороги, просматривающуюся на несколько метров впереди. Небольшая остановка. Наверное, ведущий уточняет маршрут по карте. Затем вновь машины, поочередно, ползут через опушки белеющих берез, темные поляны. Наконец, резко посветлело от большого пространства впереди, и мы выезжаем на большое поле, поросшее кое-где кустарником. Вот уже вся колонна машин начала пересекать невидимую черту половины поля. Неожиданно впереди взвилась красная ракета. Сигнал «ядерного удара». Мы посыпались горохом из машин в придорожную траву и заняли необходимые позиции при имитирующих ударах. Рядом со мной пристроились Володя Синявский и Толя Метелев. Влажная трава, теплая пыль и полынный запах, как настойка, приятно щекошет ноздри, заставляет чихать.

- Будь здоров, Саня! - говорит Метелев-младший. Старший его брат Александр учится в нашей группе, и мы его зовем Метелевым-старшим.

- Парни, у вас нет, случайно, крошки хлеба? - спрашивает Синявский, - а то у меня сил нет лежать. - Он хотел еще сказать что-то, но не успел.

- Надеть противогазы! - последовала команда майора. Через минуту пучеглазые, с маленькими хоботами, существа с автоматами устремились вперед на условного противника. А противник, как потом я догадался, находился в километрах трех, в деревне. Наша задача - овладеть населенным пунктом. Ну а дальше пусть думают командиры.

Мы бежим вперед по рыхлому полю. Вдруг еще неожиданный сюрприз: дымовая завеса. Мы лихо врываемся в плотную и густую завесу, удушливую и непроницаемую. Пробежав несколько метров, я неожиданно потерял под ногами опору и полетел, кувыркаясь, вниз в какую-то яму.

Рядом приземлился еще кто-то, чертыхаясь и смачно ругаясь. Знакомиться некогда, надо выбираться наверх из небольшого оврага с крутыми склонами.

«Хорошо, что не в дерево уперся. Было бы дело». - успеваю подумать я и лихорадочно карабкаюсь наверх. Чувствую, что от такой беготни становится тяжело дышать, глаза застилает соленый пот. Ноги устремляются вперед, туловище в белой вате, его почти не вижу. Пробежав несколько десятков метров, я через стекла вижу ночную темень. Снимаю противогаз, вытираю рукавом гимнастерки пот со лба и прислушиваюсь. Впереди раздались выстрелы из автоматов. Бегу вперед, передергиваю затвор и стреляю на ходу. Патроны холостые. Нагоняю чью-то серую спину впереди, кричу ему вдогонку, он оглядывается. Это Володя Тикин. Он машет рукой, и мы бежим дальше вместе.

- Подожди, там наши остались. - запыхавшись говорю ему и мы на минуту задерживаемся. Нас догоняют Асанов и Рыжов. Чуть позже пристраивается Волков. Он на нас зашипел:

- Ну, чего так быстро? И не перекуришь на войне.

Небо прочертила огненная дорожка и белая ракета, описав красивую кривую, растаяла в темноте. Сигнал «сбора» в примерном районе, где она была запущена. Двигаемся в темноте к тому месту, то и дело натываясь на кустарник или на упавшую валежину. Рядом со мной кто-то со всего маху растянулся и крепко выругался. Нам некогда разбираться, мы спешим вперед, а упавший нагоняет нас чуть позже. В темноте тихо окликаем друг друга. Вот, наконец, мелькнули огоньки папирос в руках стоящих на опушке офицеров. Подходим почти все вместе, по очереди докладываем майору о прибытии. В ожидании остальных рассаживаемся вокруг Евгения Ивановича на влажную росистую траву. Разгоряченные от бега, наши тела не чувствуют ее прохлады, а наоборот, испытываешь приятное ощущение от соприкосновения с нею.

Через некоторое время подросли все ребята. Потерь в ночном бою не оказалось. Быстрое построение повзводно и рота уходит к машинам. Около пяти часов утра мы подъехали к своему палаточному военному лагерю, сбросили армейскую амуницию и прилегли на раскладушки. Бессонная и напряженная боевая ночь дает знать: уставшее тело просит покоя, глаза закрываются самопроизвольно.

- Рота, подъем! - рычит глухим голосом дневальный по лагерю. Время - шесть утра. Наш день начинается как всегда, и сегодня нет никаких исключений или поблажек.

После завтрака последнее ротное построение. Итоги ночных учений подводит командир полка. Рядом с ним стоят наши военные преподаватели и внимательно всматриваются в нас, и каждый чувствует, что смотрят именно на него.

Я предполагаю, что они сейчас взвешивают и оценивают способности каждого из нас и уже, наверное, давно сделали выводы о нашей подготовке. В военных сборах сегодня ставится точка: четыре года учебы и месячные сборы. Я думаю, что каждый из нас, стоящих в строю, хорошо сознает завершающий этап, хотя еще остается более чем полгода теоретической подготовки до конца выпуска. Нас ждет еще экзамен по спецподготовке.

- Сегодня у вас последний день на сборах, - говорит подполковник, - вы получили навыки действий военных геодезистов в полевых условиях, закрепили на практике теоретические знания, в ускоренном и напряженном темпе прошли всю учебную программу. Во второй половине дня вы покидаете лагерь и вечерним поездом уезжаете домой. Желаю вам завершить учебу и вступить в самостоятельную жизнь. Помните, что ваши военные руководители ждут от вас хорошей отдачи на производстве. Успехов вам.

После обеда решили на память всем взводом, с участием военных преподавателей, сфотографироваться. С шутками разместились на поляне, под палящими лучами июньского солнца, загоревшие до смуглости начали позировать. За время фотографирования мы принимаем дурашливые физиономии и, наконец, был отснят последний снимок с серьезными и

сосредоточенными лицами солдат. А вечером мы отбывали с железнодорожного вокзала города Кемерово в Томск, уже переодетые в штатское.

В купе нас шестеро: Бакшин, Тикин, Сухиня, Асанов, Басманов и я. Лежа на полках, лениво переговариваемся.

- Ребята, что-то сухпак мне спать не дает - говорит Асанов.

- Не могу больше терпеть. - Сань, дай нож.

- Вы посмотрите, маленький какой, а прожорливый. Он сегодня пообедал, поужинал. А за ужином две нормы умял, -шутливо говорит с верхней полки Бакшин, а потом спрыгнул сам к столу.

Мы вскрываем несколько банок мясной тушенки, дружно наваливаемся, уплетаем суточный сухой паек, который каждый получил в дорогу, пьем кипяток с твердыми, как камень, ржаными сухарями. Весело посматриваем на Асанова, который с серьезным видом, не глядя ни на кого, уничтожает содержимое консервной банки. После позднего второго ужина сытые, довольные инициативой Асанова, размещаемся на своих местах и, умиротворенные, засыпаем под перестук колес спешащего домой поезда.

Во второй половине следующего дня я уже еду на трамвае по улицам Томска до остановки «Розы Люксембург». Иду в гору по бульжной мостовой, засматриваюсь на полуразрушенную церковь наверху, на улице Пушкина, затем сворачиваю в узкий переулок, называемый почему-то Соляной и направляюсь к знакомому одноэтажному, старому, со ставнями, дому.

Через несколько минут я вижу радостные и счастливые глаза моей жены Лели. Полгода назад мы поженились, сыграли свадьбу. В уютной квартире, скромно обставленной, становится весело. Бабушка Лели, Наталья Дмитриевна, суетится с ужином, а я рассказываю им о сборах, смешных историях. Вечером мы еще долго сидим втроем, пьем вкусный чай с домашним вареньем. За столом не хватает моей тещи, Зои Васильевны, которая находится на работе, на станции Томск-2, где она работает в смене по суткам.

Мне всегда приятно приходить в тот дом, где живут искренние и добрые люди, близкие моей жены. Бабушка Наташа, бывший педагог, отдавшая несколько десятилетий воспитанию детей, работая заведующей детсадом еще в годы Великой Отечественной войны. А в первые дни войны проводила на фронт мужа, Лелиного деда Василия и сына Виктора, офицера-артиллериста. Не дождалась с войны мужа, получила похоронку. А спустя шесть лет при исполнении служебных обязанностей погиб и сын Виктор, майор. Всю свою любовь и внимание она вложила в воспитание внучки Оли, которую она ласково называла Лелей.

В этот вечер я раскрываю свой замысел в отношении предстоящей производственной геодезической практики. Я твердо решил ехать в Хабаровск, а там обязательно хочу попасть в те места, которые описаны писателем Григорием Федосеевым. Туда меня влечет, наверное, моя судьба. Очень хочу увидеть таежный край, где писателю удалось пройти многие сотни верст по диким и глухим местам Амурской тайги со своим спутником и соратником, следопытом эвенком Улукитканом.

Прошедшей зимой я услышал, что он уже умер, нет его на священной земле предков. Но необычное имя будоражит мои мысли. Непонятное и какое-то загадочное таинство несет этот неграмотный, выросший в тайге, на природе, человек, покоровивший душу известного геодезиста, писателя Григория Федосеева. Две мечты меня влекут в далекие таежные края: увидеть места, где жил и ходил Улукиткан, побывать на Федосеевских геодезических сигналах, которые установлены писателем в те годы, когда он работал начальником экспедиции на картографировании Восточной Сибири и Дальнего Востока. А для того чтобы попасть в далекие заповедные места, нужно упросить директора техникума, чтобы он договорился о моей практике именно в Хабаровской экспедиции.

Кто же такой Улукиткан? Почему его имя упоминается мною одновременно с писателем-геодезистом Григорием Анисимовичем Федосеевым? Почему именно я хочу рассказать об этих удивительных людях, таких разных по профессиям, по занятиям и по национальности. Первый - Улукиткан - эвенк, работавший проводником у геодезистов. Второй - инженер-геодезист, руководитель топографо-геодезических работ в экспедициях в Восточной Сибири и Дальнего Востока, подаривший читателям знаменитые романтические повести о геодезистах и топографах. Среди них такие литературные произведения, как «Мы идем по Восточному Саяну», «Смерть меня подождет», «В тисках Джугджура», «Злой дух Ямбуя», «Последний костер», «Гропою испытаний». Эти бессмертные произведения поражают читателей подвигами

создателей топографических карт на нашей территории. Григорий Анисимович Федосеев, знаток природы, организатор топографо-геодезических работ в Восточной Сибири, в довоенные и послевоенные годы целиком и полностью посвятил свою жизнь во имя карты Родины. Вместе с ним прошли тяжелые тропы гор Восточных Саян, Джугджура, Джугдыра и Станового его соратники - геодезисты и топографы: строители, астрономы, наблюдатели, нивелировщики, рекогносцировщики, дешифровщики. Вместе с ним разделяли испытания в тайге проводники из числа местных жителей на оленях и лошадях. Их знание местности, где проводились топографо-геодезические работы, помогали геодезистам ускорить эти работы, легче преодолевать труднодоступные таежные и горные места, где первопроходцам без их помощи было бы во много крат сложнее разобраться и пройти.

Многолетняя дружба Григория Федосеева с проводником - эвенком Улукитканом и его земляком Николаем Лихановым превратилась во взаимное уважение друг к другу, стала неотъемлемой частью его трудной и романтической профессии. В своих книгах он тепло отзывается о каждом, с величайшим талантом он создает реальные образы этих детей природы. Писатель-геодезист Григорий Федосеев прожил яркую и трудную жизнь первопроходца, смотревшего не раз в глаза смерти, испытавшего по воле выпавшей судьбы горе и радости человека. Все испытания он выдерживал стойко и мужественно, проявляя при этом высокие моральные и нравственные качества не только как руководитель, но и как друг, как настоящий человек, постигнувший тайны человеческих отношений. Мне всегда, особенно в ту пору, когда я начал познавать всю сложность работы в условиях тайги, хотелось поставить себя на его место, делать так, как он делал. Его увлеченность своей работой, любовь к природе и ко всему живому передается мне. Появилась какая-то неодолимая тяга побывать там, где ступали ноги геодезиста Федосеева и его спутника Улукиткана.

События этого очерка относятся к 1966 году, когда уже три года не стало в этом мире Улукиткана и когда Федосееву еще оставалось два года жизни. Он ушел из жизни в 1968 году, в том году, когда я уже самостоятельно вступил на тропу геодезиста, в местах очень похожих на те, где когда-то работал писатель. Это недалеко, в Южной Якутии.

Последняя повесть об Улукиткане была названа писателем «Последний костер», это название воплотило в себе два смысла: последний костер для Улукиткана и он же последний для писателя.

Я не знал лично Федосеева, не знал Улукиткана, но эти люди на всю мою жизнь остались моими близкими знакомыми, моими жизненными ориентирами. Мне посчастливилось встретиться воочию с героем книг Федосеева - проводником Николаем Лихановым, другом Улукиткана, в упомянутом Федосеевым поселке Бомнак на реке Зея. Для Федосеева этот поселок стал родным и дорогим. Там, на берегу Зеи, на могиле Улукиткана, собственноручно соорудил геодезический тур в память о друге, какие в прошлые годы сооружались геодезистами в горах, на вершинах. А прах самого писателя замурован в таком же геодезическом туре в Саянах, на отроге Грандиозном перевала Идэн, переименованном после его смерти Правительством России в перевал имени Григория Анисимовича Федосеева. И это достойно, поскольку велик вклад геодезиста Федосеева в картографирование Восточной Сибири, а также в советскую литературу через его романтические произведения, прославляющие профессию геодезистов и топографов.

Рано утром я спешу в техникум. Захожу в тихое и пустое здание, иду по широкому коридору к кабинету директора. Мои шаги гулко отдаются в звенящей тишине. Непривычно оказаться здесь после всегда шумных коридоров в учебное время. Вот и табличка «Директор». В приемной уже работает секретарь.

- Здесь Павел Артемьевич? - обращаюсь я к ней. Она молча кивает головой.

- Один? - еще задаю для страховки вопрос.

- Один, - отвечает она.

Я нажимаю на дверь, обитую черным дерматином, и вхожу в кабинет. За столом вижу как всегда опрятного, строгого, с седоватым ежиком голову и умные, внимательные и пронизательные глаза нашего директора.

- Можно, Павел Артемьевич? - спрашиваю я его.

- Заходи, заходи. Когда прибыли?

- Вчера, - отвечаю я.

- Чем будешь заниматься?

- Да на практику надо, - отвечаю я ему и сразу со своей просьбой.

- Неудачно получается у вас, вояк, с практикой. Почти уже половина полевого сезона. Вот и будете где-то на подхвате. А, кстати, почему именно в Хабаровск?

Я делюсь моими мыслями. Он молча, понимающе, кивает в знак согласия головой, а потом говорит:

- Наших, томичей, там много. Выпускники этого года уже там работают. В отношении твоей практики я сегодня свяжусь с начальником экспедиции. А ты подходи во второй половине дня. Впрочем, давай оформляй командировку и не теряй время. Билет на самолет купи на завтра. Иди, занимайся. Готовься к поездке.

В этот день я успел все оформить и отпраиться у директора съездить на Межениновку, навестить маму, Софью Ульяновну. Как она там? Ей в этом году тяжело. В апреле похоронили отца, Андрея Ивановича. Могилу выкопали под могучей елью, которую хорошо видно из окна нашего дома. Не выдержало сердце старого железнодорожника, и оборвалась его трудная тяжелая жизнь на рабочем месте, на путевой стрелке, глубокой ночью. Протяжно и грустно гудели паровозы при выносе его тела из осиротевшей избы, построенной его руками. Четыре сына несли его на руках до самого станционного кладбища. Склоняли головы железнодорожники при следовании печальной процессии по улицам станции, прощались с человеком, отдавшим свои годы здесь, на станции, и оставившим после себя шестерых детей, вдову, для того, чтобы продлился его род, уходящий своими корнями на Украину. Не намного он пережил своего отца, моего деда, Ивана Антоновича, которого в конце его жизни он привез в Сибирь с Украины, где и построил ему дом рядом, на одной улице. Он до конца выполнил свой сыновний долг. Мой дед любил отца и поэтому последние годы прожил вместе с ним. Похоронили отца рядом с дедом.

Погостив у мамы всего лишь день, распрощавшись с ней, мы с Лелей сразу вернулись в Томск. Назавтра она и Зоя Васильевна провожали меня в аэропорту Каштак в Хабаровск. Перед расставанием я долго смотрел ей в глаза, видел выкатившиеся, крупные как горошины, слезы разлуки, смотрел на ее пополневшую фигуру в бязевом платье. Мы с ней ждали своего первенца. Расставание всегда навеивает грусть и, чтобы скрыть свое волнение, я заспешил по трапу в салон самолета Ил-18.

Прощай, Томск, здравствуй, мой неизвестный таежный край.

Прежде чем попасть в неизвестный таежный край, я переступил порог одного из красивых городов Дальнего Востока -Хабаровска.

Самолет приземлился на дальневосточную землю поздно вечером, а так как мне некуда было ехать, я заночевал в аэропорту до утра.

По сути дела ночевкой это назвать трудно, проще всего всю ночь прободрствовал и примерно в девятом часу я решил поехать на троллейбусе №4 в центр, где располагалась топографогеодезическая экспедиция. Экспедицию я нашел быстро. Небольшое двухэтажное деревянное здание старинной постройки резко выделялось среди современных зданий у площади В.И.Ленина. Рядом проходит трамвайная линия, по которой громяют и звенят днем и ночью неустойчивые вагоны, заполняя при этом улицу грохотом металла, перезвонном сигналов. Не обращаясь ни к кому, я прошел в кабинет начальника экспедиции, представился, передал документы.

- Где устроился? - обратился он ко мне.

- Пока нигде. Только с аэропорта.

- Зайдите к моему заместителю, он определит денька на три в гостиницу, а за это время подберем вам место на полевых работах. Можно сейчас. На Шантарских островах у нас в разгаре работа.

Я коротко разъясняю ему свои планы. относительно Амурской тайги, побывать в тех местах, где работал Григорий Федосеев и его проводник Улукиткан. При этом он внимательно меня рассматривал и, наверное, думал про себя: «И этот туда же, как и остальные, лишь бы не работать, а заниматься романтикой». Я видел его пылкий взгляд, где уже в конце разговора зажглись его глаза, но он быстро на это отреагировал.

- Знаешь, что? Дня через три в Бомнак через город Зею уезжает инспектор ОТК (отдела технического контроля) Владимир Тышкевич на приемку отстроенных пунктов триангуляции. У нас там строители работают. Вот и езжай с ним, а там чуть позже пристроим тебя к наблюдателям. Давай, иди, устраивайся. Романтика - это дело хорошее.

Я поблагодарил его и вышел из кабинета с хорошим настроением. Все идет как я замыслил. А может быть, это удачное совпадение обстоятельств, которые помогут мне реализовать

долгожданные планы.

Заместитель начальника при мне позвонил куда-то, затем показал, как найти стадион имени В.И.Ленина, рассказал про гостиницу и отправил меня устраиваться. Я без особого труда разыскал стадион и гостиницу, устроился и пошел назад в экспедицию. Мне надо было повстречаться с инспектором ОТК, познакомиться и договориться по времени отъезда. Владимира Тышкевича я представлял солидным дядей и обязательно седым.

Но он неожиданно оказался стройным, симпатичным молодым парнем, постарше меня лет на восемь-девять, худощавым и подтянутым. С первого взгляда я проникся к нему симпатией. Он встретил меня как равного, усадил в кабинете, расспросил меня о моих планах. Я откровенно поделился с ним, считая, что он меня поймет. Да и для полноты информации о себе тоже.

- Слушай, ты чем заниматься будешь завтра?

- От меня это не зависит, как скажете, так и будет.

- Есть предложение познакомиться с человеком, которого знают у нас, как одного из работников федосеевской экспедиции. Только надо ему помочь в переезде на новую квартиру, Получил, наконец, на старости лет. А то мыкался, где придется. Планы такие. Завтра - переезд Алексея Илларионовича, а послезавтра мы с тобой «ту-ту» на Зею поездом. А там самолетом до Бомнака. В Бомнаке стоят базы партий строителей и наблюдателей. Там же мы арендуем оленей или лодку.

Мы еще поговорили о некоторых мелочах, необходимых в поездке, и разошлись. В этот вечер вместо гостиницы я направился в парк отдыха, на берег батушки-Амура, воспетого многими поэтами и писателями. И действительно, он оправдывает свое название. Полноводный, могучий, покрытый по берегам темным, дремучим лесом, он катит свои тяжелые воды к Тихому океану, дает жизнь многим большим и малым городам, поселкам, которые на всем протяжении облепили его берега, пользуются подводным богатством. А он не жалеет ничего. Только ставит одно условие: берите мое богатство с умом и разумом, чтобы его хватило на века, и не только тем, кто сегодня живет, но и будущим потомкам.

В парке сегодня много отдыхающих, больше молодежи. И больше гурьбой, со смехом и шутками, громкими разговорами. Для посетителей работают аттракционы, киоски с газированной водой, сладостями. Из репродукторов льется легкая музыка. Побродив по тенистым аллеям еще около часа, я прихожу в гостиницу подготовиться к поездке. Собственно, готовить мне нечего. Все полевое снаряжение получу завтра на складе. Лучше сегодня отоспаться.

В комнате от дневной жары духота. После холодного душа стало легче, дневную, ленивую усталость как рукой сняло. Заснул уже поздно, все перебирал мысленно впечатления прошедших трех дней, возвращался в Томск, в уютную квартиру, где Леля, наверное, уже начала готовить необходимое для будущего нашего малыша. Мне нравится в ней все: ее походка, ее милая улыбка, доверчивые глаза, ее голос. Нравится и то, как она готовит и собирает на стол, разливает и подает мне. Мы с ней, уже семья, которой нужно преодолеть множество и множество общих проблем, и не только бытовых, но и моральных, психологических. Особенно при моей будущей профессии. Здесь требуется и ее выдержка, вера и оптимизм. Она должна стать моим верным другом на всю жизнь. Во всяком случае, я так мечтаю.

Рано утром, выпив горячего чая в небольшом буфете гостиницы, я направился в экспедицию. Прошел инструктаж у инженера по охране труда и технике безопасности, получил полевое снаряжение, уложил все в огромный рюкзак и унес в гостиницу. Вернулся в экспедицию, зашел в кабинет к Тышкевичу.

- Ты готов? - задал он мне вопрос.

Я утвердительно кивнул головой.

- Тогда пойдем к Алексею Илларионовичу.

Наша помощь, оказывается, понадобится теперь только при разгрузке домашних вещей в новой квартире. Машина с ребятами и Алексеем Илларионовичем ушла на старую квартиру, и мы уселись с Володей поджидать на скамейке около недавно сданного в эксплуатацию жилого дома. Дом хороший, улучшенной планировки. Мечта каждого хабаровчанина - получить подобную квартиру.

Я расспрашиваю Тышкевича о хозяине квартиры и узнаю, что он работает начальником партии нивелировщиков. Мы с ним скоро встретимся в Бомнаке. Он должен выехать туда для принятия новой нивелирной линии.

Наконец показалась груженная доверху вещами и мебелью машина. В кабине, кроме водителя, двое. Машина подрулила задним ходом к подъезду и из нее вылезли прибывшие. Один из них, крепкий и коренастый, с сединой на голове и добродушной улыбкой, поздоровался с нами - с Володей, как со старым знакомым, а со мной, новеньким, официально. Я назвал свое имя.

- Откуда, Саша? - задал он мне первым вопрос.

- Из Томска, Алексей Илларионович.

- Значит, томич. Я тоже. В 1942 году окончил наш техникум. Да ладно, потом расскажу. Чего стоим? Давайте разгружать.

Нося вещи в квартиру, я изредка бросал взгляды на него, пытался представить его суровым таежником, с винтовкой за плечами, среди глухой тайги, где только живут вместе ветер и дикие звери. Но почему-то такой картинке, в завершенном виде, я не мог увидеть. А вот добродушного и домашнего человека я видел в нем, и даже представил, как он с хозяйственной сумкой, в мягких вельветовых туфлях идет в магазин, чтобы купить хлеба, кефира и печенье к чаю. Одним словом, как ни крутил я мысленно одну картинку за другой, у меня первого - сурового таежника - не получалось. Я даже немного разочаровался при первой встрече с человеком, который долгие годы работал с писателем Григорием Федосеевым. Но позже мое мнение поменялось.

Спустя час мы уже сидим за импровизированным столом в комнате среди гор ящиков и домашних вещей. Очутившись за одним столом с маститыми таежниками, я почувствовал неловкость и скованность. А они не обращали на меня внимания, и только иногда брошенный из-под густых бровей взгляд Алексея Илларионовича в мою сторону говорил о его внимании к моей молодой персоне. Разговор между тем за столом после традиционных тостов за новоселов перешел границы житейских дел и начал развиваться вокруг работы экспедиции и отдельных товарищей по работе в тайге.

- Никак не можем завершить участок работы в верховьях Зеи. Задерживают строители, хотя причин серьезных нет. Наблюдателям погода мешает. Часто дожди. Нивелирная линия не готова. Как Вы думаете, Алексей Илларионович, линию можно принимать? - спрашивает Тышкевич.

- Ну, я же собираюсь через неделю выехать туда. Ребята почти дошли до Бомнака. Посмотрим, как они там навтыкали реперов. На месте виднее будет. Ты когда, Володя, уезжаешь?

- Билеты с Сашей взяли на завтра. Думаю, я там недолго задержусь, несколько отстроенных пунктов надо принять на участке строителя Ноздрева и в партии строителей Кожевникова. По пути посмотрю закладку реперов на вашем участке. Сколько дней сидеть в Бомнаке будем - тоже не знаю, все будет зависеть от транспорта. Если на лодке вверх по Зее, потом с заходами на пункты, то можно уложиться в месяц. У наблюдателей я уже не побываю. Единственный вопрос нужно решить, это - пристроить к кому-то из наблюдателей помощником Сашу, а то какая у него практика получится. Со мной на приемке не интересно время тратить.

- Саша, сколько месяцев практика? - обращается ко мне гостья Алексея Илларионовича на новоселье Наташа - инженер камеральной группы предприятия.

- В ноябре нужно быть дома, - отвечаю я ей.

- Володя, - говорит она, - ну, там же где-то, в районе метеостанции Локшак, партия наблюдательная Бориса Горбачева. Вот можно Сашу и пристроить. Кстати, там у него есть и недоделки - на Южном участке. До конца октября хватит работы на всех.

- Ребята, хватит о делах. Наливаем северное сияние и выпьем за прекрасную половину человечества - наших женщин, - весело говорит Алексей Илларионович, и ловко разбавляет шампанское со спиртом и раздает стаканы сидящим вокруг спешно сооруженного стола.

Мы дружно чокаемся наполненными до краев пенящейся желто-белой смесью стаканами и опорожняем их. У всех появилось хорошее настроение, и мы допоздна сидим у гостеприимного

хозяина. В завершение он подал крепко заваренный чай, поблагодарил нас за помощь и приятную, теплую встречу. Уже при свете фонарей мы разошлись. Я пришел в гостиницу и прилег на кровать. Думал, что сон придет быстро, но не получилось. Поднялся с кровати, подошел к окну, долго смотрел на засыпающий город и мысленно еще раз перебирал в памяти все детали прошедшего дня.

Наверное, мне сегодня повезло. Прежде всего, я познакомился с человеком, который всю жизнь посвятил благородному, романтическому делу создания топографических карт, который не растратил в трудной, лишенной минимальных бытовых удобств и условий, работе в тайге природную доброту и скромность в общении со своими товарищами. Только сейчас я понял, насколько сложно было не измениться в своем отношении к работе и к людям, и насколько легко можно было сделаться закоряклым, черствым, равнодушным человеком. Условия работы могли бы сформировать в нем второй тип личности, но они оказались преодоленными им в лучшем виде. Таким он состоялся в геодезии, другого уже не будет.

Сегодня же я получил ответ на вопрос, чем я буду заниматься в ближайшее время. Но главное, о чем я в последнее время думал, это - предстоящая встреча с местами, где работал писатель Федосеев со своим соратником и спутником Улукитка-ном. Об этом сегодня не было сказано ни слова при встрече за столом. Эта тема была обойдена, наверное, потому, что для уже прошедших долгие таежные дороги людей, она не была обострена так отчетливо, как у меня. Каждый новый день для меня становился временем приближения к заветной мечте, и я его торопил. Я бежал в своих мыслях далеко от сегодняшнего дня, я был готов пешком пройти в неизвестные места и слиться с природой воедино. Но, к большому сожалению, время - величина постоянная, его не убыстришь и не замедлишь. Сегодняшний день приблизил меня к конечной цели.

Вечером следующего дня мы с Володей сели в поезд и поехали на запад от Хабаровска до станции Тыгда. Хорошо экипированные, с большими рюкзаками, мы расположились в купе, в разговорах провели вечер. Уснули уже в одиннадцатом часу под перестук колес скорого поезда Владивосток-Москва.

Во второй половине следующего дня мы сошли на станции Тыгда, опрятной и уютной, с низкорослыми сосенками у станционных построек. Эта станция упоминается Григорием Федосеевым в его книге «Тропой испытаний». Все груза для экспедиции тех лет приходили по железной дороге до станции Тыгда. А дальше автомобилями доставлялись до города Зея, где располагался штаб экспедиции. Оттуда они направлялись самолетом в Бомнак. Бомнакские олени перетаскивали его до исполнителей полевых работ.

Уточнив по расписанию отъезд от станции маршрутного автобуса Тыгда-Зея, мы зашли пообедать в небольшую столовую около железнодорожного вокзала. Горячий обед пришелся по вкусу, и через некоторое время мы тряслись по разбитой дороге на пыльном «ПАЗике». Из окна автобуса я осматриваю живую картину из лиственного и соснового леса, зарослей багульника, широких заболоченных долин безымянных ручьев.

Наконец, мы въехали на деревянный мост через быстро мчащийся к Зее ее приток с мужским названием Уркан. Воды в нем много, и он несет ее среди обрывистых, черных, оголенных берегов к красавице Зее, чтобы она всегда была полноводной, быстрой и Голодной даже в самую жаркую погоду.

- Посмотри, Боря, какая высокая вода в Уркани, - говорит полная молодая женщина, сидящая впереди нас, обращаясь к такому же полному, с потной лысиной на макушке, мужчине - наверное, мужу.

- Большая вода не к рыбалке, - протяжно пробасил Боря. - И на Зее така же, небось. Дожди недавно были, вот она и пошла. Что поддаст, только жди.

Миновали Уркан, и автобус повез нас дальше по разбитой тряской дороге к городу Зее. Около семи часов вечера мы въехали на запыленные улицы города, прокатились вдоль них до автостанции, где высадили нас, пропыленных пятичасовой поездкой. Бросив за плечи рюкзаки, мы уверенно двинулись к месту постоянной дислокации промежуточной базы или, как назвал Володя, в штаб на улице Рабочей. Он здесь не первый раз. Большой деревянный дом без огородов и палисадника высился среди низкорослых частных домиков, которые, наоборот, окружены и палисадниками, и огородами. Сразу почувствовалось, что этот старый и черный от времени дом служит временным и сезонным пристанищем полевику, и что постоянного хозяина он не имеет. Внутри прохладно, есть кровати, стол, табуретки и даже кабинет, где,

наверное, останавливаются и работают начальники партий и экспедиций; как потом я выяснил, так и было долгие годы. Действительно, я находился в доме, который долгие годы, еще со времен работы писателя Федосеева, служил штабом экспедиции. В начале своей книги «Смерть меня подождет» он упоминает это место: «... Много лет штаб экспедиции располагался в крошечном дальневосточном городке Зея. В мартовские дни в штабе шумно. Люди готовятся в походы, торопятся скорее попасть в тайгу. Это слово в их устах теперь звучит необычно торжественно. В нем и простор, и вольность, и что-то неодолимо манящее. В человеке, видимо, еще до сих пор живет дух далекого предка-кочевника - тянет его к природе, к открытому небу, к бродяжнической жизни».

И тут, в этом помещении, я проникаюсь чувством сопричастности к тем далеким геодезистам, заполнявшим в весеннее время его стены, их тайным желанием быстрее вырваться на простор вечной тайги, окунуться с головой в чистейший, напоенный травами, сине-белый воздух, а потом долго идти вперед по таежным тропам, натопанным диким зверьем, все дальше и дальше, оставляя на листах ватмана замысловатые рисунки топографической карты. Я знаю, что творец человека не обделил нас полным счастьем, пусть даже будет это счастье тяжелое в походах и борьбе с дикой природой. Все трудности и испытания прошедшего полевого сезона отступают далеко в прошлое, как только нога переступает порог родного дома или экспедиции на центральной базе.

- Ну, что, Саш, давай располагаться на ночлег, умоемся и сходим куда-нибудь на берег Зеи, поужинаем. Будь как дома, - говорит веселым голосом Тышкевич и по-хозяйски начинает устраиваться на новом месте. А это уже профессионально и привычно,

- Где пришлось поработать? - распаковывая рюкзак, доставая полотенце и мыло, обращается он ко мне.

- Да мало я поработал, В 1964 году на Тянь-Шане, в 1965 году после полевой практики в Томске, на стройке в селе геодезистом, немного заменял прораба и начальника участка в одном лице во время его отсутствия. Познал строительство геознаков чуть-чуть прихватил наблюдения. А вообще, еще опыта маловато. Нравится строительство и наблюдение триангуляции.

- А что в эти края понесло? - интересуется Володя.

- Давняя мечта посмотреть на места, где работал писатель Федосеев. А в Бомнаке ведь когда-то жил его проводник Улукиткан.

- Так он три года назад умер. Туда недавно сам Федосеев приезжал, установил ему памятник. А вообще-то, места там красивые. Около Бомнака есть прииски. Раньше там золото мыли, а сейчас - брошенные поселки. Ну, пойдём мыться, - говорит уже на ходу Володя.

Переодевшись в чистые рубашки, смахнув дорожную пыль, мы закрыли на замок дом и направились к центру города, и затем незаметно вышли в парк на берегу красавицы Зеи. В парке было оживление, субботний, теплый вечер; прохлада реки привлекла много молодежи. Мы зашли в первое попавшееся на пути приземистое заведение с вывеской «Пиво. Соки», сели за грязноватый столик, заказали холодную закуску с кружкой пива. Холодная закуска оказалась привычным ломтем хлеба, селедкой с зеленым горошком. Поскольку выбора не было, мы одолели скромный ужин, и вышли на улицу. Побродив часок по аллеям среди невысоких сосенок, налюбовавшись закатом над Зеей, мы направились к нашему ночлегу. По пути несколько раз сбивались в темноте, пока не вышли на улицу Рабочую.

- Саш, куда поедешь работать? - уже лежа в спальном мешке, спрашивает меня Володя.

- Не знаю. Не определился еще. Может, приеду в эти края, может быть - в Среднюю Азию. Мне немного с семьей сложнее, чем моим друзьям. Они одни, а у меня жена, да и ребенок скоро появится. Да и вопрос квартирный... Посмотрю. Где хорошо смогут встретить, туда и поеду.

- У нас не так просто получить жилье. Вон, Илларионович, только в этом году получил хорошую квартиру. А ему-то уже сорок шесть.

- Наверно, таким людям как он давно надо было иметь приличное жилье. Скромный, не просил, а может, уступал молодым, - предположил я.

- Может, и такое было. Хороший мужик он. А он же вместе с Федосеевым работал. Подвернется случай - поговори с ним. Интересный человек.

- Володя, - обращаюсь я к нему и меняю тему разговора, - чем Бомнак прославился еще?

- Этот эвенкийский поселок на берегу Зеи давно уже служит перевалочной базой. Место расположения выгодное: река, аэропорт, ближе к приискам. Не только нам, геодезистам, но и

геологам, старателям, рыбакам он давно примелькался. Там живут не только эвенки, много русских - потомственных старателей. Правда, их стариков все меньше, но дети и внуки приросли к этим краям. Наша экспедиция уже несколько лет использует этот поселок для перевалки грузов, людей. Местное население занимается речным извозом. Вот и нам придется нанять кого-нибудь с лодкой и выехать на участки работ. Приедем на место, сам увидишь. Незаметно наш разговор пошел на убыль, и мы не заметили, как уснули на новом месте ночлега. А место ночлега необычное. Здесь долгие годы вышедшие с поля геодезисты и топографы, наслаждались уютом под крышей, ожидали самолеты и вертолеты, чтобы улететь домой на центральную базу после полугодовой работы в тайге и горах.

Утро выдалось хорошее: солнечное и веселое. Доносится лай собак, какой-то шум: то ли от машины, то ли от мотоцикла.

В соседнем огороде зазвенела цепь и стук ведра: я вчера вечером успел разглядеть у соседей тонкую шею колодезного журавля. От хорошего и долгого сна приподнятое настроение.

Умылись, позавтракали здесь же, упаковали рюкзаки, сдали ключи хозяйке, проживающей в соседнем доме, и бодрой походкой отправились на Зейский аэродром.

Через час мы были в воздухе на уютном пассажирском Ан-2, взявшем курс на Дамбуки-Бомнак.

Под крылом раскинулся город, дальше - сооружения строящейся Зейской ГЭС. Говорят, что при ее пуске здесь разольется водохранилище на десятки километров вверх по реке Зея. Жалко, сколько природы будет загублено, сколько зверей и рыбы не найдут пристанища в новых условиях или погибнут, или мигрируют подальше от людей, чтобы выжить, дать потомство.

Самолет скользит почти по вершинам Станового хребта, внизу видна его тень, сопровождающая нас все дальше и дальше, в глубину расстилавшегося просторного таежного мира, распугивая своим урчанием диких зверей и птиц. Зверь хорошо уже знает, что несет этот рокот и старается замереть на миг где-нибудь в густых зарослях молодого листвяка или сосняка; не двигаться, чтобы не выдать себя людям, а рыба косяком уходит в глубину сумрачных и холодных вод таежных рек и ручьев. И долго они не успокоятся после дневной тревоги и шума от железной птицы в небе.

А нам хорошо видны глубокие распадки, лысые плешины вздыбленных вверх гор и пиков на них, извилистые черточки далеких ручьев. Я напрягаю зрение и пытаюсь разглядеть хотя бы один геодезический знак на нашем пути, но не замечаю. Безбрежный простор, господство гор и тайги. Невольно картину внизу я сравниваю с горами Тянь-Шаня, где я побывал два года назад. Разница велика, но красота остается от новых картин; могучего, старого Станового хребта.

Самолет пошел на снижение. Справа в окно резанула по глазам блестящая на солнце гладь Зеи, слева зеленая стена Зейской тайги. Попрыгав по пыльной полосе, Ан-2 подрулил к небольшому домику аэродромной службы поселка Бомнак. Я ступил на древнюю землю эвенкийского народа, который сохранил свою культуру и традиции, сохранил себя как этническую общность, проделав многовековой эволюционный путь от прошлого к настоящему и будущему. Жители Бомнака пришли встречать самолет и прилетевших к ним родственников или знакомых. Нас никто не встречает. А мы и не готовились к этому. Так должно быть.

От аэродрома мы быстрым шагом пошли среди одноэтажных деревянных домов, прошли полпоселка и вышли почти на берег Зеи, завернули направо по широкой улице с деревянным старым тротуаром. Простучали сапогами мимо универсама, клуба. Налево, ниже к реке, расположились складские постройки. Около них суетятся люди. Они выгружают с баржи какие-то бочки, ящики; стучат, звенят о старую пристань. Мне показалось, что Бомнак встретил нас гостеприимно, распахнул свои улицы и открыл просторные двери на Зею-матушку, вернее, ее протоку, где на высоком берегу примостился поселок, окруженный вековой тайгой.

Я шел по Бомнаку и пристально всматривался в лица прохожих. Среди них были русские и эвенки, молодые и старые. Совсем недавно, всего лишь три года назад, по этому тротуару и этим улицам спешил домой девятистолетний, сухощавый и маленький эвенк, бодро, по-молодому, по прозвищу Улукиткан, а в жизни Трифонов Семен Григорьевич. Он ненадолго задерживался в поселке: взять продукты, боеприпасы для своей старой берданки, запастись крепкими камусами. И снова в родную тайгу, где он мог с закрытыми глазами отыскать место, где не был тридцать или пятьдесят лет. Его цепкая память и природный дар следопыта много раз помогали уйти от опасности геодезисту Григорию Федосееву, который прокладывал первые маршруты по подготовке геодезического обоснования для будущих топографических карт в этих краях. Впервые об Улукиткане он узнал из сообщения председателя эвенкийского колхоза

«Ударник» в Бомнаке - Колесова, когда экспедиция нуждалась в оленях и опытных проводниках. Колесов писал, упоминается в книге «Тропой испытаний», что « у нас есть восьмидесятилетний старик Улукиткан, который когда-то переваливал Становой в верховьях Зеи. И хотя он не помнит, где находится перевал, но берется провести вас». Кандидатура Улукиткана вызвала в то время сомнения: все же старик в возрасте. Но ничего не оставалось делать, и он согласился на предложение председателя колхоза.

Первую встречу с Улукитканом Григорий Федосеев вспоминает так: «Он стоял перед нами старый, маленький, какой-то весь открытый, готовый к услугам. Его темно-серые глаза, прятавшиеся за узкими разрезами веки, вероятно, видевшие много за долгие годы жизни, теплились добротой.

Улукиткан был одет в старенькую, изрядно поношенную доху, задубевшую от ветра, снега и костров. На голове у него копной лежала шапка-ушанка, сшитая из кабарожьих лап. На ногах старенькие, полу изношенные унты со свежими заплатками. Поверх дошки через плечо висела на тонком ремешке кожаная сумочка с патронами и привязанным к ней старинным кресалом» (Григорий Федосеев. «Тропой испытаний». М., Молодая гвардия, 1990. с.27.).

Тышкевич уверенно шел по улицам Бомнака. Он здесь был уже не первый раз. Минут через пять мы зашли в небольшую опрятную избу, где нас встретила русская пожилая женщина, вся светившаяся добротой, с улыбкой на простом, уже тронутым морщинами, лице. Ей уже успели сообщить, что на днях должны приехать два человека из экспедиции и стать у нее на постой.

Она показала нам уютную, простую комнату с окном, выходящим на тайгу за огородом.

Оставив вещи, мы пошли умыться в ручей Бомнак, который весело журчал по камням метрах в ста от дома, где мы остановились. Вода в нем чистая и холодная, приятная на вкус.

Ополоснувшись до пояса жгучей водой, мы присели тут же на камни, оглядываясь вокруг.

Ручей с шумом убежал на юг в сторону реки Зеи и незаметно для глаза таял среди невысоких лиственниц и сосен, прячась в густые заросли ерника и багульника, которого здесь много. Для меня, сибиряка, выросшего в другой природе: среди берез, осин и кустарников — черемухи, калины, рябины, в густой траве окружающий мир сейчас казался непривычным. У нас в Сибири все по-другому.

Володя о чем-то сосредоточенно думал или что-то вспоминал. Вообще-то, он по приезду в Бомнак стал каким-то строгим, подтянутым и неразговорчивым. «А может быть, - думаю я, есть от чего быть неразговорчивым. Приехали-то в разгар сезона, когда все подразделения экспедиции напряженно трудятся на своих участках. Да и с транспортом непонятно - или олени, или лодка нам будет». Надевая ботинки на холодные и мокрые ноги, я, как бы нехотя, спрашиваю его:

- Володь, так что с транспортом?

Вроде бы еще и не созрел этот вопрос и не требует такого внимания — прошло всего лишь несколько часов после нашего прилета сюда. Это с одной стороны. С другой попрacticalнее - надо спешить в тайгу. Туда, где за сотни верст в далеких горах Станового и Джугджурского хребтов геодезисты и топографы нашей экспедиции ведут работу; туда, где в труднодоступных местах ими уже разбужены звери; где по первобытным местам уже ступила нога человека и зазвучала его речь.

- Давай сегодня немного расслабимся, а завтра я пойду в колхоз договариваться, - после недолгого молчания ответил Володя. - Тут надо не ошибиться. Если дадут оленей, то можно на них добраться до ближайших подразделений. Если на лодке, то можно сразу уйти на Ток, а затем в верховье Зеи на самые дальние участки. Бели ближе то можно проверить строительство нивелирной линии и чуть на юго-восток к строителям заехать. Вот плохо - времени в обрез. После Зеи мне надо успеть на контроль заглянуть на Шантарские острова. В общем-то, получается - напряженка.

- Мне-то туда не надо. Мою цель знаешь, - говорю я.

- Да ты не волнуйся - работа будет. Вероятнее всего к наблюдателям перейдешь. В верховьях Зеи работает партия Бориса Горбачева. Там есть у него и прошлогодние недоделки, и новые участки на Становом и Джугдыре. Хорошо бы не оставить недоделки в этом году. Впрочем, ты не пожалейся, если будешь там работать. В тех местах первоклассный ряд триангуляции проходит, федосеевская экспедиция в пятидесятые годы занималась строительством и наблюдениями. Ну что, пойдём?

Мы поднимаемся с камней и возвращаемся в гостеприимную избу. Уже поздно вечером, сидя за вечерним чаем, я мысленно планировал предстоящее время работы в этом далеком, таинственном мире тайги, оторванном от кипучей жизни сибирских и дальневосточных регионов страны. Настроение у меня после первой встречи с Бомнаком приподнятое, и я жду, не дожусь, когда моя первая таежная тропа поведет меня в далекие и непролазные дебри, горные вершины с чудными и живописными картинами безбрежно-зеленого океана. Уже забравшись в спальный мешок, я долго ворочаюсь, не могу заснуть. Как будет складываться моя рабочая программа здесь, что я получу в качестве опыта от нее, с кем посчастливится встретиться на полевых тропах, увижу ли я своими глазами тех, кого называют первопроходцами?

Рано утром Володя ушел в управление колхоза в надежде на получение оленей. Во второй половине дня я уже знал о результатах его посещения. На ближайшее время не предвидится наш выход из-за отсутствия транспорта. Все олени давно уже работают в экспедициях не только у геодезистов. Полевой сезон в разгаре у геологов, старателей.

- Один выход, Саша, - надо искать хорошего моториста на лодке, подниматься вверх на реку Ток, а затем на Зею. Этот вариант наиболее вероятный. Завтра свяжусь с экспедицией, попрошу разрешить еще один вариант - воздушный, на вертолете. Но это надо увязать с партией Бориса Горбачева. Но самый лучший - это лодка. Вертолетный вариант дорогой.

Глава 2. Николай Лиханов.

В хлопотах прошло еще два дня. Задержка получается из-за отсутствия одного какого-то хорошего моториста. Говорят, он где-то на Зее и должен на днях вернуться домой. За это время у меня появились хорошие новости. В свободное время я стараюсь поговорить с нашей хозяйкой, приветливой Марией Васильевной, об Улукиткане. При упоминании его имени она вся оживает, светится улыбкой и добрым настроением.

- Вот уж мудрый был эвенк. Сухонький, маленький, он редко появлялся в поселке, где живут у него сын и внуки. Бывало, смотришь, бежит с тощей котомкой по тротуару, а брюки сзади висят мешком. Смешной такой. Издали поздоровается и даже как-то поклонится тебе. Его очень уважали в поселке, часто с ним советовались, особенно охотники. Да он всю жизнь проходил с экспедициями. Каюром назывался. А три года назад он около палатки умер. Дело было в тайге. Он же здесь, в поселке, не задерживался. Похоронили его сначала на кладбище, возле аэропорта. А потом приехал его начальник, бывший по экспедициям, перенес на новое место. Хороший памятник поставил ему. Оградка хорошая. Только как-то не по-христиански. Лежит он на берегу реки один-одинешенек, только тайга вокруг. Тогда в клубе собрание было. Много народу собралось. Тут сразу за окраиной тропка на берег есть. Она приведет к могилке. А другое его, Николай Лиханов, еще живет. Он немного помладше. Ослеп, правда, а так крепкий еще, у дочери живет.

- Бабушка, так это же тот Лиханов, о котором писатель Федосеев писал в своих книгах.

- Наверное, он приезжал, чтобы перезахоронить Улукиткана.

- Не знаю, сынок, может и он. Но, говорят, большой начальник из Москвы.

Это открытие сегодня придало моему одинокому существованию новый подъем духовных сил. Оказывается, жив его соратник по походам Николай Лиханов, еще бодрствует и живет совсем рядом. Это обстоятельство можно расценить как удачу. Увидеть своими глазами друга и соратника Улукиткана, спутника писателя Федосеева по походам - событие не рядовое. В рассказе о событиях более чем десятилетней давности, которые ярко изложены им в книге «Смерть меня подождет», читатель может найти фамилию Лиханова, одного из героев повести. «Это был высокий, крепкий старик, на вид лет пятидесяти, с плоским скуластым, почти круглым лицом, одетый по-эвенкийски: в дошку, лосевые штаны и лапчатые унты. Тугая и дочерна смуглая кожа только на лбу у него была пересечена морщинами. Толстые, вывернутые наружу губы были опущены мелкой седой порослью. Жиденькая бороденка из считанных волос в беспорядке торчала по краешку подбородка. Лицо простое, добродушное, на нем, как в зеркале, отражался покладистый характер. Это и был Николай Федорович Лиханов».

Как всегда в острые моменты нашей жизни, когда вдруг неожиданно, как и сейчас у меня, появляются новые впечатления или встречи, на память приходят прошлые воспоминания о событиях, врезавшись в нее надолго. Я тут же вспоминаю эпизод из его бессмертной книги о

геодезистах, когда писатель начинает отсчет полевого сезона и встречи с проводниками с прибытием на участок работы в устье реки Джегормы, притока реки Зеи. Он так описывает эту незабываемую встречу: « Наши старики, Улукиткан и Николай Лиханов, уже давно прибыли на реку Зею с озера Лилимун. Они поселились на устье Джегормы, вдали от лагерного шума. Там среди безмолвия тайги старики чувствуют себя прекрасно. Им не надоедает одиночество, тем более в лесу, уже опаленном весенним теплом. Но мы знаем, они с нетерпением ждут нас, чтобы отправиться в далекий путь».

Наш разговор с бабушкой незаметно оказался прерванным, Я отвлекся не по своей воле. Новые мысли захлестнули меня, и я готов был сейчас, после разговора, сорваться и побежать к Лиханову. Мое состояние не осталось без внимания Марии Васильевны. Она с улыбкой сказала мне:

- Ты чего, парень, так расстроился? Вспомнил что или как? А то вижу в лице изменился.

- Да нет. Здорово получается. Все идет у меня, вроде, по плану. Только не ожидал, что все так быстро получится. Да и немного растерялся. Я ведь, бабушка, не зря сюда приехал, не за большими деньгами. Давно мечтал побывать в этих краях. Вот и сейчас побегу, наверное, к старику Лиханову. Посмотрю на него.

- Да успеешь еще увидеться, - говорит она, - когда в тайгу-то?

- Какого-то моториста дожидаемся. Как вернется с Зеи, так, наверное, и уйдем.

- А кого, из Бомнакских?

- Я не знаю. Наверно, опытного. Говорят, Зея опасная река.

- Туда наверх надо бывалых. Злющая там она. Давай-ка я тебя, внучек, чайком угошу, да с блинами. А где твой друг чернявый? Уж больно он худой какой-то. Не болеет ли?

Присаживайся к столу.

За чашкой чая с блинами она мне советует сходить завтра, но не с утра, а ближе к полудню. Утром старик спит в своем чуме, а потом приходит в свою избу. Живет он, как рассказала бабушка, у своей дочери.

Назавтра, еле дождавшись, когда жаркое солнце продвинулось на небосводе к полудню, я с некоторым волнением перед предстоящей встречей с другом Улукиткана, направляюсь к нему домой. Идти недалеко. Его бревенчатая изба располагается через несколько домов от бабушкиного. Через некоторое время я вхожу на территорию дома через открытую калитку. Он огорожен изгородью из жердей, не видно ни одной грядки или чего-то похожего на огород. Большой пустой двор. Посреди него стоит рубленый из листвяка дом с невысоким крыльцом. На противоположной стороне белеет невысокий, покрытый свежей корой, чум. От его древнего вида, резко контрастирующего на фоне соседних домов, повеяло первобытной жизнью кочующего по тайге народа. Даже здесь, вроде бы в культурной и цивилизованной жизни поселка, старик никак не может расстаться с прежним укладом своей долгой жизни, унаследованным в корнях от своих предков. В чуме ему, наверное, становится легче на душе. Здесь сохранено все, что ему надо: от дымного костра посередине, до крепкого чая и хорошего, жирного куска мяса дикого зверя. К чуму приставлены олени нарты. Нарты стоят также около его дома. Вся обстановка говорит, что главное занятие хозяина чума - изготовление оленьих нарт.

Из-под нарт, залаяв, вышла заспанная собака - похоже, лайка. Ссориться с гостем она не стала, раза два твякнув по своей обязанности, ушла за угол дома. Я помешал ей хорошо отоспаться и прервал ее сон. На лай собаки вышла среднего возраста высокая эвенка. Я вежливо поздоровался и спросил ее про Лиханова.

- Проходите в дом, он обедает.

Волнуясь, я переступил порог светлой горницы, осмотрелся и увидел справа у окна сидящего прямо передо мной старика-эвенка. Женщина что-то сказала на своем родном языке, показывая на меня. Отставив ложку с чашкой в сторону, Лиханов поднялся из-за стола и повернулся в мою сторону. Он протянул руку для приветствия, но не в мою сторону, а чуть левее. Добрая улыбка озарила его плоское, широкоскулое, все в морщинах, лицо.

- Здорово, - тихо сказал он. - Кто будешь? Садись рядом.

Глядя на его сухую, высокую фигуру, я поразился тому, как он быстро, по-молодому, сделал шаг в мою сторону. Так вот какой герой книг Федосеева!

- Здравствуй, - ответил я. - пришел навестить вас. Я практикант в экспедиции. Недавно приехал в Бомнак. Ждем выхода в поле. Как здоровье, Николай Семенович?

- Чуть слепой стал. Глухой тоже. Не вижу ничего. Так нарты делал, а сейчас слепой. Если глаза был, то нарты делал.

- А давно в Бомнаке живете?

- Недавно. С пятьдесят восьмого года. Жил на прииске Покровском. Закрыли прииск. Негде жить. Здесь дочь мой. Здесь люче. Больницу не ходил, не болел. Скучно без олень, тайги. Здесь чум хожу. Видел? - спрашивает он меня.

- Видел, видел, - отвечаю.

- Совсем без чум не может. Только поесть и снова чум. Там лежит или сидит и все думает, - говорит, вмешиваясь в наш разговор, его дочь.

- Как без чума? Плохо совсем, - улыбаясь, говорит Лиханов. - Чай пить, мясо есть. После совсем хорошо. Можно и спать. Воздух чистый, земля мягкий. Шкура теплый.

- Николай Семенович, расскажите немного о себе, конечно, если не устали, - обращаюсь я к нему робко, боясь, что беседы может не получиться.

- Давно родился. Однако девяносто два лет. Работал царское время у генерала Аненкова. Тогда он ходил смотреть просеки у вершины Тока. Началась война, партизаны пошел. Ходил до вершины Зеи. Дали хороший винтовка. Ходил с красными. Пуля летит, не знает куда. Родился в двухстах километрах - на прииске. Вот двадцать восемь лет пенсия получал.

- А Вы помните начальника Федосеева?

- О, помню. Хороший начальник. Большой. Ходили вместе на Маймакан. На Учуре работал. Экспедиция трудно. Олени пропал. Улукиткан вместе ходил, плохо - умер. На Маймакан заездку ставил. Остался один. Олень один остался. Палатка сгорела, печка перестала палить. Из палатки вылез. Сгорели ичиги. Не видно собака. Один олень привязан, там умер в лесу. Совсем один. Потом люди пришли. Вместе Улукиткан работал. Работали на Владимировском прииске. Старше меня три года. Здоров, удалой хороший охотник. Много раз переходил Джугджур, много раз. Там трудно ходить, опасно. Пурга быть. Раз с Улукитканом шли вершину Алгомы. На солонцах были. Мы пошли туда посмотреть. Подготовили петли. Там тропа их - зверей. Две петли поставил. Утром рано нашел. Ремень крепкий совсем, зверь порвал. Потом одного петле убил. Улукиткана жалко. Он родился маленький. Звать начали Улукиткан - «бельчонок», а он Трифионов Семен Григорьевич.

Лиханов говорил, смотря в одну, только ему видимую в темноте, точку. А я успевал дословно записывать в свою тетрадь, будущий дневник.

В каждой беседе есть ее конец. И хорошо, когда примерно знаешь, что она будет завершена без всякой усталости или надоедливости от одной и той же темы в разговоре. Нужно почувствовать ее приближение или, лучше сказать, уловить момент ее ближайшего завершения. Время нашего разговора приближалось к этой запретной черте. Я смотрел на говорящего Николая Лиханова, на его изборожденное морщинами лицо и думал: «Сколько прожито, сколько пройдено им по суровым таежным краям, где только он ни побывал своими ногами. Каждая морщинка - это след жизни на земле, отметина мудрости и жизненного опыта. А сколько таких, как Улукиткан, Лиханов и других эвенков помогали и сегодня помогают нам на работах в тайге. Делятся таежными знаниями в труднейших переходах, в поисках новых путей, чтобы неизвестные места в горах легли на ватман топографической карты, облегчить труд первопроходцев при строительстве городов и поселков, прокладке дорог. Они обходятся без карт, надеясь на свою зрительную память или на подсказку своих сородичей. Вот что о них говорит в своей книге Григорий Федосеев: «Следует сказать, что эвенки обладают замечательной памятью. Увидев однажды местность, даже со сложным рельефом, они запоминают ее на долгие годы почти с точностью топографического изображения. Это они дали названия бесчисленным рекам, ключам, озерам, хребтам, урочищам на большей территории Сибири. В недалеком прошлом по их рассказам геодезисты и топографы составляли первые листы карт многих отдаленных районов, куда исследователю трудно было проникнуть. Им, эвенкам, да и другим народам Севера, топографическая карта обязана детальной расшифровкой необжитых территорий. Кому из путешественников даже нашего времени в своих маршрутах не приходилось с благодарностью пользоваться копией карты, вычерченной каким-нибудь старожилом на песке или нарисованной им на клочке бересты?» (Григорий Федосеев. «Тропой испытаний». М., Молодая гвардия, I 1990, стр. 106).

Таким и был мой собеседник Николай Лиханов.

Беседа с ним удалась. Да и Лиханов как-то сам ободрился, оживился, даже немного от волнения помолодел. Хорошие воспоминания всегда вызывают положительные эмоции, заряжают наше духовное состояние новой, жизнеспособной, обновляющей энергией. Похожее чувство и я испытываю. Мне показалось, что после беседы с героем книг Федосеева я сбросил какой-то невидимый груз. Давно я ставил перед собой эту цель и вот она достигнута. Мне стало легче дальше идти, открывать для себя новый мир, искать следы тех, о ком Федосеев писал в своих книгах, кого он с неподдельной любовью и уважением навсегда оставил в своих литературных произведениях. Это он создал их образы не по своему воображению или вымыслу, а реально отобразил и жизненно утвердил в своих воспоминаниях.

Возвращался я от Николая Семеновича Лиханова в приподнятом и даже, можно сказать, праздничном настроении. В руках сжимаю драгоценную тетрадь, куда я записал разговор с ним. Может быть, когда-нибудь я донесу до его потомков наш разговор и свои впечатления о человеке, оставившем следы на будущих топографических картах. Остался навсегда в бессмертных книгах Григория Федосеева.

Вечером я делился своей встречей с Володей. За разговором разогрели наш скромный ужин из мясных консервов, пару банок китового мяса. Крепко заваренный чай придал нам бодрости и хорошего настроения в дополнение к полученному.

- Понимаешь, Володя, я получил большое впечатление от разговора с Лихановым. Ведь его участие как каюра тоже приближало конечную цель начальника экспедиции Федосеева. Я верю, что эти люди природы никогда не подведут, не сдукавят, не оставят в беде. Это я отношу к двум старикам: Лиханову и Улукиткану.

- Я давно убедился, что если в тайге хорошие проводники, да и к тому же охотники, то работать легко. Тут, видишь ли, обстановка в то время была другая. У нас с тобой карта - второй помощник, рация есть. При необходимости вертолет придет на помощь. А в то время сложнее было. Этот край в конце сороковых годов уже начал осваиваться в картографическом отношении. Сначала надо было развить геодезическое обоснование для первоклассной триангуляции, астрономические данные заиметь, а попозже сгустить его вторым и третьим классами. Представляешь, сколько работы! И где!? Там, где не ступала нога человека. Ты где успел поработать?

- В шестьдесят четвертом году на Тянь-Шане. Я уже говорил тебе. Строительство пунктов и наблюдение триангуляции чуть схватил. Но там горы, а здесь тайга. Там передвигаться легче - все на виду. А здесь лес, горы, реки.

- Я вижу, Саша, у тебя есть оптимизм, это хорошо. Нам, геодезистам, без него как без воздуха. Ну, а теперь я тебе сообщу новость. Через три дня мы уходим в верховье реки Ток. Договорился с правлением колхоза нанять лодку. Моторист приехал сегодня, отдохнет немного и вперед, в голубые дали. Я сообщил сегодня в Хабаровск, что мы уже начинаем работать.

Приятно слышать эту новость. Наконец закончится томительное ожидание и безделье в течение нескольких дней. Так уж, наверно, устроено наше существо, что нужны обязательно перемены в нашем поведении, укладе, быте. Особенно этим страдают люди нашей профессии, для которых смыслом жизни являются все новые и новые изменения в пути. И вдруг это останавливается по не зависящим от нас обстоятельствам или каким-то другим причинам. Вот тут-то начинаются ломки в психологии нашей, но не у всех подряд, а в основном, у тех, кто живет этими путешествиями, походами, испытаниями. Для других же наступает очередное время отдыха и спокойствия, время развлечений или просто ничегонеделания. Я лично не страдаю в эти дни чувством спокойствия. Для меня эти дни прошли в каком-то волнующем ожидании чего-то нового, уже почти достигнутого. Безусловно, это новое носит реальный смысл. Мне нужно идти по тайге и карабкаться в горы. Мне нужно увидеть такие редкие картины нашей действительности в природе, которые доступны лишь немногим. Я уже не новичок в таинственных мечтаниях. Я испытал радостное состояние, когда впервые взобрался на Тянь-шаньские ледяные высоты, познал духовные порывы первопроходца вместе со своими полевыми товарищами. Возможно, это слишком высокопарно для многих. Но я не вижу в этом ничего пафосного и не ощущаю. Так и есть на самом деле, так скажет любой испытавший на своей спине тяжесть похода, радость побед и горечь неудач. Он также будет высокопарно думать об этом или писать. Я хорошо знаю, что не одинок в таком определении. И до меня так думали, и так говорили, и после будут так говорить. Поэтому после разговора с Володей у меня

развеялись все сомнения в безысходности ожидания. Я начал готовить себя морально к тем предстоящим повседневным будням и делам, какими богато время у геодезистов и топографов.

Глава 3. Перекаты Тока.

В течение двух последующих дней мы были заняты подготовкой снаряжения, упаковкой продуктов, Рассчитываем, что работу выполним за месяц. Вот такой запас провианта и должен быть, но мы берем с собой больше.

Моторист Юра Патрушев оказался хорошим парнем, знающим толк в путешествиях по Зее. Не зря он был рекомендован нам, как опытный таежник и как местный житель, изучивший свои края, как свои пять пальцев. Он оказался крепко сбитым, высоким молодым мужчиной с открытым простым лицом, характерным для уроженца российской глубинки; в хэбэшиной клетчатой рубашке и, как водится здесь, высоких резиновых сапогах. Под стать ему была большая прочная лодка водоизмещением примерно в две тонны, на двух спаренных моторах «Москва». Предпоследний вечер перед выходом мы основательно ее пригрузили. Прежде всего, нам нужно было не испытывать нехватки бензина для двух моторов. Запас сделали из одной бочки и нескольких канистр масла. Из снаряжения взяли две палатки, печку походную, теодолит и другой инструмент. Все продукты были уложены и укрыты брезентом. Из оружия - карабин, дробовое ружье, Володин пистолет ТТ и ракетница. Были взяты и рыболовные снасти. Как потом я понял, Юра без снастей вообще не выходил. Жить на реке и не завестись для себя зейской рыбой мог только ленивый бомнаковец.

Тышкевич присел на камень, посматривает то на лодку, уже почти загруженную, то на молчаливо катящую свои воды, темную Зею. Чуть-чуть поднявшийся ветерок взволновал волну в реке, она заплескалась по днищу лодки, покачивая ее, зашуршала по береговой гальке.

- Юра! Присядь, чего егозишься? Успеем до вечера загрузиться. Брезент лишний есть у тебя прикрыть груз?

- Шутишь? Все предусмотрено. А спешу, чтобы успеть баньку протопить, рюмочку после нее пропустить. А завтра утром раненько отчалим. Ну что, по домам? Вы идите отдыхать, а я останусь, увяжу под тент груз, заправлю моторы.

Мы договорились, что независимо от погоды, мы уходим вверх по Зее. Признаков дождя вроде бы нет, но по небу спешили на север, освещенные почти августовским солнцем, облака; темной кромкой между водой и небом петляли на берегах лиственницы и сосны. Завтра, под молчаливым их оком мы уйдем в долгожданный поход по неизвестным для меня таежным и речным просторам. Ловлю себя на мысли, что все, что я предполагал и замышлял, идет навстречу мне. Завтра я уйду вперед по федосеевским местам, тропам и берегам, где ступали ичиги кроткого, но такого сильного и мудрого Улукнткана, глаза которого десятки, а может, сотни раз осматривали их в прежние годы то, о чем я думаю сейчас, в присутствии Тышкевича, становится для меня путеводной нитью и глубокой тайной.

- Саша! - прервал мое состояние Володя, - пойдем. А может, пойдем в кино?

- Можно, - говорю я, - размяться. Не скоро попадем в жилуху.

Мы неторопливо покидаем причал, поднимаемся наверх от реки и направляемся домой переодеться и выпить перед кино чайку с вареньем, которым иногда балует наша хозяйка. Бомнаковский клуб расположен на берегу в одноэтажном доме и похож, примерно, на все подобные учреждения в селах. Молодежь, заполнившая клуб, внимательно осматривает нас, особенно девушки и женщины. А парни бросают косые взгляды в нашу сторону и, как я заметил, совсем не дружелюбные. Многие уже навеселе.

Не обращая внимания, мы заняли свободные места и увлеклись кинофильмом. При погасшем свете в зале сначала воцарилась мирная тишина, но ненадолго. Наиболее бойкие парни не стали теряться в темноте и дали волю рукам. Сразу же послышалась со стороны девушек ответная реакция: легкие шлепки, шиканье или просто грубые, пресекающие шутки разошедшихся ухажеров, голоса.

После кино, как принято в селах или поселках, молодежь не расходится, и столпилась у открытой танцплощадки. Везде шутки, смех. Вот и баянист подошел - небольшая разминка и по берегу разнеслась мелодия. Парни и девушки скромно топчутся на месте, не решаясь оказаться в числе первых танцующих пар. Спустя несколько минут по танцплощадке закружились отдельные пары, а чуть позже там оказались и не очень смелые. Постояв минут пятнадцать и

видя недружелюбные взгляды представителей сильного пола, мы отошли от танцплощадки. Тут же нам в спину громко бросила одна одиноко стоящая девушка:

- Ребята, чего так рано нас покидаете? Здесь же танцевать не с кем.

- Ты чего, Нинка, - резко оборвал молодой и пьяноватый голос, - с нами брезгуешь танцевать? Ишь, фифанька! Студенточка! А я для чего? Что, хуже этих экспедишников?

- Да иди ты! Проспись и умойся. Физиономия мне твоя не нравится. А вот они - мальчики что надо. Ребята, вы не уходите от нас. Нам так скучно без нормальных парней.

- Нинка, чего я тебе сказал! Пойдешь с ними - морду набью,- распаяясь все больше от Нинкиной выходки, кричит рассвирепевший парень.- А вы, зеленые, давайте проваливайте. Чтобы не ударить лицом в грязь мы, наоборот, молча идем к танцплощадке, ближе к танцующим парам. К нам подошли Нинка и двое парней, которые, как нам показалось, не входили в число стоящей невдалеке подвыпившей и разгульной компании.

- Ребята, - обращается один из них к нам, - не вмешивайтесь. Они же ищут причину поскандалить.

Я в это время обращаю внимание на то, что около парня, который высказал упрек в адрес Нинки, начали собираться его подвыпившие друзья. Их разговор иногда проходит на повышенных тонах, на матах.

- Давай разыграем сцену. Очень интересно, чем закончится, - говорю я Володе.

- Да мордобоем, вот чем закончится, - отвечает он, - давай уйдем подобру-поздорову. Видишь, уже сколачивается шайка. Им не первый раз вести такую дипломатию с нашими ребятами. Мы покидаем танцплощадку. За нами вдогонку бросилась Нина - смугленькая, симпатичная девушка, и догнав нас, незаметно предупредила:

- Уходите быстрее. За вами пойдут человек десять. Это у них здесь такой порядок - новеньких всегда бьют, а потом знакомятся.

- Ничего порядочки у вас. Ты сама-то местная? - спрашиваю я.

- Местная. Учусь в Новосибирске, в пединституте.

- Ладно, Нина, - как бы прощаясь говорит Володя, - не будем по пустякам разжигать страсти - иди назад, а нам уже пора домой. Да и не до шуток нам.

А в это время группа парней, человек десять-двенадцать, отошла от танцплощадки с которой раздался девичий голос:

- Вовка! Не ходи с ними. Опять обожрались. Иди сюда.

- Да отстань ты со своими советами. Иди спать, - грубо ответил ей Вовка.

Мы переглянулись с Володей. Трусливо бежать не в наилчх правилах. А вот неприятности нам сегодня не нужны.

- Ребята, - тихо обращается к нам Нина, - пойдём со мной. Я вас уведу, а то побьют вас ничо чем. Берите меня под руки..

Затем, обернувшись к танцплощадке, громко крикнула своим подругам, - девочки, пока. До завтра. Мы пошли погулять.

Затем уже нам:

- Поторапливайтесь. Сейчас будет поворот в проулок, а там длинная поленница дров. За нее через огороды и домой. Где вы остановились? Наверное, у Марии Васильевны. У нее всегда ваши останавливаются.

Пройдя немного и оглянувшись, быстро сказала:

- За нами уже идут. Давайте сюда. А, дальше, видите, в огороде калитка, ее пройдете и чуть назад к танцплощадке. Ее обойдете, а там знаете сами дальше.

- Спасибо, Нина, - говорю я.

- Да не стоит благодарностей. Пока, парни. Ноги уносите с собой.

За высокой поленницей дров нас не видно. Да и подвыпившие парни не ожидали от нас хитрости - громко разговаривая, прошли вверх по улице, считая, что мы втроем впереди. Хорошо, что над Бомнаком опустилась ночь, и темные удочки в когда не освещаются электричеством, а еще падающий свет светившихся окон далеко не распространяется. Мы уходим из-под носа подгулявшей и агрессивной компании и через несколько минут весело пьем поздний вечерний чай. Видя мое хорошее настроение, Володя говорит:

:- Вовремя ушли, а то бы с синяками завтра уехали. Молодец Нина. А ты ничего парень - с тобой можно ходить в разведку.

После позднего чая Володя проверяет в своей полевой сумке документацию, карты на предстоящий поход по Зее. Затем снаряжаем наши скромные пожитки в рюкзаки и укладываемся спать. Утро тридцатого июля мы встретили без особого оптимизма: пасмурная погода, и вся природа в ожидании дождя. Небо заволочено низкими тучами, и они спешат на юг. Быть дождям затяжным. Это расстраивает наши планы. Времени на предстоящий объем работы почти нет. Володе надо успеть произвести приемку отстроенных пунктов триангуляции, а мне до конца полевого сезона поработать на наблюдении. А тут еще небесная канцелярия совсем расстроилась. В полной полевой экипировке мы с Володей в назначенное время у лодки. Патрушев хлопочет уже в ней, удобно устраиваясь у рулей. Сбрасываем внутрь рюкзаки. Я отталкиваю лодку и прыгаю в нее. Юра включает мотор и выводит на фарватер. Холодный утренний ветерок заставляет надеть телогрейки и спортивные шапочки.

Величава и грациозна в районе Бомнака Зея-матушка. Быстро несет она свои изумительные воды в Амур-батюшку, делая его хозяином плодородных земель, давая пристанище человеку на его берегах. Да и рыба хороша в Зее. Так и хочется заглянуть в глубины речные и посмотреть на подводное рыбное царство. Вольготно живется бомнаковцам на Зейских просторах и в ее тайге, где водится маленький и большой зверь.

Оглядываясь на уменьшающиеся в размерах дома Бомнака, который приютил нас на несколько дней, я немного огорчен тем, что мне не удалось побывать в эти дни на могиле Улукиткана, но предполагаю, что это произойдет через некоторое время.

В Зее вода пошла на прибыль. Навстречу нам все чаще начали встречаться свежие топляки. Они представляют для нас опасность. Можно на всем ходу столкнуться с могучим бревном, которое во всю свою длину находится в воде, а его движение выдают сохранившиеся и выступающие теперь зеленые ветки. По пути появляются уже не одиночные стволы деревьев, а целые плоты беспорядочно уложенных стволов. Можно увидеть вывороченные лиственницы и сосны с корнями, на которых еще осталась земля.

Патрушев качает головой и сквозь шум мотора громко кричит нам:

- Вверху дожди. Опасно ехать быстро. Много топляка.

- Твое дело. Только до места довези, - также громко отзывается Тышкевич.

- Довезу куда надо, - кричит он, перекрывая гул мотора. На реке большая темная вода пронесит мимо белую пену, ветки, пузырится вдоль бегущей по ней лодке. Мотор, не прерываясь ни на минуту, тарыхтит, тащит нас вверх.

- Давайте быстрее пойдем, - кричит с кормы Юра. Его не устраивает скорость, с которой мы идем. Дергает за нить привода второго мотора - и наша лодка побежала живей, рассекая воду.

- Осторожней, - наказывает ему Тышкевич. Сейчас уже, наоборот, он сдерживает Патрушева.

- Понял. Не волнуйся, - махнул нам рукой наш кормчий.

Через некоторое время, убаюканным монотонной ездой, Юра приглушенно кричит нам:

- Ружье давай. Видите, крохали на воде?

Я сижу ближе к нему, беру в руки ружье, засылаю в патронник два дробовых заряда, и приготовился к стрельбе. А сзади уже толкает меня в спину Тышкевич, которого явно охватил охотничий азарт.

Крохали летят над водой низко и не обращают на движущуюся лодку внимания. Два выстрела прогремели почти неожиданно. Я успел выхватить низколетящую утку, и крохаль на ходу шлепнулся в воду. Патрушев сбавил газ, развернулся и подъехал к первой добыче.

- Все, хватит на сегодня, - вымолвил он и вернулся к своим обязанностям. - До темноты надо причалить к хорошему месту. Знаю я там одно. Поставим сеточку на сижка.

Не выпуская из рук ружья, я продолжаю внимательно смотреть навстречу лодке, ожидая еще увидеть красивую добычу.

- Саша! Положи ружье, хватит нам на суп, - сказал Патрушев. - Дичь надо беречь. Пусть себе летает. Нам много не надо.

Я укладываю на место ружье и отдаю власть захватившей нас речной стихии. Погода нас тревожит. Вот-вот пойдет дождь. Серые низкие тучи плотным слоем закрыли небо, несутся на нас. Хмурая береговая тайга чернеет по сторонам - как-бы указывает нам, что впереди неизвестно что ждет нас. Но это неизвестное обязательно будет, мы увидим его, и оно состоится.

- Ну что, будем становиться на ночлег? - спрашивает Юра,

- тут недалеко, в устье одного ручья, есть хорошее место.

- Давай, причаливай, - говорит Володя.

Мы сегодня хорошо проехали, даже забыли про обед. Кроме этого остановка сейчас нам нужна. Если пойдет дождь, то мы по сухому до него установим палатку.

Юра внимательно осматривает основательно подтопленный берег и выбирает путь, известный только ему. Через некоторое время мы вошли в устье ручья, проехали метров триста от Зеи и причалили к берегу, разгрузили необходимое снаряжение и инвентарь для ночлега.

- Вы, давайте, палатку ставьте, костер жгите, а я поставлю сеточку, - посоветовал нам Юра и уплыл назад к Зее.

Установив палатку и приготовив все к ночлегу, разожгли костер, поставили чайник. Я уселся ошипывать крохалю, Тышкевич начал готовить кастрюлю для вечернего супа. Вскоре вернулся Патрушев, пртянул к берегу лодку, закрепил цепью.

- Часа через два привезу рыбку, Саш, готовь сковородку, -весело говорит он.

- Вот, а к этому времени и утку сварим, - улыбается Тышкевич.

- Ребята, а вода-то прибывает. Дождь будет обязательно. Как бы нас не подмыло. Уж больно рядышком с обрывом палатку установили. Давайте вон туда, повыше, перенесем. А то ночью будем бегать, - твердо говорит моторист.

Ему не привыкать к коварной реке, поэтому он нас и предупреждает. Может быть, этого всего и не случится, но вдруг все же поддаст Зея, и ручей мгновенно вспухнет. Втроем быстро переставили метров на двадцать от берега палатку, перетащили пожитки. Костер остался на месте.

Начало смеркаться.

- Саш! Поехали. Поможешь вытащить рыбу, - предлагает Юра.

Мы быстро садимся в лодку и направляемся к месту, где Юра два часа назад установил сетку. На малых оборотах подъехали к известному Юрию месту, заглушили мотор и подошли к сетке на веслах. Юра осторожно начал выбирать потяжелевшую сеть. Через некоторое время дно лодки засеребрилось трепещущими сигагами. Улов хороший, Юра довольно хмычет и показывает на улов, затем усаживается перед рыбой на корточки и начинает выбрасывать ее за борт.

Ты чего делаешь? - с недоумением говорю я ему.

- Ничего. Вот эта молодая, - показывает на среднюю в размере рыбу, - должна еще расти, а вот эту мы возьмем себе.

Выбрав таким образом четыре самые крупные рыбины, он повыбрасывал остальную за борт. Он не просто выбрасывал ее, а осторожно опускал в воду, приговаривая при этом:

- Иди, расти, потом я тебя поймаю.

- Вот, видишь, из этих трех хорошая жареха получится, да на маслице, пальчики оближешь.

Зачем нам сегодня много рыбы? Поужинаем сегодня, а завтра свежая будет. А когда солить на зиму время придет, тогда и порыбачим. Много ли человеку в тайге надо? Зачем портить напрасно природу. Она же нас кормит. Вот этот большой сиг пойдет сегодня на талу нанайскую. Приготовлю я вам ее сейчас свежую. Вкуснятина.

Только после этого небольшого Юриного монолога я в вспомнил, как он меня остановил сегодня во время охоты на уток. Действительно, на ужин и одной достаточно, да еще жареных сигов. Сейчас я уже воспринимаю его как заботливого хозяина природы. Он ей вреда не принесет, варварски зверя не убьет ради спортивного интереса.

Сумерки опустились на зейскую тайгу как-то незаметно. То ли пасмурный день постепенно угасал и приблизился к своему завершению, то ли мы настолько увлеклись в первый день своим путешествием, что когда свет костра выхватил окружавшие наш лагерь деревья, мы заметили наступившую темноту. Каким-то шестым чувством я ощущаю присутствие кроме нас троих еще кого-то живого. Наверное, тому, кто бывал в тайге, знакомо это чувство. Вроде, кто-то смотрит на нас из-за деревьев, но не решается показаться и потревожить наш мирный отдых. Все равно чье-то присутствие в живой тайге есть. Скорее всего, это - сама природа, которая ни на минуту не прекращает жить, расти, погибать. Поэтому иногда слышны ее тяжкие вздохи, тихое пошепывание или угрожающие звуки. Тайга полна жизни, и радость будет у того человека, который ее понимает, к ней прислушивается, ждет и принимает через всевозможные приметы ее советы, предупреждения или действия. Она может помочь и выручить странника в суровые минуты, накормить и дать приют тем, кто знает ее законы, уважает ее чистоту, кто сам лично

привносит в природу свою частицу любви. Но она бывает подчас беспощадна к тем, кто не знает ее, кто по этой причине безжалостен к ней, убивает и поражает ее своей рукой. В нашей профессии геодезистов, которая создана человеком и соединена с природой, имеются особые счеты. Это борьба на выживание с природой, приобретение естественной профессиональной закалки, чтобы существовать в самой природе, быть ее составной частицей. Вот как об этом явлении писал Григорий Федосеев:

«У тайги с геодезистами свои давние счеты, особая непримиримость. Немногие из них выдерживают эту схватку, а те, кто продолжает - сживаются с постоянным риском, с неудобствами походной жизни, делают смельчаками, и тогда нет для них иной жизни, чем напряженная борьба с природой» (Григорий Федосеев «Смерть меня подождет». Хабаровское книжное издательство. 1989 г., стр. 247).

Действительность этой истины характерна для каждого нового дня. Вот и сегодня природа преподала нам свои тайные уроки. Зeya-матушка показала нам свое могущество в разливе водной стихии и поэтому шутить с ней так просто нельзя; а с помощью человека, воспитанного на ее берегах, предупредила, что ее подводные богатства не беспредельны, и к ним нужно относиться бережно, думая не только о сегодняшнем дне, но и о том, что она даст человеку завтра и в каком количестве. Сама природа показала и раскрыла нам простые законы ее сохранности, ее отношение к человеку. Она открыта каждому человеку, она сама ведет его на ее открытие.

Мы сидим у костра, наслаждаемся теплом. Тихо шумит рядом вековая тайга. Она затаилась перед непогодой. Робкий низовой ветерок то вдруг пахнет на костер, раздув его горящие угли, то на нас - обдав холодком и запахом большой воды. Притаилась тайга перед очередным явлением природы.

Ужин получился у нас отменный. Крохаль оказался жирным, и похлебка удалась. Хорошо поджаренный сиг на сковородке на углях получился на вкус лучше домашнего жарения. Патрушев предложил на десерт нанайскую талу из сига. Оказывается, это рыбное блюдо приготавливается просто и быстро. Для этого достаточно хорошо очистить свежего сига от чешуи, аккуратно и чисто выпотрошить, промыть холодной водой, отделить мякоть от хребта и мелких костей, нарезать квадратными дольками, посолить со специями, положить в чашку и накрыть ее другой; хорошо перемешать в закрытых чашках и оставить на два часа. Спустя, примерно, два часа - блюдо готово для употребления.

Довольный Патрушев поглядывает на нас, как бы молча спрашивая нас о впечатлении от ужина. После ужина перебрались в палатку, зажгли свечу, и начали укладываться на ночлег. По палатке застучали мелкие капли дождя, сначала робкие, с неожиданными остановками, затем все чаще и чаще.

- Ну, ребята, наверное, разошелся дождь не на шутку и надолго. Тучки-то идут от Станового. Почему Зeya пополнела? Потому что сверху дождь дал большую воду. Сегодня жди и Ток поддаст, и нас не оставит в покое. Теперь успевай только лодку перевязывать от берега. Пойду-ка я посмотрю, чтобы чего-нибудь из груза не намокло.

- Да, пойдём вместе, - говорит Тышкевич, - и мы двинулись на тлеющие в темноте угли костра, которые уже шипели от дождевых капель.

А дождь, между тем, усиливался, не давая нам никакой надежды на скорый его конец. С обрывистого берега лодка еле просматривалась. Патрушев размотал цепь на всю длину, крепко привязал за ближайшую лиственницу, затем спрыгнул в нее и на ощупь начал подтыкать брезент под продукты и снаряжение, аккуратно уложенные на днище.

Утром дождь не прекратился. Юра ушел к лодке, а мы лежим еще в спальных мешках и советуемся.

- Плыть в такую погоду бессмысленно, да и вода пошла на прибыль. Видел какие завалы на реке? Ну, а выше по Току, наверное, еще сложнее, - говорит Володя, а сам посматривает на улицу.

- Придется день терять? - спрашиваю я его.

- Придется, но рисковать в такую погоду не будем, - продолжает он. - Давай лучше посмотрим с чего нам начать приемку. Первым у нас на пути участок строителя Ноздрин. Неплохой мужик. Строит добросовестно. Сигналы надежные.

Он расстилает трапецию на спальнике, и я смотрю на сеть триангуляции на участке.

- Вот этот пункт, - он тычет карандашом в треугольник на карте, - который на правом берегу - от реки в десяти километрах. Если здесь остановиться, то мы обернемся за день туда и обратно. А дальше пойдем вверх по Току на остальные пункты. Здесь есть далекий, в тридцати километрах от реки.

- Этот участок давно ваша экспедиция отрабатывает? -спрашиваю его.

- Третий год. В основном, заполняющаяся геодезическая сеть, второй и третий классы. В этом году еще нивелирную линию второго класса надо сдать. Партию старателей-нивелировщиков, ты знаешь, возглавляет Алексей Илларионович. Скоро встретимся.

За разговором мы не заметили, что шум дождя за палаткой усилился. Во второй половине дня наметился перелом в погоде: зашумели верхушки деревьев. В сплошных тучах появились разрывы, которые постепенно увеличивались в размерах. Дождь почти прекратился. Появилась надежда на завтрашний день продолжить путь по Току. Вода чуть-чуть пошла на убыль. Но по всему в погоде чувствуется, что она может измениться не в нашу пользу.

На следующий день мы успели подняться вверх по Току километров на двадцать пять. Это расстояние мы шли осторожно, проверяя взглядом каждый плывущий прутик или ветки при-топленных в воде, подмытых лиственниц. В этот день на одном из кривунов реки, вблизи мощного завала из топляка, мы неожиданно увидели на берегу пасшегося черно-бурого медведя. Он, повернувшись боком к приближающейся лодке, удивленно смотрел на нее, еще не ощущая той опасности, которая может исходить от нее. В лодке сидели люди, притом вооруженные. Может быть, впервые за свою жизнь косолапый встретился с ними, еще не понимая, чем может эта встреча закончиться.

Патрушев на малых оборотах приближался к медведю, давая мне знаками подать ему ружье.

- Давай пугнем. Стрелять в него не надо.

Медведь в это время смотрел на нас с любопытством. Грохнул выстрел. Он в испуге присел, потом резко крутанулся боком, и большими прыжками, выбрасывая из-под ног речную гальку, галопом понесся к спасительному кустарнику на берегу по зашатавшейся молодой береговой поросли, и скрылся в таежной чаще. Видно было, как он стремительно уходил вверх. Патрушев смеется и говорит, что он сейчас целый день будет бежать, не останавливаясь, а затем ляжет где-нибудь в глухой темной чаще.

К вечеру заморосил дождь и, разойдясь вовсю, он не дал нам пройти еще какое-то выигрышное расстояние. Да и наступающие на тайгу сумерки заставили нас выбрать повыше берег и разбить лагерь. Вода в реке начала резко прибывать. Устроив водомерный примитивный пост, мы подсчитали, что за один час прибывь воды составляет пятнадцать-двадцать сантиметров, а это значит, что мы будем подмыты после полуночи.

Кроме того, мы находимся на острове, со всех сторон вода протоков реки окружает нас.

Тышкевич принимает решение весь груз перенести на временный лабаз, который мы быстро соорудили в глубине острова на двух ошкуренных лиственницах и прорубили широкую тропу, чтобы ночью, если придется, перейти без помех из палатки на лабаз.

Оставшись в палатке с аварийным запасом продуктов суток на трое, мы по очереди наблюдали повышение уровня воды. Часовой уровень ближе часам к двум ночи заметно начал уменьшаться и составил два-три сантиметра в час. Опасность миновала, и мы под утро крепко уснули.

Новый день начался с утренних хлопот по подготовке дальнейшего пути. Дождь прекратил свое наступление, тайга стоит вокруг притихшая, мокрая от пролитых многодневных дождей.

Заросли багульника сбрасывают на нас свою мокроту, цепляются за ноги. Природа стоит в оцепенении то ли оттого, что непогода будет меняться, то ли оттого, что вскоре снова застучат капли дождя по хвое на деревьях, по упругим веткам багульника, по поверхности реки, по одиноким и редким пташкам, которым сегодня не хочется летать и петь.

Мы спешим. Наша лодка, вздымая буруны кипящей, встречной холодной воды, уверенно двигается вперед. Опасные кривуны и береговые прижимы стараемся пройти осторожно, но решительно и быстро. Патрушев мастерски лавирует по руслу реки, выискивает только ему известные проходы между обнажившимися подводными камнями. Мы сидим с Тышкевичем не шелохнувшись, так как любое малейшее движение может создать непоправимый крен лодки и вызвать угрозу опрокидывания. А это нам совсем не желательно.

Ближе к полудню на левом берегу показались строения прииска «Николаевский», который вот уже около десяти лет стоит заброшенный. Несмотря на его заброшенность, отдельные дома с

заколоченными ставнями выглядят еще крепкими. Прииск расположен по берегам впадающего в реку Ток красивого ручья Николаевский, откуда и название прииска. В устье ручья застыли полуразрушенные временем постройки для переработки золотоносных песков, на которых в свое время размещались промывочные приборы.

У прииска Николаевский мы сделали небольшой привал.

- Дальше - вверх после Покровского прииска - будет веселей. Там начнутся перекаты. Только держись, - разъясняет дальнейший наш путь Патрушев.

- Да, вроде, и до этого места тоже было интересно, - говорю я, вспомнив про опасные заторы, скалистые прижимы.

- Да увидите сами. Не люблю я ездить сюда. Да и немного опасно. С грузом пройдем, только тяжело будет, - разъясняет Юра. - Мне раньше частенько приходилось сюда плавать. В основном вверх, на охоту и рыбалку.

- Юра, - обращаюсь я к нему, - у вас в Бомнаке жил эвенк по прозвищу Улукиткан. Знаешь его?

- Да кто его не знает. Хороший, дельный мужик. Редко показывался в поселке. Все больше в тайге, у геологов каюром работал. Да про него целые рассказы сказывают. Будто у какого-то писателя, большого начальника экспедиции, он проводником был. Вроде, про него он написал. Недавно он был в Бомнаке, памятник ему поставил недалеко от поселка.

- Так писатель-то - наш геодезист Григорий Федосеев, - напоминаю я ему.

- Вот-вот, вроде, так его зовут, - продолжает Патрушев, - Годков-то Улукиткдну перевалило за девяносто. Может быть, еще жил бы, если бы кто-нибудь рядом был с ним в палатке. Палатка, рассказывают, загорелась. А много ли старику надо, чтобы угореть - дыхнул гарью и все. Да и зима, холод. Поздновато к нему подмога пришла. Сын у него в Бомнаке.

Мне хочется все больше и больше знать об Улукиткане, его последних днях на земле его предков. Беседы с нашей хозяйкой квартиры в Бомнаке со стариком, его другом, Николаем Лихановым и вот сегодня - с Патрушевым подтверждают великолепные человеческие качества, которые заметил Григорий Федосеев. Он был покорен его мудростью и щедростью души. Вот как вспоминал об этом человеке писатель:

«Я не могу равнодушно слышать имя Улукиткана. Не дождусь момента, когда, наконец-то, после зимней разлуки обниму старика, услышу его кроткий голос. Этот старый эвенк слишком дорог мне и не потому, что не раз спасал мою жизнь, дорог как человек, обладающий удивительным проникновением в душу человека, в отношения людей и в тайны природы. Он мой друг, спутник, советчик. Наши с ним путешествия, - для меня сплошные открытия.

Благодаря Улукиткану, я полюбил скудную и суровую природу этого края, она стала еще более понятна и близка мне» (Григорий Федосеев «Смерть меня подождет». Хабаровское книжное издательство. 1989 г., стр. 14-15).

После привала на прииске Николаевском наша лодка, рассекая острым носом речную гладь, устремляется между высоких скальных прижимов дальше на север, оставляя за кормой километры нашего пути. Равнинные берега сменились обрывистыми, скальными. Река сжимается между скал, и вот уже первые мощные буруны над подводными камнями начали встречаться нам на пути. Мы приближаемся к нижнему перекату под названием «Людоед».

Наше преимущество при проходе его снизу вверх заключается в том, что при подъеме и небольшой скорости можно успеть принять правильное и оперативное действие при приближающейся опасности. Хуже будет при обратном спуске. Патрушев крепко держит руль, внимательно всматривается в приближающиеся очередные пенистые ворота двухметровой высоты. В них нужно протолкнуть лодку. А дальше - еще сложнее. Перекат длиной около километра нам тяжело отвоевывать при солидном весе лодки. Наконец, пройден перекат. Река плавно катит нам навстречу по древнему руслу свои воды.

Патрушев на корме не расслабляется. Наоборот, на мой взгляд, он становится еще собраннее и внимательнее. А это, как я думаю, оттого, что он знает цену этого небольшого затишья.

Впереди нарастает какой-то шум. И вот вновь наша лодка уверенно лавирует между бурунами, пенистыми воротами, которые обдают нас холодными брызгами. Перекат «Китайская церковь» мы проходим более уверенно, чем «Людоед». За нашей лодкой, сверху кажущейся хрупкой щепочкой, смотрят, насупившись, скалы, обнажившие свои разноцветные породы миллионного возраста. На крутых прижимах очень опасно, можно залететь в подземные пещеры, которые образовались тысячи лет назад. Оттуда возврата назад не будет. Поэтому Патрушев держится от них подальше, искоса поглядывая на широкие пасти в скалах.

Место для лагеря выбрали на живописном берегу реки, на песчаном повороте, среди невысоких сосенок, напротив высокого скального прижима, где внизу клокочут, режут и бушуют воды Тока. Весь груз из лодки выгрузили на берег, укрыли брезентовым тентом, установили палатку. Отсюда мы намереваемся произвести заходы на отстроенные пункты триангуляции. Патрушев ушел к лодке. Чуть позже он позвал меня съездить поставить сетку для вечерней ухи. Сидя поздним вечером у костра за чаем, Патрушев рассказывает нам об истории двух перекатов. Перекат «Людоед» за долгие годы поглотил десятки смельчаков-золотостарателей, спускавшихся с верховья Тока после фартовой работы. Сплавлялись сверху кто как мог: на утлых плотиках - саликах. Среди них было много китайцев, решивших в этом уголке России разбогатеть.

Уложив в пояса золотой песок, они по звериным тропам по непроходимой тайге уходили на юг к своей Родине. Для многих из них это было последнее путешествие в жизни. В пути их уже ожидали ушлые и разбойные промысловые люди. Метким выстрелом они поражали золотоискателей на перекате, а затем вылавливали ниже по течению их тела с драгоценным металлом. Счастливики, избежав трагической участи своих соплеменников, и ушедшие за кордон с российским золотом, затем вновь появлялись в этих краях в надежде добыть и унести больше драгоценного металла назад. Чуть позже, уже в Бомнаке, я услышал правду или вымысел о том, что дед Патрушева Юрия на свои личные сбережения построил поселку детсад. Но, думаю, это было просто фартовый старатель, чье богатство было заработано мозолями. Об этом как-то раз обмолвился Юра.

Кроме этого, много было трагедий, разыгравшихся на этих перекатах. В основном, все старатели технические грузы и продукты доставляли на прииски на больших лодках, барках с небольшой осадкой для этих речных глубин. Иногда после перекатов от них оставались одни щепки.

А перекат «Китайская церковь» назван был так одним китайцем, одиночкой-старателем, который заблудился в этих местах, и уже не думая о том, что он будет жив, случайно вышел на берег Тока в том месте, где шумел он на большом перекате. В честь своего спасения он построил церковь. С тех пор так и называется перекат «Китайская церковь». Нам, конечно, не удалось постоять на том святом месте, подарившем спасение человеку.

Вновь заморосил мелкий дождь, который заставил нас забраться в палатку. Под дождевой шум о палатку мы заснули крепким сном. Прошедший день в лодке принес нам немало волнений при проходе препятствий, созданных самой природой, и поэтому усталость дала о себе знать. Утро выдалось хорошее, солнечное. Заискрились на мокрых кустах дождевые капли, распрямились во весь рост кусты багульника и березового стланика. Зачивкали на ближних сосенках какие-то мелкие пичужки. Спустился по крупным камням, устилающим берег, к утренней реке. Радостно несет Ток свои воды вниз к Зее, стремясь быстрее догнать свою родную матушку, влиться в ее стремительный бег, а дальше вместе с ней соединиться с Амуром-батушкой. Холодная вода хорошо освежила меня, прибавила бодрости и силы. За утренним завтраком мы обсуждаем сегодняшний день, который уже давным-давно был спланирован Тышкевичем. Договорились, что чуть подсохнет - выступаем на близлежащий пункт триангуляции, отстроенный Ноздриным. Через час выступили в поход. За плечами рюкзаки, ружья. Пройдя примерно полтора километра по берегу, и распрощавшись с рекой, мы взяли азимут на северо-западное направление, где располагался геознак.

Прибрежная тайга не так просто и свободно пропускает незваных спутников. Нужно потратить большие усилия, чтобы пробраться через густые заросли багульника, березового стланика, через свежие завалы и отдельные, уже с молодой порослью участки бывших лесных пожаров. Да и к тому же сплошной мох, как ковер, иногда не дает быстро сделать шаг вперед. Впереди идет Тышкевич, за ним я, замыкает Патрушев.

Солнце светит по-летнему, и его лучи достигают самых потайных и глухих мест в непроходимой вековой тайге. Наш путь пересекает неширокий, покрытый замшелыми валунами, холодный и прозрачный ручей. Делаем привал, ополаскиваем разгоряченные тела, особенно ноги, после жарких резиновых сапог. За это время чуть просушили пропотевшие куртки - энцефалитки. В рубашках в тайге долго не пройдешь. Защитная прочная ткань курток

является своего рода легкой броней от мух, наседающих комаров и слепней. А они всюду, почуяв хорошую добычу, жужжат со всех сторон, налипают на потное лицо, обнаженные руки. Жалят они всех, кто решился нарушить границу комариного царства. Без разбора. Не щадят никого. И надо набраться терпения, чтобы их присутствие стало бы неотъемлемой частью нашего полевого уклада, и свыкнуться с тем, что это так и должно быть постоянно. Надо не просто стараться не замечать, не думать о том, что они вот-вот должны отступить от тебя. Не будет такого никогда в тайге с комарами, они всегда будут сопутствовать и не отставать. Комариные армии изматывают людей и животных, заставляют их искать убежища где-нибудь повыше, где ветерок гуляет, где есть вода.

В этот день мы стараемся идти подольше с тем расчетом, чтобы заночевать у подножия горы, где стоит сигнал, а утром там поработать. Так и получилось. Уже в сумерках мы остановились, установили палатку, разожгли костер и поставили варить кашу. После дневного перехода побаливали плечи от рюкзака, ныли ноги от ходьбы по непролазной чаще. Приятно полежать около костра, зная, что больше не надо никуда двигаться.

Утром меня разбудил монотонный голос за палаткой. Это Патрушев включил рацию и вызывает строителя Ноздрина: «Кратер-24», я - «Кратер-16». Как слышишь меня? Прием!». Наконец, громкий голос в эфире: «Я - «Кратер-24», убавь громкость. Нахожусь в трех километрах от вас. Прием!».

Сегодня у нас первая связь с людьми после отъезда из Бомнака. На календаре 8 августа. Строитель Ноздрин, узнав, что мы после приемки его пунктов вернемся в Бомнак, передал через нас заявку в экспедицию на продукты и снаряжение радиogramмой. Я записал. Договорились с ним на дополнительную связь после двенадцати часов дня уже с его отстроенного сигнала. Это для того, чтобы сообщить ему технические замечания при приемке. Какое удобство для связи существует у геодезистов через рацию. Связь ежедневная, устойчивая. Через рацию можно работать за сотни километров от центральной базы, договариваться со своими соседями по участкам на дополнительную связь для обсуждения совместных действий или по другим вопросам. Так, например, давал оценку этого удивительного явления, радио, Григорий Федосеев: «Трудно даже представить какое огромное облегчение принесло радио экспедициям. Ведь совсем недавно наши подразделения, уходя ранней весной в тайгу, были предоставлены самим себе. Не всегда на длинном и тяжелом пути геодезистов-топографов попадались селения, в лучшем случае встречались пастухи с кочующими стадами колхозных оленей. Люди за лето в какой-то степени дичали. Их постоянным спутником была неопределенность. Конечно, связь не облегчает сам труд людей, но вселяет в них уверенность, ведь в случае опасности или какого несчастья они могут получить помощь, а главное, с радиостанцией люди не чувствуют себя оторванными от мира» (Григорий Федосеев «Тропой испытаний». М., Молодая гвардия. 1990, стр. 264).

Завтракали мы вдвоем. Тышкевич отказался от завтрака, только выпил кружку чая. Сослался он на плохое самочувствие, да и ночью он частенько ворочался, стонал. Дважды за ночь он вылез из палатки на свежий воздух, но морозящий дождь не давал долго расслаиваться. Только под утро мы все уснули.

Свернув наш лагерь в рюкзаки, я обратил внимание на Тышкевича.

- Володя, может, вернемся? - говорю я ему.

-Да, что-то не то со мной. Опять дает знать моя язва. Желудок побаливает. Назад сейчас нельзя. Надо принять хотя бы эти пункты, - ответил он и поморщился от боли.

В этот день нам удалось принять двадцатидвухметровый сигнал Ноздрина, и здесь же переговорили с ним. Сначала на дополнительную связь он не выходил, или его забивали в эфире другие. Затем прорвался голос издалека и попросил назвать себя.

Говорил Володя. Оказалось, что мы услышали геологов с побережья Охотского моря. А это более трехсот километров на восток. Наша портативная радиостанция «Недра», рассчитанная на расстояние максимум пятьдесят километров, умудрилась принять на такое далекое расстояние голоса геологов.

В этот день нам не удалось выйти на переход на соседний пункт. Тышкевич почувствовал себя хуже, и мы вынуждены были возвратиться к лодке. Через день Володе стало несколько лучше и мы произвели приемку еще двух пунктов. Один из них самый отдаленный. Возвращались от него в трудных условиях. После завершения технической работы на пункте Тышкевичу стало хуже.

- Наверное, ребята, нам нужно быстрее к лодке, а то через день вам придется нести меня на руках. И надо было именно в эти дни обостриться этой язве.
За эти дни он заметно сдал. Щеки ввалились, скулы заострились, глаза смотрят на нас из глубоких впадин. Дело принимает серьезный оборот. Володю мы освобождаем от рюкзака, все его вещи раскладываем на двоих и трогаемся в путь. Внимательно следим за состоянием Тышкевича в походе. Чаще делаем привалы, не гоним вперед. Он успевает за нами идти. Но чувствуется, что нелегко ему даются километры по нехоженой тайге, без троп. Он делает в этот день невероятные усилия, преодолевая таежный маршрут.
Через два дня, пройдя трудные версты опасного спуска вниз по Току через знакомые перекаты и избежав опасностей столкновений с топляками, мы вернулись в Бомнак. На следующий день Тышкевич улетел из поселка домой, в Хабаровск. Болезнь его не дала нам возможности выполнить весь объем запланированных работ. Да и у меня получился какой-то вакуум по этой причине.

Глава 4. Алексей Илларионович.

В поселке меня ждал хороший сюрприз. В эти дни прилетел в Бомнак начальник партии нивелировщиков Алексеев Алексей Илларионович, с которым я познакомился еще в Хабаровске. Встретились мы на квартире у нашей знакомой хозяйки. Он обрадовался этой встрече. Узнав от меня чем закончился наш поход и проводив Тышкевича, он в этот же день объявил мне, что забирает меня к себе на приемку нивелирной линии, что проходит по правобережью реки Ток, через метеостанцию Мерзлотка. Дальше линия выходит на Бомнак. Патрушев готовится к новому походу и снаряжает лодку.
Вечером, после ужина, Алексей Илларионович знакомит меня с технической документацией. Я внимательно изучаю географическое описание линии, знакомлюсь с кроками на каждый репер.
- Алексей Илларионович, - спрашиваю я его, - Вам же удалось работать с Федосеевым?
- Не только работать, но и дружить. Сейчас на заслуженном отдыхе. Где-то в южных краях.
- В качестве кого тогда в экспедиции работали?
- Да я, Сашенька, ваш Томский заканчивал. Поэтому в экспедиции Федосеева пришлось работать на строительстве знаков, рекогносцировке, нивелировке. В последние года начальником партии. Интересно было работать. Правда, после войны нам всего досталось. Не хватало снаряжения, продуктов, транспортных средств, средств связи. А ничего, работали. Где только ни пришлось побывать. Почти весь Дальний Восток, Восточную Сибирь исколесили. А вот я ни в одной книге у него не фигурирую.
Последнюю фразу он произнес как-то обиженно.
- Почему?
- Не знаю. У него другие герои в книгах. Всех записать нельзя. Автору не подскажешь. Книги пишутся одним человеком. А ты знаешь, в середине пятидесятых годов наша экспедиция работала по созданию первоклассных рядов по Джугджуру и Становому. Строили много. Вот и сейчас добываем участок в верховьях Тока и Зеи. Кое-что отстроить осялось, и наблюдать, еще года на три. А ты, Саша, где успел поработать?
- В 1964 году на Тянь-Шане: рекогносцировка, строительство пунктов на больших высотах. Прихватил там же и наблюдение. В 1965 году никуда не ездил, была учебная практика до первого сентября, а на каникулах подрабатывал на стройке в совхозе на геодезических работах. Разбивка, котлованы, монтаж конструкций.
- Ну, так познал уже, чем геодезия пахнет? Это хорошо. А вообще-то, я тебе скажу из своего опыта. Хорошие ребята исполнители получают после мозолей на руках. Говоришь, на Тянь-Шане был? Не пришлось мне там побывать, хотя и мечтал. А здесь на Востоке тоже нелегкие горы. Один Джугджур чего стоит.
- Алексей Илларионович, Вы помните Улукиткана?
- Ну, как же не помнить. Я его лично знал. Три года как его не стало. Умный старик был. Не зря его Федосеев сильно уважал. А уважать было за что. В то время на эти места и дальше на Восток карт не было. Пользовались старой аэрофотосъемкой, да примерными схемами. Эти края необходимо было обустроить геодезическим обоснованием. Вот и пользовались услугами местных жителей, охотников, чтобы пройти к незнакомым местам. Федосеев-то часто сам отправлялся на обследование новых участков. Оленей нанимали вместе с каюрами. Вот так

судьба и свела его с Улукитканом. Выручал он часто из беды своего начальника. Память хорошая у старого эвенка была. Без карты ходил. Да и, к тому же, природу знал. Таежный человек был. Он здорово помогал экспедиции.

Я внимательно слушаю Алексея Илларионовича, вспоминаю Тышкевича, который примерно так рассказывал про Федосеева и его спутника Улукиткана.

- В этих местах, - продолжает Алексей Илларионович, - все его знают. Натоптал он своих тропок много. Везде его следы есть. Только сейчас их уже не найти. Мало следопытов сохранилось из местных жителей, эвенков. Молодежь все больше в поселок стремится. Потихоньку и ремесла таежные забудутся. Секреты предков теряются, их никто не оберегает. Также и в нашей профессии. Настоящих полевиков становится все меньше. И не потому, что техпрогресс, нет. Материальная сторона перебивает. Вот посмотришь, как осенью будет трудно уговорить где-то недоделки устранить. Сразу давай деньги плати. А мы раньше за карту болели. Не задавали вопросов, сколько заплатят. Знали, что надо делать для нашего Отечества. Разговорился Алексей Илларионович. Наверно, собеседник хорошо слушает. Я не перебиваю его, а слушаю и запоминаю. До этого передо мной никто так не раскрывался. Оказывается, у нас новых проблем много. Имею в виду нашу отрасль. Это с одной стороны. С другой, если посмотреть на нас молодых, то сотни приобретают подобные профессии, сотни уходят ежегодно в тайгу или горы, или в пески. Все же не иссякает романтизм этой профессии, о чем так тоскует опытный полевик. Значит, есть у него основания сравнивать то, прошедшее время и сегодняшнее. Причина в другом. Просто с развитием топографо-геодезической службы, совершенствованием ее технической стороны и оснащенности, меняется психология людей, занимающихся этим.

Разговор мне понравился, и все больше проникаюсь уважением к человеку, принявшему выпавшую ему судьбу геодезиста просто, скромно и по-человечески.

На следующий день прилетел в поселок начальник строительной партии Михаил Кожевников, плотный тридцатилетний русо-волосый крепыш с простым, деревенского покроя, лицом. Он сразу же по приезду принялся за испытание подъемных тросов. Подъемные троса необходимы при подъеме собранных на земле геодезических сигналов. Они должны пройти испытание на прочность.

На ужин в столовую мы пришли почти одновременно. Алексей Илларионович, знающий Кожевникова по совместной работе, быстро нашел тему для разговора с ним. Я помалкивал и не вмешивался в их разговор.

- Миша, - обратился он к собеседнику, - когда выступить собрался?

- У меня все бригады в поле. Вот подберу все снаряжение и в дорогу. Сегодня начал испытание тросов, ну, и одна бухта оказалась бракованной. Придется снова в Хабаровск заказывать. А это время. Когда я их доставлю в бригады? Скоро конец сезона, а я с бракованными вожусь. Перед началом сезона не досмотрели, а сегодня волокитимся. А Вы когда уходите, Алексей Илларионович?

- Думаем, через день. Вот отметим День аэрофлота, и вперед с Сашей. На днях прилетает Борис Горбачев.

Борис Горбачев - начальник партии наблюдателей. Он должен сразу же уйти на базу партии, на метеостанцию Локшак. У него, как и у Кожевникова, все бригады в поле.

- Миша, как там, в Хабаровске? - спрашивает Алексей Илларионович.

- Ну, Вы же недавно оттуда. Последние новости такие. Начальник экспедиции немного поругивает всех нас за выполнение плана. А тут то пожары, то дожди. Мне-то ничего. А вот Горбачеву видимость нужна. Поэтому Горбачев и летит к себе на продточку в Локшак. Завтра улетаю к Ноздрину. Говорят, что Тышкевич заболел?

- Да вон Саша вместе с ним выходил из тайги. Твои пункты Тышкевич принимал, да случилась с ним болячка.

- Саша, - обращается Кожевников ко мне, - где приняли?

Он разворачивает трапецию, я указал на три ноздринских пункта.

- Мало принял Тышкевич. Алексей Илларионович, кто его заменит?

- Не знаю. Может быть, главный инженер. Но он где-то на Шантарских. Ты не беспокойся.

Будут все приняты. Премии получите, да и Доска Почета обновится.

- Будем стараться, - улыбаясь, ответил Кожевников.

- Саша, - обращается ко мне Алексей Илларионович, - пойдем, зайдём к Патрушеву. Нам надо собираться в дорогу. Вот дождемся Горбачева, и после на недельку выедем на вороных. Он смеется простой доброй улыбкой. Мы расстаемся с Кожевниковым, и направляемся от столовой к Патрушеву. Дома его не застали. Там никого не было. Дверь оказалась запертой на деревянную щеколду.

- Наверное, на бережку, около лодки. Пойдем, заглянем. Саш, как тебе Кожевников?

- Ничего мужик. Наверное, тертый калач.

- Тертый - это ты правильно сказал. Не был бы тертым, не стал бы начальником партии. Побольше бы таких ребят нам. Ответственный. Вот видишь, сегодня. Другой бы на его месте водку пил бы, а он сразу за испытания. Вот увидишь, долго здесь не засидится. Около лодки копошился с моторами Патрушев в своей неизменной клетчатой рубашке и в болотных резиновых сапогах. На корме разложены детали, крышка «Москвы».

- Вот, делаю профилактику, чтобы вас быстро доставить, да успеть порыбачить где-нибудь.

- Знаю твои где-нибудь. Видать, места рыбные имеешь? -шутя говорит Алексей Илларионович.

- Да я как все смертные рыбаки. Поставлю сетку, потом вытаскиваю немного, - хитро улыбается Патрушев и, не отрываясь от работы, поглядывает на нас.

- Знаю я тебя. Как все смертные, - передразнивает Алексей Илларионович, - больше тебя в Бомнаке никто не ловит. Только, наверное, Данилыч может с тобой потягаться.

- Я ему проиграю, - отвечает он, - ему не грех проиграть, как-никак наш бывший председатель колхоза. А начальники все больше нас имеют. Но он-то не такой. Талант у него не только на рыбалку. На охоте мастак. С ним тягаться интересно.

- А где он сейчас, в поселке?

- Не видел я его давно. Наверное, в экспедиции. Кто-то говорил, что уплывет на Локшак.

- Видать, с Горбачевым будет работать. У него горячая пора.

- Алексей Илларионович, - бросив работать и уже серьезно, без шуток, спрашивает Патрушев, - сколько ГСМ брать и всего такого, чтобы уехать туда и вернуться обратно?

- На репера, что-ли, выезжаем?

- На репера, Юра. Бери всего на две недели.

- Когда едем?

- Скажу завтра. Горбачев должен прилететь. С ним надо мне встретиться. Ну, бывай, капитан, - прощается Алексей Илларионович и мы идем домой.

Подошли к дому нашей хозяйки, в котором уже светились окна. Незаметно поселок погрузился в глубокие сумерки. Кое-где брехали собаки, раздавались голоса женщин, выкликавших своих детей с улицы, брнчали цепями прибывшие рыбаки около лодок на берегу. Еще жил дневной деятельностью Бомнак.

На крыльце встретила нас всегда улыбчивая, в платочке, наша хозяйка Мария Васильевна:

- А у нас гости - Боря прилетел вечером сегодня.

Мы вошли в избу. Навстречу нам поднялся высокий, под потолок, начальник партии наблюдателей инженер Борис Горбачев.

- Когда успел так незаметно и быстро? - спрашивает Алексей Илларионович, тряся его руку.

- На своем вертолете, - ответил ему Борис. - Пришлось спешить, дел много.

Борис показался мне обаятельным, интеллигентным парнем, постарше меня лет на семь-восемь, с пухлыми по-детски губами, добрым прищуром глаз и приятным, спокойным тоном.

- Вот, Боря, познакомься - практикант из Томска, на последнюю практику к нам прибыл, да неудачно. Тышкевич заболел, пришлось досрочно выйти в поселок. На недельку-две я с собой его прихвачу на приемку нивелирной линии. Ну а дальше, давай пристраивай к себе. Парень обкатанный, на Тянь-Шане испытал свое счастье на строительстве, на наблюдении. У тебя хватает работы. Да и недоделки, слышал, есть.

- Работы хватит, - улыбаясь, говорит Горбачев. - Через день я улечу в Локшак, там облетаю бригады и примерно восемнадцатого августа вернусь сюда. Вы успевайте свое задание сделать к этому времени, а я подумаю к кому тебя, Саша, определить. До какого времени можно рассчитывать на тебя?

- До первого ноября, - отвечаю я, и в душе у меня рождается большая благодарность к Алексею Илларионовичу, да и к Борису тоже. Быстро, просто решилась моя дальнейшая работа в экспедиции.

- А что, Вы завтра не улетаете? - задает вопрос Алексей Илларионович.

- Пилоты просили не лишать их профессионального праздника, Дня аэрофлота. Отметим вместе с ними и в тайгу.

- Ребята, а не пора ли чайку, - предлагает Мария Васильевна.

- Чайку-то можно, отвечает Алексей Илларионович, - может, что погорячей? - обращается он к Горбачеву.

- Давайте погорячей. У меня для вас подарок городской, - улыбаясь, говорит он, а сам из большого рюкзака вынимает бутылку коньяка. - За встречу можно и отпраздновать.

Улеглись спать уже во втором часу ночи. Я не мог сразу уснуть. Вдруг почему-то перед глазами возникла болезненная фигура Тышкевича в лодке, когда мы стремительно летели вниз по Току через перекаты «Людоед» и «Китайскую церковь». Я видел его глаза, в которых можно было прочесть нелепое положение его сейчас, не по его вине, а также благодарность и признание к нам, что мы по-человечески и по-дружески разделяем обратный путь ради него. Надо быстрее возвращаться ему домой ради здоровья. А вообще-то, мне так хотелось с ним поработать, поднабраться у него опыта находить недостатки в решении технических вопросов на месте, в тайге, связанных с технологией строительства, которая неразрывно связана с качеством наблюдений. Но не только это нужно мне. Надо учиться находить нити человеческих связей и отношений, чтобы умело использовать их в повседневной совместной работе. А это очень важно в полевых условиях.

Незаметно подобрался крепкий сон. А утром, еще лежа в постели, я пытался найти стержень вчерашних размышлений. Я думаю, что нашел. Главное в работе полевиков - это локоть товарища и взаимопонимание.

- Саша! Не спишь уже?

Это Алексей Илларионович начал утреннюю побудку.

Во второй половине дня мы встречали пилотов, именинников дня. Накрытый стол уже ждал наших гостей.

Произнесли тост за авиацию, за сидящих парней-пилотов, которые помогают геодезистам и топографам забраться в самые отдаленные места бескрайних таежных просторов, подчас в сложных погодных условиях, способных оказать срочную и неотложную помощь в минуты опасности или стихии. Вертолетчики - трудяги по-настоящему. Не раз доказывали они свою профессиональную подготовку.

К нам заглянул Патрушев, чтобы узнать о предстоящем отъезде. Кто-то поддал мысль выбраться на природу, куда-нибудь на остров среди Зеи, на костер у воды. Мысль хорошая и своевременная всегда в такой дружеской обстановке находит у всех поддержку. Быстро собран рюкзак с продуктами, и мы уже через час причалили к песчаному острову километрах в десяти от поселка вверх по Зее.

Один из пилотов, не дождавшись пока мы организуем лагерь, уже зашел по колено в воду со спиннингом. Через некоторое время на берегу затрепыхались несколько небольших сижков. Уха из них получилась аппетитная, свежая, душистая. Патрушев варил сам, никого к котелку не подпускал. Не доверял он нам, чтобы не разглашать зейский таежный рецепт.

Отдохнув на острове, мы уже почти в сумерках были дома. Приятное знакомство, отдых на природе в красивом месте дали нам хороший заряд. Мария Васильевна поставила самовар. Не успев разлить крепкий чай по кружкам, мы услышали какие-то крики на улице. Мария Васильевна вышла на крыльцо и оттуда крикнула:

- Дом горит!

Выбежав на улицу, мы увидели где-то в центре поселка большое зарево от горящего дома.

- Видать, электростанция! - воскликнула Мария Васильевна, всплеснув руками.

Мы гурьбой, кто в чем, рванули к горящему дому. Действительно, горела дизельная поселковая электростанция. Огонь охватил основное здание, где находились дизеля, видимо, оттуда пошел огонь. Здесь уже суетились бомнаковцы.

- Мужики! Давай ведра, песок! - кричал кто-то из ограды через высокий забор.

Не спрашивая никого в этой сутолоке, мы начали помогать откатывать рядом стоящие бочки с соляной, переносить за забор какие-то тяжелые ящики. Огонь дышал нам в лицо, в спину.

- Быстрее убирайте бочки! Где дизелист? - кричал уже грязный от копоти и пота высокий мужчина, суевившийся больше всех среди собравшихся.

- Ты чего, не знаешь где он? Он пьяный как собака. Он же там, внутри, - сбиваясь от наседавшего вокруг дыма, прокричала рядом стоящая полная женщина сквозь бушующий треск пожара, крики, ругань около дизельной.

Огонь уже перенесся к складу с полными бочками дизельного топлива, масла. Пропитанные маслом перекрытия рядом стоящего сарая мигом занялись багровым факелом, угрожая следующим строениям: длинному высокому забору и всему, что находится внутри его.

- Уходите! Сейчас бочки взорвутся! Быстрее! Быстрее! - кричал в ярком зареве все тот же мужик.

К дизельной уже подойти было невозможно. Растянутые в цепочку люди передавали из рук в руки ведра с водой и песком. Но подойти ближе, чем на десять метров уже было нельзя. Народ стоял в немом оцепенении. Все ждали чего-то, что положит конец человеческой помощи.

Разбушевавшаяся стихия сама регулировала время, технологию горения.

Около вынесенных за территорию дизельной электростанции ящиков кто-то зло кричал;

- Ты чего, падла, делаешь! Мы спасаем добро, а ты ворующь! Держи его, ребята.

Но тот, кто хотел использовать подвернувшуюся возможность что-то стащить с пожара, скрылся в темноте.

- У, падлюки, мародеры! Убить мало за такое! - не успокаивался тот же голос.

Я на ходу спрашиваю молодую женщину:

- Что, спасли дизелиста?

Она громко ответила:

- Его поджарить надо, пьянчужку. Он-то, наверно, по пьяни и поджег.

В это время рванула бочка с солярой, и вверх взметнулось пламя вместе с ней. Затем как на параде начали взрываться, подсакивая на большую высоту, другие. Стоять рядом с грозной стихией стало опасно. Народ отодвинулся подальше от горящего здания. Сейчас уже человек не был способен повлиять на создавшуюся ситуацию, оставалось только смотреть и ждать завершения пожара.

Красное зарево долго стояло над поселком. Чумазые от гари и мазута на руках и лицах, мы ушли домой. Запачкались мы прилично, долго умывались и чистили одежду.

- Вот это День авиации с фейерверком на закуску, - пошутил Горбачев.

- А воры везде есть. Видишь, как обернулось. Мы спасаем, а они у нас на глазах решили разбогатеть. Сажать в тюрьму надо, да надолго, - выругавшись сказал Алексей Илларионович. Вот прошел еще день в Бомнаке, завершившись в итоге трагедией для поселка. Когда теперь будет восстановлена электростанция? Все поглотил огонь, ничего не оставил для хотя бы малейшего ремонта. Картина, которую мы увидели на следующий день, была удручающая. Горбачев рано утром улетел на вертолете в Локшак, а мы в этот день завершили подготовку к отплытию. Патрушев запасся бензином, залили канистры маслом.

- Юра, - спрашиваю я, - а шпонками запасся?

- Да, есть в запасе, - ответил он.

Мы знаем цену этой маленькой вещицы в пути. На мелких перекатах гребной винт цепляет за камни. Шпонка, крепящая винт, лопается. Здесь бывает и не до шуток. Где-то далеко случись поломка из-за этой небольшой штучки, не будет под рукой чем заменить, то можно сидеть долго.

- Саша, присядем, - говорит мне, показывая на камни, Алексей Илларионович. - Люблю сидеть на берегу около воды, - продолжает он. - Сидишь и смотришь на реку, и размышляешь о жизни. Не приходилось тебе?

- Алексей Илларионович, да за кого меня принимаете? Надо быть истуканом и не замечать природу и себя в ней. Она же создана для нас. И отдельно для геодезистов. Ну, например, для нас с Вами. Наверно, люди нашей профессии комфортно чувствуют себя в природе, так как все рабочие дни сутками на просторе. Вот время и есть для размышлений, наблюдений и для здоровья.

- А ты философ, оказывается. А впрочем, мы все такие, не только в поле, но и дома, в быту. Неприязнательны к условиям, неприхотливы в еде, сострадательны к людям. Это уже от профессии. Ну, ладно, давай о деле. Завтра отплываем и без остановок сразу до метеостанции «Мерзлотка», а оттуда назад, но потише и дальше. Нивелирная линия идет вдоль Зеи по правобережью, затем отходит от реки, а там на северо-восток в направлении Бомнака.

Вечером я внимательно изучаю карту с нивелирной линией, готовлю акты приемки с паспортами и кроками для реперов.

- А кто строители? - обращаюсь я к Алексею Илларионовичу.

- Не помню. Посмотри в паспортах. Увидим их качество. Ну что, давай на боковую? Завтра пораньше встанем. Надо отдохнуть.

И вот я уже второй раз покидаю знакомый берег Бомнака. Свежий утренний ветерок, прохлада от воды бодряще действуют на нас, что мы вынуждены закутаться в телогрейки. Патрушев же управлял лодкой в легком пиджаке и клетчатой рубашке. Закаленный человек. Ему привычно в любой обстановке. Вскоре скрылись окрестности поселка, и мы остались наедине с рекой, набегавшей на берега зейской тайгой, песчаными островами, проплывающими мимо. Хотя плыли мы. По пути замелькали над водой быстрые крохали. Благоприятная погода сопутствует нам весь световой день. К вечеру успели проплыть устье реки Ток и продолжили свой путь по Зее, все дальше и дальше. Уже поздно на высоком песчаном берегу разбили лагерь.

Место лагеря оказалось до нас давным-давно освоенным. Старое огнище от костра, обложенное уже прокопченными камнями, место для палатки, а рядом ветхий-ветхий балаган из засохших ветвей и уложенный лиственной корой. В стволе стоящей лиственницы торчат вбитые деревянные крючья, на которых болтаются такие же старые остатки рыбацкой сети. Около костра стоит грубо сколоченный низкий стол, а рядом бревна для сиденья. От этой забытой человеком картинке мне стало как-то уютно на берегу.

- Ты смотри, какая благодатная полянка! - воскликнул Алексей Илларионович. - Юра, ты куда нас завез?

- Это место наших стариков-эвенков. Они давно облюбовали его для своего отдыха. А старики, знаете, кто? Лиханов да Улукиткан. Раньше-то они частенько сюда уплывали. Иногда плывешь около этого места, а здесь уже костер. Мы не мешали им побыть в одиночестве. Вот и мы уже привыкли к этому месту.

Радостно слышать, что на этом месте сидел и отдыхал знаменитый Улукиткан со своим другом Николаем Лихановым, у которого я был в гостях. Неужели вот так просто моя судьба ведет меня по следам Улукиткана. Я невольно еще раз, но уже по-другому осматриваю окружающую нас умиротворенную обстановку. Писатель Григорий Федосеев очень тепло вспоминал об этих двух тасжниках-следопытах в своей книге, которые здесь не раз бывали.

Нехотя мы покидаем понравившееся место ночного отдыха. Оно, действительно, вроде, подобрано специально для него. Какое-то душевное успокоение придает это место. Знали, наверное, те, кто в далекие времена впервые встали здесь на ночлег, а потом также нехотя покидали этот уголок в зейской тайге.

За день мы поднялись вверх по Зее километров на пятнадцать, обойдя несколько больших завалов топляка, появившихся после большой воды. Патрушев как-то сегодня сказал, что слышал от стариков в поселке, что ожидается еще больше вода, которая должна превысит недавнюю. Поживем, увидим.

Разбивая лагерь на новом месте, я обратился к Патрушеву с вопросом:

- Ты думаешь, прогноз по большой воде вероятен и без метеостанции?

- Чего мне метео!? Знаю, что старики просто так не скажут. Наверное, есть у них какие-то приметы.

- Нам в эти дни не грозит?

- Думаю, что это произойдет в конце августа. Дожди большие ожидаются, вот Зeya и забушует. Алексей Илларионович в это время копается у костра. Он занят приготовлением ужина, снимает в кастрюле пену с супа из подбитого сегодня по пути крохали. Яркий свет костра освещает наш лагерь, рядом на берегу белеющую палатку, кусочек блестящей внизу, около лодки, глади реки, стоящие вокруг затаившиеся лиственницы.

После ужина в свете полыхающего костра мы сидим с Алексеем Илларионовичем и намечаем наш маршрут по реке, но уже рабочий, по нивелирной линии. Нам предстоит пройти еще несколько километров вверх по Зее, а затем начать работу от старого репера на берегу.

Утро выдалось хорошее, солнечное. Быстро свернули лагерь, и через некоторое время наша лодка понеслась дальше, рассекая ровную гладь на плесах и обдавая нас серебряными брызгами на шумливых перекатах.

- Смотри, смотри! - закричал вдруг Патрушев, указывая вперед рукой.

Мы сидим спиной к движению лодки, и поэтому быстро разворачиваемся к ее носу.

- Ай-ай! Вот ты где! - кричит и хлопает в ладоши Алексей Илларионович.

Метрах в стапятидесяти через пережат убегает, оборачиваясь на лодку, молодой медведь. Помешали мы ему на мелком пережете ловить рыбку.

- Посмотри, что он боком-то бежит, на трех лапах. Раненый, что ли? - приглядывается он к какой-то неуверенной походке медведя. - Вроде, лапа прижата, или чего крепко держит?

Через некоторое время Патрушев смеется:

- Да он рыбу правой лапой прижал к боку и поэтому так бежит. Вот бесенок. Даже сейчас жадный. А вдруг я пулей жажну. Из-за рыбки-то помирать?

Медведь тем временем пересек пережат, и также, боком, прижимая трепещущую рыбу, скрылся в береговых зарослях. Видать, уж очень проголодался, да и к тому же добыча, наверное, трудной была. Развеселил же он нас. Настроение на целый день поднял нам.

В этот день мы с Алексеем Илларионовичем начали приемку нивелирной линии. До наступления темноты побывали на двух реперах. Убедились, что строители поработали неплохо, замечаний по качеству закладки центров немного. Алексей Илларионович, мурлыкая под нос, обходит замаркированную площадку на втором репере.

- Саш!? А тебе что нравится в нашей работе?

- Почти все.

- А ты женат?

- Женат.

- Ну, и как, скучаешь?

- Скучаю. А Вы?

- Да я привык. И жена тоже. Бывало, по полгода дома не было. Ничего, потом привыкли. Вот тебе я и говорю - привык. Когда конец учебы?

- На следующий год.

- Ну, и куда?

- Пока не знаю.

- Давай к нам. У нас хорошая экспедиция. Только с жильем плоховато. Ну, все равно, потихоньку получаем. Вот видишь, я в этом году получил квартиру. Всю жизнь дождался, но дождался.

- Алексей Илларионович! А зимой-то чем занимаетесь? Скучновато без поля?

- В камералке, проектами на следующий сезон. Хватает работы. У нас коллектив хороший. Поэтому ежегодно большие объемы работ выполняем.

Уже вечером Патрушев нам говорит:

- Сегодня неплохо мы поработали. Пока вы измеряли, я успел мотор перебрать. Завтра рыбу буду ловить. По пути знаю одно место. Там щука кормится. Жареха из нее отменная. Ну, а если подкоптить, да балычок из брюшка сделать. Деликатес. Позже, ближе к Бомнаку надо поохотиться на зверя. Хочется свеженького мяса.

- Да не отказались бы и мы. Так, Саша?

- Все от Юры зависит, - отвечаю я.

На приемку береговой нивелирной линии ушло четыре дня. По пути заезжали на метеостанцию «Мерзлотка», расположенную на высоком крутом берегу, с деревянной лестницей, среди тенистых сосенок. Место красивое. Сверху просматривается далеко Зея, блестящая на солнце среди обрывистых скальных берегов.

Летом привольно живет метеорологам: рыбалка, ягода, охота. Ну а вот зимой, когда прерывается водная связь с населенными пунктами, когда на тайгу ложатся глубокие снега и все живое сковывает холод, становится скучно от однообразия повседневной работы. Но ни на один час не прерывается работа метеостанции. Дежурство круглые сутки, наблюдения за приборами по несколько раз в день. Под контролем находится и Зея. Водомерные посты позволяют спрогнозировать подъем и убывь воды в течение года. Так что за природой есть кому следить в этих глухих местах.

Наш визит на метеостанцию был недолгим, поскольку нас ждала работа впереди. Пока не задождило, мы успеваем максимально приблизиться к Бомнаку. Патрушев проявляет обеспокоенность по поводу охоты на зверя. Дважды видели вышедших случайно на берег сохатых. Охотничий зуд Патрушева передается и нам. Теперь, даже находясь на реперах, мы не отставляем далеко от себя ружье. А вдруг выйдет рогач? Места-то чужие, темные.

- Эх, какое-нибудь озерко рядом, - вздыхает Патрушев, - комар-то загоняет зверя по шею в воду. Илларионович, дай взглянуть на карту.

Патрушев вместе с Алексеем Илларионовичем разглядывают прилегающую к реке местность. Есть широкие протоки, старицы. Озера далеко, в глубине тайги.

- Юра, можно посмотреть где-нибудь старицу. Они уже стали почти как озера.

Четырнадцатого августа мы спустились по Зее километров на пятнадцать, прошли устье реки Ток и сразу же за ним стали лагерем на правом берегу. Патрушев посматривает на небо, где низко плывут разорванные тучи, дающие теплым лучам солнца прорваться вниз на землю, полоснуть по макушкам деревьев, засеребрить реку разноцветьем и блестками, а затем исчезнуть на продолжительное время.

Мы с Алексеем Илларионовичем включились в работу. Патрушев, взяв карабин, умчался в глубину тайги, в сторону, где на карте было обозначено небольшое озерко. В природе наступила какая-то тихая пора, даже деревья притаились. Внизу, у берега, еле-еле покачивалась лодка. Изредка раздавался металлический звук. Привязанная цепь терлась о лодку во время небольшой волны на реке.

Вдруг в стороне, куда ушел Патрушев, раздались два выстрела подряд, приглушенные расстоянием. Затем наступила тишина.

- Есть, наверно, зверь, - прислушиваясь к тайге, сказал Алексей Илларионович. - Он просто так не стреляет. А если стреляет - по делу, и не мажет. Наверное, завалил. Пойдем навстречу.

Возьми брезент, тот маленький, на всякий случай.

Я посмотрел на Алексея Илларионовича, который каким-то чутьем догадывается, что Патрушев точно что-то подстрелил. Пройдя с полкилометра по чаще, густому багульнику и молодому сосняку, тянущимся на старой гари к небу тонкими верхушками, мы остановились и разом крикнули. Надо теперь стоять тихо, откуда будет подан ответ.

- Эгей, эгей! - ответил Патрушев совсем рядом.

Через некоторое время мы вышли к Патрушеву, который уже свеживал теплую тушу убитого сохатого. Место, где он его прихватил, было труднопроходимое, сплошная чаща и сырость под ногами. Комары во всю издевались над нами. Сплошной тучей они окружали нас. Да и запах сохатого их привлекал.

- Вот хорошо, брезент взяли. Придется нам денек завтра поработать. Дымокур надо сейчас, а то эти гады сожрут заживо нас.

Набрав сушняка и сухих веток со мхом, развели дымокур, который с первым же дымком убавил их агрессивную рать. Разгоревшись хорошо, он облегчил нашу участь.

Патрушев оказался прав. Следующий день ушел на переноску мяса, его упаковку в лодке. Застелив его ветками ольховника и березового стланика, мы хорошо его укрыли от роящихся мух и комаров. Необходимо добычу сохранить. После трудной физической работы в течение дня, мы уже поздно вечером, заварив в ведре сохатины, советуемся как дальше поступить. В нас еще работы дня на три вместе с переходом от Зеи по нивелирной линии.

- Давайте сделаем так. Завтра нас высаживаешь на пятнадцатом километре и уезжаешь в Бомнак. Мы пешком идем вот по этому зимнику и на третий день будем в Бомнаке. Борис просил быть к восемнадцатому августа. Возьмем палатку, спальные мешки, котелок и немного продуктов. Карабин, Юра, оставь нам. Перегружать нет смысла. Завтра дойдем до этого домика, тут водомерный пост, в нем заночуем. Возможно, там живут постовики. Хорошо было бы, чтобы они там были. А там до Бомнака рукой подать. Лишь бы дождь не помешал.

Глава 5. У последнего привала Улукиткана.

Рано утром следующего дня Патрушев на заметно пригруженной сохатиным мясом лодке отчалил от берега, помахав нам на прощанье рукой. Вскинув за плечи рюкзаки, мы по старой нартовой оленьей тропе, что вела вдоль берега, двинулись в путь. День выдался пасмурный. Нам сегодня этого и надо. В жару идти по тайге тяжело. Обедали на очередном репере. Вкусная отварная сохатина прибавила нам силы и настроение. В сумерках мы подошли к одиноко стоящей избе с антенной на крыше. Изба стояла почему-то не на берегу, ближе к реке, а вдалеке, метрах в двухстах от нее. Навстречу нам от избы с лаем кинулась собака. Дверь в это время распахнулась, и в проеме показался ее хозяин. Он отогнал от нас рычащую на незнакомых собаку и пригласил зайти внутрь.

Он был не один в избе. Женщина средних лет, полная и высокая, в это время убирала посуду со стола после ужина. Приветливо встретив нас, она тут же поставила на горящую кирпичную плиту большую сковородку с рыбой. В небольшой горнице было тепло, все дышало домашним уютом и гостеприимством. Хозяин оказался разговорчивый. Рассказал о своих делах на водомерном посту, посетовал, что зимой скучновато, редко гости заглядывают. В свою очередь мы также поделились с ним своими делами.

- Так в этом году ваши из экспедиции тут трубы закапывали. Тяжелая у вас работа. Здесь же есть мерзлота. Пока оттаит земля, сколько времени ждать, - говорит хозяин.

- Мы ее пожогами весной берем. Времени летнего не хватает, вот и приходится спешить, - разъясняет ему Алексей Илларионович.

- Давно вы здесь живете и работаете? - спрашиваю я хозяев.

- Да, наверное, где-то больше десяти лет. Скучновато порой бывает. Там в поселке к соседям сходить можно, а тут только к диким зверям. Доходит до смешного, выйдешь утром на улицу, глянь, сохатый невдалеке от избы стоит. Да и косилапый вокруг иногда бродит. Шатунов надо побаиваться. Те не стесняются, могут и в дверь заглянуть. Был такой случай. Лет пять назад завернул сюда шатун. Получил пулю. Не остановишь пулей, доберется до тебя.

- Ну, а бомнакские захаживают к вам? Охотники, рыбаки?

- А куда им деться? Дорога на Бомнак, зимник этот, здесь проходит. Нашу избу не минешь. Зимой на нартах через нас едут промышлять, - отвечает красивым грудным голосом хозяйка. - Садитесь к столу отведать тайменя. Недавно сам его изловил. Голова огромная. Вкусный, пальчики оближете.

Мы придвинулись к столу, на котором на шипящей сковороде лежали розовые, поджаристые куски тайменя.

- Дай-ка, я пошарюсь в рюкзаке, - говорит Алексей Илларионович, что-то вдруг забыв. Из рюкзака появилась бутылка спирта, оставленная на все неожиданные случаи в тайге. И в первую очередь в профилактических целях. Сейчас эта жидкость ко времени.

- Ну что, Нина, придется нам уже второй раз присаживаться. Достань к этому случаю грузочков да голубицы, - попросил хозяин свою жену.

Через несколько минут на столе в тарелке лежали соленые грузди и голубица, черный хлеб своей выпечки. Такого вкусного хлеба в городе не сыщешь.

- Где печете такой хлеб? - спрашиваю я хозяйку.

- А вот на этой печи.

Я оглядываюсь: она на русскую печь не похожа, но назначение свое оправдывает. Плита как плита. Но вот только духовка имеет размеры больше обычной.

- Отменный какой таймень, - говорит Алексей Илларионович, обращаясь к хозяйке.

- Давайте, я положу вам еще кусочек. Вот этот, - она подцепила вилкой хороший кусок и положила на тарелку Алексею Илларионовичу, а затем и мне. - Мне нравится, когда гости сытыми бывают. Будете в наших краях, всегда заходите.

После ужина мы вместе с хозяином вышли посидеть на низком крыльчке, подышать свежим, чистейшим воздухом, насладиться тишиной, окружавшей уютный домик. Небо заволочло тучами.

- Завтра быть дождю, - посмотрев вокруг и на небо, сказал хозяин.

- Тут до Бомнака двадцать пять километров по зимнику. По пути будет избушка, вроде так? - обращается Алексей Илларионович к хозяину.

- Точно. Есть там избушка. От нее, кажется, до поселка четырнадцать верст.

- В поселке-то многих знаете? - задаю я ему вопрос.

- Не всех. Но охотников, эвенков знаю.

- А Улукиткан, Трифонов, знаком?

- Да как же его не знать. Частенько по этому зимнику он ходил. Зимой на оленях, летом пешком. Умер он три года назад.

Они вместе с Лихановым, стариком, тоже эвенком, частенько захаживали. А тут с Лихановым беда случилась - ослеп. Потом Улукиткан ушел из жизни. Говорят, какой-то большой начальник памятник ему поставил. Не был я там. Буду в поселке - обязательно схожу, навещу.

Поговорив еще немного, хозяин пригласил нас на ночлег, предложив место под спальные мешки на чистом полу около теплой печи. Хороший сон в уютной таежной избе подкрепил наши силы, и рано утром, вскинув рюкзаки, мы ушли от гостеприимных хозяев по набухшей от

влаги нартовой тропе вперед к Бомнаку. По пути Алексей Илларионович подобрал хорошую крепкую палку-посох, и теперь шел рядом со мной уверенной походкой бывалого полевика. Сам я чувствовал себя тоже уверенным в том, что нахожусь с ним, соратником Григория Федосеева, на одной таежной тропе, по которой некогда ступали в старых залатанных ичигах ноги Улукиткана. Я шел по его следам.

К вечеру пошел мелкий дождь, который делал нартовую дорогу еще более разбухшей от влаги, а кое-где между кочек вода стоит все лето. Дождевые тучи обложили все небо.

- Саша! Тут немного осталось до репера пройти, а там заночуем.

- Тогда быстрее пойдёмте.

Вскоре мы подошли к очередному реперу. Уже довольно вымокшие, установили палатку и немного уставшие от перехода по зыбучей дороге, залезли в нее, расстелили спальные мешки, приятно вытянулись на них. Теперь нам уже не страшен дождь, который тихо шуршит о брезент, баюкивающее действует на наше настроение.

- Давай-ка, Саша, поставим чайник да пожуем что-нибудь.

Я вылез из палатки, топором вырубил из сухой стоящей лиственницы щепок на растопку, собирал пока еще сухих с одной стороны валежин.

Через полчаса мы пили горячий чай, сняв мокрую одежду. Алексей Илларионович поглаживает кучерявую седину на голове, прищурившись смотрит на меня, потом говорит:

- Похож ты на одного человека в моей молодости. Работал он у нас на строительстве знаков.

Осваивали мы тогда новые площади в верховьях реки Мая. Там местность горная, отроги Джугджура. Работать приходилось в весеннее время, до вскрытия рек, Сейчас-то работа начинается в мае-июне, после установления уровней рек. А тогда раньше начинали. Олени в снегу заваливаются, в нарты иногда сами впрягались. Так вот, этот паренек по имени Павел был у нас в экспедиции первый раз. Любил порадоваться на природу, часами мог сидеть где-нибудь на возвышенном месте и смотреть на тайгу, на горы. Однажды бригада строителей, где Павел работал, попала наверху при установке пирамиды, в жестокую пургу. Апрель месяц был. При обратном спуске заплутали, сбились с маршрута, по которому предполагалось вернуться в лагерь. Что собой представляет пурга в горах ты, наверно, представляешь. Измотанные, в легкой одежде, без провианта они оказались в незнакомом месте - в верховьях какой-то небольшой речушки. Так вот, этот парень по сути дела стал сердцем заплутавшей бригады. Он первым разводил костер, первым пошел с силками на рябчиков, первым помогал шутками-прибаутками разнообразить тяжелое положение. После пурги, чтобы выйти к лагерю, он первый шел по глубокому снегу, подбадривая своих товарищей. Все же они вышли к лагерю вместе, без потерь. Посмотрел бы ты, когда в конце сезона перед тем, как разъехаться по своим домам, прощались с ним. Душа-парень. И вот сегодня, увидев тебя, как ты быстро сумел в мокрой тайге найти сухие дрова и зажечь костер, я вспомнил Пашу. Не каждому дается такое, я-то знаю цену этого костра.

Алексей Илларионович вдруг умолк, а потом сказал, повторяя сказанное:

- Цену костра надо знать. Она в тайге очень высокая, - он умолк.

Через несколько минут я слышу его легкое похрапывание. Устал Алексей Илларионович, трудно даются уже не молодому человеку таежные километры маршрутов. Сколько сотен, тысяч километров он прошел за свою более чем двадцатипятилетнюю работу в тайге. Сейчас я уже и сам чувствую усталость, да и сон подбирается незаметно. Хорошо и уютно засыпать под дождевую, необыкновенную музыку, приятно осознавать, что прошедший день прошел не зря. Засыпая я вспомнил сейчас, и как-то незаметно всплыло в памяти одно место на нашей разбитой нартовой дороге, где может быть остались следы проводника Улукиткана. Это была у тропы старая, заброшенная стоянка оленеводов, черное огнище, покосившиеся и полусгнившие, упавшие на мягкую хвою, жерди дымокура; лежанка под высокой и старой лиственницей. Возможно, здесь ночевали старики-друзья Николай Лиханов и Улукиткан. Они тихо разговаривали о своих таежных делах, делились в тайге щепоткой табака, соли, сухарями; вспоминали о днях, ушедших навсегда, и своих близких и знакомых. А пережили они многих своих сверстников. Утекли годы молодости и зрелости, как утекают навсегда воды реки Зеи. Ушел недавно из жизни один из них, но продолжает жить другой, для которого днем и ночью - всегда тьма. Но память старика Николая Лиханова навсегда запечатлела краски жизни, его тайгу, его реки, все увиденное им в долгой жизни. Мне пришлось увидеть при нашей встрече,

что он очень тосковал по своему другу Улукиткану. Но жизнь распорядилась по-иному. Он еще живет.

Утром дождь не закончился, и мы вынуждены были поторапливаться к встрече Горбачева в поселке. Выпив горячего чая, мы свернули мокрую палатку, уложили в рюкзаки свой немудреный скарб и под морозящим дождем, который сопутствовал нам на всем пути, во второй половине дня вошли в Бомнак. Здесь нас уже поджидал Борис Горбачев.

Утро девятнадцатого августа выдалось солнечное. Разгулявшийся вчера вечером юго-западный ветерок очистил за ночь от дождевых туч небо, предоставил взошедшему солнцу простор для его теплых лучей, заставил природу оживиться, заблестеть всеми цветами радуги на влажных еще ветках кустарников и деревьев.

Умывшись у крыльца, приняв утренний заряд бодрости, я и Горбачев прощаемся с нашей хозяйкой, с Алексеем Илларионовичем. Возможно, что до глубокой осени не увидимся.

- Ну, Саша, желаю тебе хорошо поработать. Борис, - обращается он к Горбачеву, - ты не обижай его, дай ему такую работу, чтобы было чего вспомнить, да и для дела польза была.

Мы направляемся в аэропорт к вертолету, и там я узнаю, что на Локшак мы улетаем в двенадцать часов дня. До двенадцати часов он уйдет к кому-то в тайгу, к нашим ребятам - то ли нивелировщикам, то ли к строителям.

- Борис, - обращаюсь я к Горбачеву, - пока есть время, я схожу тут в одно место.

- Только не опаздывай, - просит он меня. А меня просить не надо, я буду на месте раньше назначенного времени.

Быстрым шагом пересекаю поселок, который уже начал свою дневную жизнь, и вышел на его окраину, где по словам нашей хозяйки должна быть тропа к берегу Зеи. Тропу я нашел сразу и вступил в темную чащу молодых лиственниц. Солнечные лучи не достигают влажной тропы, теряются где-то в верхушках деревьев, задерживаются в разросшихся кустарниках высокого стланика и густого березняка. Пройдя метров сто, я выхожу на ярко освещенную солнцем поляну на берегу реки. На ее середине стоит в металлической оградке, окрашенной в голубой цвет, четырехгранный памятник в виде усеченной пирамиды - геодезического тура. Внизу надгробная плита. Это могила Улукиткана. Я окидываю взглядом место последней стоянки знаменитого проводника, друга и соратника Григория Федосеева, лично подобравшего ему под вечный покой на берегу Зеи. От могилы Улукиткана во все стороны, куда ни кинь взглядом, простирается тайга. Видна, уплывающая вдаль в серо-голубой дымке серебряной лентой среди зелени, река, уходящая за горизонт. Красивое место в тайге подарила судьба человеку с прекрасной душой и редким даром следопыта.

Улукиткан не мог жить без этих краев. Он хорошо помнил о своей родине, где родился, где его лелеяли мать с отцом, где впервые его ноги повели его по тайнам таежной книги, где он научился с малых лет читать ее, не умея читать и писать. Там была своя азбука, написанная в просторах тайги, высоких гор, рек и ручьев. Премудрости жизни он осваивал легко, без запинки. Григорий Федосеев, находясь вместе с Улукитканом на одной из вершин Станового хребта, так описал встречу Улукиткана с открывшимся видом на Алданское нагорье: «Я сбрасываю котомку, усаживаюсь на камне, достаю тетрадь, но внимание мое по-прежнему привлекает старик.

Улукиткан подходит к краю обрыва, да так и замирает, тоже пораженный грандиозной панорамой. Молчаливым старческим взглядом он обнимает лежащее под ним пространство.

Может быть, старик не умеет вслух разложить на цвета красочный пейзаж, нарисовать величественные скалы, чудовищные перевалы и весь этот хаос, но он, кажется, слышит дыхание самой природы. Долго-долго стоит он молча. Я не нарушаю его глубокого раздумья.

- Там... вон там - Альгома, моя родина, - наконец произносит он, показывая пальцем на северо-запад. - С тех пор как я ушел оттуда, много раз покрывались льдом и таяли реки, зеленела тайга, прилетали и улетали птицы, линяли звери. А сердцу все равно больно, когда думаю об Альгоме. Правду старики говорили: птица как далеко ни летает, а свое гнездо не забывает, - и он долго всматривается в синеющие гряды гольцов, а в думах должно быть, отрывки безотрадного детства, пустая Альгоминская тайга, что прячется за далью, больной отец, брошенный у последнего костра, где-то вот тут, близко, в глубоких складках Станового» (Григорий Федосеев «Тропой испытаний». М., Молодая гвардия. 1990, стр.284-285).

Так и не побывал на родине Улукиткан и позже, когда были окончены работы в экспедиции у Федосеева. Позднее в этих местах работали геологи. С одним из геологов по фамилии Дубков

Улукиткан ходил по зейской тайге в поисках полезных ископаемых. И также как с геодезистом Григорием Федосеевым, их объединяла мужская дружба, скрепленная трагическими событиями в тайге. Это были его последние годы жизни.

Улукиткан до конца своей жизни оставался предан тайге, ее живой природе, ее красоте, суровости и жестокости. Долгая его жизнь оборвалась нелепо. Находясь зимой далеко от людей в палатке, он не смог победить сон в то время, когда от горящей печи загорелась палатка.

Так описывает последние часы жизни Улукиткана Григорий Федосеев в своей книге

«Последний костер»:

«Печь накалилась докрасна, и в палатке стало невыносимо жарко. Надо бы бросить на огонь снежку, малость притушить пламя, но старик крепко спал.

... А Улукиткану снился далекий Джугджур - горбатые хребты, звериные стежки под ногами, глубокие цирки с вечными снежниками, где в полуденный зной отдыхают стада диких животных.

... Ему казалось, что огонь охватил все - лес, реку, снега, весь мир. Едкий черный дым слепил глаза, не давал дышать. На нем уже горели телогрейка и ватные брюки. Страх, никогда доселе не испытанный, овладел эвенком. Ничего не соображая, подчиняясь только инстинкту, он рванулся через огонь и, объятый пламенем добежал до леса, свалился и начал кататься по снегу, вскакивал и опять падал, старался затушить огонь на себе. Но ветер снова и снова раздувал на нем горящую вату. Улукиткан, обжигая руки, отрывал от себя огненные ошметки, бросал их на снег, старался затоптать. И дико, не своим голосом, кричал, молил о помощи, но крик его безответно замирал в ночном мраке под завывание ветра. Обессиленный, он снова упал и, нагребая на себя снег, продолжал лежать бороться с огнем, пока не потерял сознание (Григорий Федосеев "Последний костер". М., Молодая гвардия. 1990, стр. 558-559).

Придя в сознание от боли после ожогов рук, груди, ног, от едкого угарного дыма горящей палатки, он продолжал искать выход из смертельной опасности, которая вдруг, неожиданно возникла перед почти раздетым человеком в зимнюю стужу. Единственное спасение оставалось в тлеющих углях в оставшейся железной печке, одиноко стоявшей на месте палатки. Он боролся до конца, спасая огонек жизни, видя в нем уже последний свой костер на этом свете. Но не хватило сил у девяностодвухлетнего старика, чтобы подпитать костер новыми порциями сушняка, который он уже не мог принести к костру. Не дождался он своего сына Басиля, который должен был приехать в этот трагический день. Жизнь угасла, как угасает последний огонек в костре, медленно и тихо. Не увидел его больше Григорий Федосеев, с которым он проработал шесть лет.

«Когда я вспоминаю Улукиткана, - писал он в своей книге «Последний костер» - передо мной встает человек большой души, завидного мужества, совершивший не один подвиг во имя долга. Шесть лет он был проводником нашей экспедиции, когда мы работали над созданием карты районов, прилегающих к Охотскому морю. Для меня прожитые вместе с ним годы были академией. Старик открыл мне огромный мир природы, которую он очень любил, научил меня понимать ее. Но главным достоинством Улукиткана была человечность, которую он целомудренно пронес через девяностолетнюю жизнь» (Григорий Федосеев "Последний костер". М., Молодая гвардия. 1990, стр. 572).

И тут же Григорий Федосеев говорит об Улукиткане, его вкладе в картографирование Восточной Сибири:

«Трудно переоценить его заслуги. Сколько он открыл проходов через малодоступные хребты приохотского края, сколько проложил троп по заболоченной тундре, по тайге! Еще много десятилетий ими будут пользоваться изыскатели, пастухи, кочующие в тех местах со стадами колхозных оленей. Геодезистам и топографам благодаря Улукиткану удалось сохранить на карте этого района исконные названия рек, озер, хребтов» (Григорий Федосеев "Последний костер". М., Молодая гвардия. 1990, стр. 572).

Внимательно вглядываюсь и читаю на стороне тура надпись: « С тобой, Улукиткан, геодезисты и топографы штурмовали последние белые пятна на карте Родины (1947-1953)». Далее на стороне тура, обращенной к надгробной плите надпись: «Улукиткан. 1871 - 1963 »

На надгробной плите высечены слова:

«Мать дает жизнь, годы - мудрость» (Улукиткан)

На противоположной стороне от тропы к берегу начертаны слова:

«Ему были доступны тайны природы.

Он был великим следопытом, советчиком и другом.

Гр. Федосеев».

Я долго стою, оперевшись об оградку; вглядываюсь в слова, выбитые на надгробной плите, оглядываю еще и еще раз место последнего привала знаменитого эвенка. Писатель Григорий Федосеев, узнав о смерти Улукиткана, год назад приехал на его родину и перезахоронил на это красивое место. Первоначально он был захоронен земляками на поселковом кладбище возле аэропорта.

Я нехотя покидаю это святое место, чтобы потом, когда-нибудь, рассказать людям об удивительном зейском крае, где сама земля подарила им людей с замечательными человеческими качествами, унаследованными от таких же своих предков, для которых испокон веку тайга была их домом, их первой азбукой в познании тайн мудрости и секретов бытия, источником существования.

Я ухожу от могилы Улукиткана тем же путем, которым, возможно, на этот клочок зейской земли ступали старые ичиги следопыта при его жизни. И где бы я ни шел: либо по поселку, либо в его окрестностях ~ всюду за долгие годы Бомнакская земля до сих пор хранит память о друге, соратнике писателя Григория Федосеева. Пройдут десятки лет с тех интересных событиями времен создания в этих краях топографических карт, но память о людях этого края будет жить в сердцах их потомков.

Я ушел от могилы Улукиткана, чтобы позже, где бы ни ступали мои ноги по зейской тайге, я знал, что здесь остались следы мудрого эвенка, отдавшего всего себя людям, не взяв взамен от них никакой оплаты. Я преклоняю голову перед Улукитканом.

Часть II. Тяжелые тропы

Глава 6. К Становому хребту.

Сегодня девятнадцатого августа я улетаю на базу партии наблюдателей Бориса Горбачева. В маленьком Бомнакском аэропорту мы поджидаем улетевшего к бригадам строителей вертолета МИ-4. На предстоящий рейс на метеостанцию Локшак нас четыре человека: я с Борисом и два метеоролога. Везем с собой несколько ящиков с продуктами и несколько мешков с теплой одеждой для наблюдателей. Вертолет задерживается по неизвестным обстоятельствам. На часах уже перевалило за час дня. По плану мы должны были взлететь в двенадцать часов, но вероятнее всего улетим позже.

Наконец, МИ-4 приземлился на летное поле и, подняв тучу пыли, подкатил к зданию аэропорта. Пилоты вышли и направились к нам, а потом зашли в служебное помещение небольшого деревянного дома, служившего одновременно радиостанцией и залом ожидания для пассажиров в холодное время.

- Наливай чаю. Пить что-то хочется, - сказал высокий, чернявый пилот, обращаясь к дежурному начальнику аэропорта.

- Вместо чая могу предложить ключевую водичку вот из этого бочка, - улыбаясь говорит мужчина в летной фуражке.

- Пойдем-ка, Олег, сбегает в столовую, подзаправимся. В Локшаке не успеем, а до Свободного проголодаемся. Ребята, - обращается он к нам, - пока мы ходим туда-сюда, вы можете грузиться. Вертолет открыт.

Они быстрым шагом направляются в столовую, а мы не спеша укладываем ящики, мешки в салон. Метеорологи в зеленых ящиках везут какие-то приборы, в мешках затарены вещи и продукты. Весь груз мы аккуратно укладываем в задний отсек вертолета.

По разговорам метеорологов чувствуется, что они недовольны задержкой с вылетом на метеостанцию. Видать, какие-то свои планы в этот день им не выполнить по этим причинам. Я прислушался к разговору, хотя меня их возбуждение не волнует. Мне все равно: часом позже,

часом раньше прилететь на место. Какие могут быть сегодня у меня планы? Прилететь надо сегодня, устроиться и получить задание.

- Слышь, Венька, - обращается заросший черной курчавой бородой паренек к своему спутнику, - пропала у нас вечерняя рыбалка. Пока прилетим, пока соберемся, тут и ночка наступит.

Я там, повыше станции, место знаю. Обновили бы нашу сеточку.

- Да знаю я, что опоздаем, - обиженным голосом говорит другой, постарше, в резиновых сапогах, в брезентовой куртке с постоянно зажженной папиросой во рту. Папироса мешает ему четко выговаривать слова, поэтому он шепелявит.

Вскоре возвращаются пилоты.

- Ну, давай, ребята, газуем. Успеть на рыбалку надо, - подгоняет их чернявый парень.

- Да успеешь. К четырем будем на месте. Жаль, не заночуем у вас, а то бы составили вам компанию, - говорит пилот, командир вертолета.

- Полетели! - говорит второй пилот, давая рукой нам понять, что время пришло взлетать.

Через несколько минут скрылся поселок Бомнак, внизу заблестели на солнце перекаты Зеи, зажелтели ее песчаные берега, зеленые островки, вычертились ниточки ручьев, впадающих в нее. Я прилип к иллюминатору, смотрю вниз на расстилавшуюся зеленую панораму, изменяющуюся при полете. Вертолет в считанные минуты преодолевает многокилометровые расстояния таежного бездорожья. Пешком или плыть на лодке эти расстояния можно сутками. Там, внизу, идет своим чередом жизнь. Задерет голову сохатый или медведь, испуганный от появившегося на небе вертолета, замрет на минуту, а потом бросится искать укромное место в чащобе, чтобы не видно было его сверху. Также тихо будет сидеть белка или бурундук при появлении непрошенных гостей, а затем нырнут вниз по стволу от его вида. Быстрей надо прятаться зверью, а то ненароком можно оказаться в беде.

Оглядываю своих спутников по полету. Чернявый парень задремал, а его спутник прильнул к окну. Горбачев достал из полевой сумки карту, внимательно разглядывает ее. Видимо, уже что-то планирует на завтра. Много забот в полевом сезоне у начальника партии. Прошедшие дожди непоправимо затянули выполнение плана. Его надо наверстывать только одним способом: уплотнять рабочие дни, сжимать время на отдых, на другие непредвиденные обстоятельства в меняющемся природном мире. А работы, как говорил мне Борис в Бомнаке, предвидится много до снегов в конце октября. Поэтому наблюдателям надо поторапливаться до наступления холодов. Недополучение геодезических данных в этом году будут тормозить сдачу всего объекта. Да и не только своего, но и соседей из другой экспедиции, если стыки по их границам не будут иметь этих данных. Есть о чем задуматься и поволноваться Горбачеву в этом полевом сезоне.

Вертолет пошел на снижение. Внизу быстрее побежали на нас верхушки деревьев, ближе стали песчаные косы Зеи, четче стала проглядываться она около берегов. И вот осторожное прикосновение колес по каменной россыпи пологого берега; и, наконец, разметав вокруг себя песчаную пыль винтом, вертолет замер. Пилоты, наверное, выйдут на берег.

К нам уже бегут люди. Борис машет рукой какой-то девушке, приближающейся к нам. С ней рядом идет белокурая, небольшого роста женщина. Подойдя поближе, я узнал в ней нашу прошлогоднюю выпускницу техникума Алену. Она обрадовалась нашей встрече, затараторила о новостях здесь, затем обрушила вопросы на меня. Ее интересуют наши ребята. Куда и кого направили к нам в Хабаровск. Встретившая Бориса девушка оказалась его сестрой.

Минут через десять вертолет захлопал лопастями и, чуть наклонив вперед свой нос, помчался набирая высоту по реке вниз и скоро скрылся из вида. Весь груз мы быстро перетаскали в небольшую избушку на берегу. Здесь располагается начальник партии. Чуть подальше от избушки высятся несколько жилых построек с антеннами рядом. Это метеостанция. В этом пункте располагается продовольственная точка и база партии наблюдателей. Отсюда улетают и уплывают по Зее бригады геодезистов-наблюдателей, сюда они возвращаются по завершению полевых работ. Здесь же, в этой избушке, начальник партии до глубокой осени будет принимать полевые документы наблюдателей пунктов триангуляции, и здесь же будут предварительно обрабатываться их результаты за полевой сезон.

Когда мы перетаскивали груз от вертолета, нам помогали все, кто пришел встречать нас. Среди них выделялся среднего роста парень, коренастый, с прямыми темно-русыми волосами в энцефалитке и резиновых сапогах. Он молча подхватывал ящик и уносил к избушке, затем

также спокойно возвращался вместе с нами, брал вещи и нес на новое место. Переносив весь груз в избушку, мы столпились около нее.

- Саша! - Обращается ко мне Алена, попыхивая папиросой. - Как ты оказался здесь? А то по РД передали, что прилетит практикант, а кто неизвестно. Что новенького в Томске?

Я коротко рассказываю о своем длинном пути на эту метеостанцию; о ребятах, которых знает Алена, уехавших на последнюю производственную практику в разные концы страны и одновременно интересуюсь ее работой. Тут она, что-то вспомнив, оставила на некоторое время меня, отошла к Горбачеву. Борис позвонил меня после разговора с Аленой, затем рукой махнул в сторону того парня, что я заметил при переноске груза.

- Бурьян! Подойди-ка сюда! - позвал он его. - Познакомься, Саша, - наблюдатель Бурьян Николай. Кстати, из Киевского института геодезии. У него тоже последняя практика Вот завтра вы втроем и отчалите вниз по Зее на участок. Сегодня познакомьтесь с заданием, подберете снаряжение и до конца сезона, вероятнее всего, мы с вами не повстречаемся

Вечером около избушки весело трещит костер, на тагане висит кастрюля и виды выдавший прокопченный чайник. Внизу шумит Зейя, а вокруг по берегу костер высвечивает заросли черемуховых кустов, на которых, как я успел заметить днем, висят гроздья спелых ягод.

Я засматриваюсь при свете костра на лица моих новых знакомых, с которыми через некоторое время придется осваивать трудные тропы таежных переходов, делить неудачи и радоваться мелким успехам в нашей повседневной работе. По воле счастливого случая мы сегодня вместе, а завтра разойдутся наши маршруты по необъятным таежным и горным просторам. И связь друг с другом за десятки километров будет только по радию. Как мелкие песчинки растворимся мы в зейской тайге, чтобы совсем одним, маленьким коллективом, выполнить свои задачи, чтобы потом там, в экспедиции, собрать все вместе и объединить усилия сотен полевиков для составления будущей карты.

Каждый из сидящих сейчас у костра понимает и представляет свою роль в большом деле. Главное в этом деле дать качественный материал. Я смотрю на ребят. и мне кажется, что все мы похожи друг на друга. Какие-то не уловимые, но одинаковые черты в характере полевиков. И каждый из нас знает, что качество принесенного им материала с полевых работ зависит напрямую от профессиональной честности и подготовки. У меня нет даже никакой тени сомнения в том, что кто-то из нас сфальшивит в работе, подведет, опозорит честь нашей профессии.

Разговор у костра сегодня не клеится. То ли, глядя на него, каждый думает о своем, то ли еще не нашли стержня в разговоре.

- Ребята, а какой сегодня день? - спрашивает Алена, оглядывая каждого из нас.

- Суббота. И она уже прошла мимо нас, - улыбаясь, говорит Бурьян. Потом, обращаясь ко мне, - Саша, разливай.

Я не спеша, черпаю из кастрюли наваристую уху из сига и разливаю в протянутые железные миски. У костра стало веселее, больше шуток и коротких диалогов. Получилось как-то само собой, что каждый выбрал себе партнеров по себе. Вот уже, сидя на разостланных на земле энцефалитках, мирно беседуют Горбачев и Бурьян; Алена ведет разговор с сестрой Бориса, весело оглядывает нашу вечернюю компанию. Рядом со мной примостился среднего возраста мужчина с метеостанции по имени Григорий, рассказывает о чудесах здешней рыбалки и охоте на большого зверя. За разговором незаметно надвинулась глубокая ночь. Уже в первом часу ночи, насытившись общением, мы заняли все небольшое помещение Горбачевской избушки спальными мешками. Тускло горит, чадя дымом, свеча.

- Ну, что, парни, спать? - спрашивает Горбачев нас, уже лежащих в спальниках.

- Будем спать, - говорит Бурьян. - Кто у нас завтра лодочником будет?

- Хороший мужик, Данилычем звать. Тут все места знает назубок.

Я сразу же вспомнил, что однажды при разговоре наш моторист Юра Патрушев упоминал Данилыча. Повезло же нам. Если такой опытный таежник нас будет перевозить, то работа наша пойдет неплохо.

Глава 7. Николай Данилович

Вскоре наша избушка, уютно разместив гостей, опустилась в темноту. Воскресное утро двадцатого августа встретило обитателей метеостанции началом хорошего дня: солнечным,

безветренным и теплым. Иду к реке умываться. После теплого и спокойного сна становится как-то уютно. Пришел на землю новый день, а вместе с ним наши повседневные заботы. Так и должно быть.

Умываюсь в холодной и чистой воде Зеи долго, наслаждаюсь выдавшейся свободной минутой побыть наедине с природой. Сполоснувшись до пояса и хорошо растеревшись полотенцем, возвращаюсь к ребятам. Все уже на ногах. Пока я ходил умываться, в избушке незаметно появился мужчина крепкого сложения, в черной фетровой шляпе, в закатанных резиновых сапогах, перепоясанный широким кожаным ремнем, на котором болтался в деревянных ножнах широкий охотничий нож. Возраст под пятьдесят, со шрамом на правой щеке, крупным лицом, и внимательными и умными глазами.

- Знакомьтесь, - говорит Борис, обращаясь к нам. - Ваш капитан - Николай Данилович.

Так вот он какой, Данилыч, о ком так хорошо отзывался Юрий Патрушев. Видно сразу человека, что он не простой. Такими на вид должны быть таежники-профессионалы. Похоже, что ему сама природа помогает. И подошел к нам незаметно, будто при скрадывании зверя.

- Николай Данилович, когда приехали? Ведь лодку мы вчера не видели, - спрашиваю я его.

- Вы спали уже. Сверху на веслах сплавился. Темно, на моторе опасно, да и вас не хотел будить. Переспал на берегу под брезентом. Лодка внизу. Я готов к отплытию, - отвечает он спокойно и тихо.

После совместного завтрака мы с Бурьяном перетаскиваем в лодку снаряжение и продукты из расчета на месяц. Спустя некоторое время мы из лодки машем на прощание оставшимся на берегу: Борису Горбачеву, его сестре, которая через день улетит на вертолете в гольцы на наблюдение, ребятам с метеостанции. В лодке нас четверо и собака Данилыча. Николай Данилович уверенно ведет загруженную лодку вниз по течению Зеи.

Уплывает, уменьшаясь в размере, берег, где разместилась метеостанция, а вместе с ним и наши новые знакомые. Лодка рассекает серебристую зейскую волну, мчится вперед. Мимо проплывают крутые прижимистые берега с выступающим скальными породами - по слоям и окраске можно считать возраст земли. Берега крутые, утыканные камнями, а между ними наперегонки взбираются вверх молодые сосенки и лиственницы, крепко вцепившись в каменистую россыпь. Появление быстро летящей по воде лодки вызывает любопытство у юрких крохалей, и они все чаще и чаще начали разбегаться, хлопая по воде крыльями. Наше неожиданное появление заставляет их быстрее скрыться от людей, но одновременно удовлетворить свое птичье любопытство.

Данилыч управляет лодкой профессионально. Он хорошо знает фарватер Зеи в этих местах; избегает опасных мест, в которых можно допустить аварию. Вода еще большая. Она скрывает подводные камни, на которые может неожиданно попасть глубоко сидящая в воде лодка. Надо обладать мастерством. А оно у Данилыча есть.

Часа через два, оставив тридцать пять километров позади, Данилыч подводит лодку к густо заросшему пологому берегу, и осторожно причаливает. Мы прибыли на место - в устье ручья Артыкана. В семи километрах от него находится пункт триангуляции, куда мы должны выйти завтра с утра.

- Выгружайтесь, - весело говорит Николай Данилович. Первой из лодки на берег выпрыгивает его собака. Она быстро скрылась в кустарнике.

- Вот это место! А где же палатку ставить? - громко ахает Алена.

- Саша, пойдем наверх, посмотрим, где удобнее, - говорит Бурьян и сам, раздвигая кусты, скрывается в их зарослях.

Действительно, берег весь в высоком кустарнике, а в нем нагромождение старого сухостоя, упавшего на землю в беспорядке. Приходится преодолевать это препятствие. Наконец, нам с Николаем удалось подобрать место для лагеря метрах в двадцати. Соединяем это место стоянки с лодкой прорубленной тропой.

Много времени ушло на расчистку площадки под две палатки, устройство безопасного кострища, перетаскивание груза из лодки. Пока мы втроем хлопочем по разбивке лагеря, Данилыч уехал поставить сетку на сига. Примерно через полчаса из стороны, куда он уехал, послышалось два глухих выстрела.

- Чего он стреляет? Может, что случилось с ним? — беспокоится говорит Алена.

- Чего с ним может случиться? Наверное, уток на ужин подстрелил, - говорит Бурьян.-

Подождем его, может что привезет.

Чуть начало темнеть. Солнце постепенно утопает на западе в зейской тайге. Природа готовится к ночи - длинной и прохладной. Сверху послышалось тарахтенье мотора. Втроем спускаемся по прорубленной в кустах кочковатой тропе. Причалив лодку к берегу, Николай Данилович бросает нам двух, еще теплых, крохалей и передает ведро с сигаами. Сигов штук пять или шесть - не густо. Можно было бы и больше. Но тут же я вспоминаю Патрушева, который несмотря на мои упреки, выбрасывал за борт молоденьких сигов. А Данилыч, наверное, поскупее его. Но скупость его полезная для природы, сохранения ее богатств.

За ужином я расспрашиваю Николая Даниловича о Бомнаке. Дела в Бомнаке ему хорошо известны. Недавно совсем он оставил пост председателя старейшего на Зее колхоза, занимающегося оленеводством, извозом по рекам по заказам многочисленных экспедиций геологов, геодезистов, золотостарателей. Зейская земля полна дичи и зверя. В каждой семье охотники и рыбаки. На долгую зиму много припасают рыбы, мяса сохатого. Почти у всех хорошие огороды, где растет картофель и всякая зелень. Много грибов во всех видах, голубица, брусника.

Каждый бомнаковец делает хорошие запасы, которые дает бесплатно тайга. Только не ленись, заготовливай и собирай.

- Николай Данилович, - обращаюсь я, - Улукиткана-то знаете?

Да кто же его не знает. Не только в поселке встречались, больше в тайге. Жаль, тогда в палатке почти задохнулся. Еще бы жил, крепкий духом был. А телом был - смотреть не на что. В чем только душа была. До самой смерти в тайгу уходил, сам себя таскал. Крепкий был. Недаром о нем ваш писатель, геодезист, в книгах написал. Было за что его в книгу поместить. Друг-то его - Николай Лиханов - еще жив. Не был у него? - обращается он ко мне.

- Был, - отвечаю я.

- Видел его, какой еще дуб крепкий? А представь их молодыми. Вот таежники были! Поискать надо. Скоро, ребята, охота настоящая будет здесь. Гон начнется у сохатых, у сокжоев. Вот тогда не зевай.

- Вы-то охотитесь на большого зверя? - спрашивает Алена.

- Без надобности не охочусь. А когда надо запасы сделать, то ухожу в тайгу. Вот с этим проводником, - он треплет по загривку черно-белую лайку, примостившуюся боком к хозяину и взирающую умными глазами на обстановку вокруг. - На большого зверя, на медведя он любитель поохотиться.

Собака, почувствовав, что говорят о ней, ласково лизнула хозяину руку. Я обратил внимание на то, что лайка не лезет к нам, не проявляет беспокойства, чтобы кто-нибудь кинул кусок сухаря. Видимо, хозяин знает, когда накормить и как накормить. Охотничью собаку особенно кормом не балуют. Сытая собака не пойдет далеко за зверем.

На следующий день рано утром, распрощавшись с Николаем Даниловичем, который уехал в Бомнак, мы с Бурьяном начали подыскивать деревья вблизи лагеря для устройства лабаза. Нам надо было большую часть груза - продукты, снаряжение, батареи для теодолита и радики, и другие вещи, необходимые в работе - сохранить здесь, чтобы потом обеспечивать себя на несколько пунктов. Метрах в тридцати от палаток подобрали три рядом стоящие толстые лиственницы, спилили и ошкурили их на уровне, примерно, четырех метров по высоте. На этой высоте соорудили помост из сырых ошкуренных лиственничных жердей, сбили лестницу и уложили под тент весь груз. Получился хороший таежный лабаз. Сюда будем приходить для пополнения запасов продуктов.

После устройства мы сидим на сваленной валежине и тихо ведем беседу.

- После обеда надо уходить на пункт. Недалеко, всего семь километров; думаю, что часа за два дойдем.

- Придется хорошо потрудиться.

- Да, возьмем только необходимое. Думаю, надо спальники и одну палатку оставить. Возьмем одни чехлы от них. Тепло пока еще ночами.

Во второй половине дня, уложив в рюкзаки инструменты, продукты и свои личные вещи, мы присели перед дорогой. Вес рюкзаков получился солидный. У нас с Николаем около сорока, у Алены около двадцати пяти килограммов. Взяв по компасу азимут на пункт, мы покидаем лагерь в устье ручья Артыкана.

Густые заросли молодой лиственницы, перекрещенные завалы от старой гари встретили нас на первых сотнях метров нашего пути. Августовское солнце немилосердно греет землю, пышет

жаром высокий кустарник багульника. Ноги все чаще и чаще цепляются за лежащие валежины. Впереди идет Бурьян, следом Алена, я замыкаю цепочку. Пройдя метров четыреста от лагеря, мы останавливаемся и делаем первый привал. Тяжелые рюкзаки дают о себе знать с первых шагов маршрута. Каждый из нас не показывает вида, что оказался нужен неожиданный, не запланированный привал. Наверное, мы с Николаем не рассчитали наши силы с трудным переходом. Помогаем друг другу подняться с рюкзаками.

После бурелома стрелка компаса упрямо упирается в просторную марь вперед по маршруту. Высокие кочки, а между ними сплошная вода на всем пути. Более трехсот метров мы не проходим, не выдерживаем. Падаем в высокие кочки, где всегда прохладно. Отдыхаем минут по десять, и вперед. За три часа преодолели путь в три километра. Соленый пот заливал лица, промокшие от него энцефалитки прилипли к спине, промокли рюкзаки. Хочется пить, но мы воздерживаемся утолять жажду в эти минуты. Попьем чуть позже.

На одном из привалов сняли мокрые сапоги и энцефалитки. Горячие ноги опустили в ледяную воду небольшого ручейка, затем вытянулись на небольшом сухом островке. Николай поглядывает на меня, а я одновременно на него.

- Ничего себе, хотели за два часа. Тут бы до вечера хотя бы дотянуть. Как у тебя плечи? - спрашивает он меня.

- Болят. Давно рюкзак такой не носил. Алена, как ты? - оборачиваюсь к ней и смотрю на нее. Она отвернулась и не подает вида, что устала неимоверно и до слез ей жалко себя. Женщине вдвойне тяжелее в этих условиях.

- Алена, ты чего пошла работать в этот сезон? Сидела бы в экспедиции в камералке и не мучилась бы. Трудно же тебе.

- Да вот, мужа послушалась. Думала, что будем вместе, а получилось наоборот. Он у строителей, а мне там делать нечего. Куда я с такой фигурой да и силенкой. Вам-то, мужикам, ничего, а каково нам?

- Алена, давай что-нибудь из твоего рюкзака переложим к нам, - говорит Бурьян.

- Ничего я не дам, донесу сама.

И вновь идем через марь. Уже не ступаем на кочки, не выдерживаем равновесия. Идем по пояс среди кочек и по колено в воде. Воду из сапог не выливаем. Она хлопает, холодная и грязная. Уже не выбираем перед очередным привалом сухое место, а валимся среди кочек, не обращая внимания на неудобство. Желание у всех одно - быстрее подойти к пункту, завершить непосильный путь к нему. Через шесть часов мы вышли из мари и подошли к небольшой возвышенности. Где-то в ее центре прячется пункт триангуляции. Его нам от подножья не видно. Ломимся через бурелом и старую гарь, жадными глазами всматриваемся вперед через чащу в надежде увидеть конструкции знака. И вот, наконец, среди деревьев, проглянула темная крыша сигнала и черный визирный цилиндр наверху. Делаем последний рывок, и мы у долгожданной цели.

Выдохлись основательно. Лежим у сброшенных мокрых рюкзаков не двигаясь, учащенно дыша. Измотал нас семикилометровый путь с неподъемными рюкзаками. Болит все тело. Я смотрю сейчас ласково на двадцатитрехметровый сигнал, как на какое-то спасение. Не надо больше ломиться через лесные завалы, обдираясь о сучья, не надо шагать по грязной жиже многокилометровой мари. Мы у цели. Теперь нужен глоток горячего чая, утолить жажду. Понемногу приходим в нормальное состояние, Алена чувствует себя плохо, лежит обхватив голову руками.

- Алена? Плохо тебе? - спрашивает ее Бурьян.

- Голова трещит, раскалывается, - отвечает она слабым голосом.

- Давай полежи, хорошенько отдохни. Саш! Давай займись палаткой, а я сгоняю за водой. Тут недалеко старая яма водой заполнена.

- Возьми кислородную подушку и рюкзак. Удобнее будет нести. Я костер разведу. Алену чаем надо попить.

- Давай подушку.

Уложив кислородную подушку в рюкзак, Бурьян быстрым шагом направляется за водой. Я выбираю место под палатку. Рядом с сигналом нахожу толстые колотые доски, что остались после устройства строителями от переходных площадок сигнала. Делаю из них хороший плотный настил для палатки. Алена помогла мне ее натянуть. Нарубил листовых сырых веток и устроил на настиле мягкую, пахучую подстилку. Чуть подалее от палатки подготовил место

для костра, вырубил жердь-таган и стал поджидать Николая. Уже начало темнеть, когда он появился из чащи. За плечами в рюкзаке полная подушка с водой. Уже в темноте ужинаем. После ужина сон пришел сразу, незаметно, глубокий и уютный. Проснулись почти вместе. В палатке душно. Всюду лезет мошка. Солнце уже стало высоко, осветило верхушки деревьев. Все мышцы болят от вчерашнего перехода. Алена лежит, не поднимается. Сильная головная боль.

Глава 8. Вдвоем на сигнале.

Мы с Николаем приступаем сразу к технической работе. Устанавливаем центрировочный столик над цен гром пункта для снятия редукии. К нам подключилась еле-еле вставшая Алена. Несмотря на просьбы Бурьяна, она остается под сигналом и даже встала с карандашом над столиком. Бурьян малым теодолитом вынес на лист проекции визирного цилиндра и центра до подъема на сигнал.

- Коля! - говорю я Бурьяну, когда мы остались вдвоем, Алена ушла в палатку. - А как она будет на высоте работать?

- Пока не знаю. Давай инструмент поднимем на столик.

Подняв на веревке теодолит ОТ-02, мы вместе с Николаем осматриваем в бинокль окрестность. Далеко на севере в синей дымке проглядываются отроги Станового хребта; на восток и на запад всхолмленная местность с плешинами марей, итвилистыми ленточками небольших ручьев, пробивающих путь к югу, к Зее. Осень еще не тронула зейскую тайгу, и она стоит еще полетнему в зеленом наряде. Небольшой ветерок раскачивает верхушки деревьев, достигает площадки сигнала, ласково обдувает нас. Здесь нет ни одного комара. Великое наслаждение испытывает человек в тайге, когда он недоступен кровососущим насекомым.

Николай отыскивает на горизонте соседние пункты, делает на столике отметки, чтобы потом не шарить трубой теодолита по тайге. Я в это время осматриваю состояние сигнала. Давно отстроенная деревянная конструкция сигнала требует небольшого ремонта. Об этом я говорю Бурьяну. Он машет головой, что надо, но времени нет на ремонт.

На наблюдение вечерней программы поднялась Алена, которой стало ближе к вечеру немного полегче. Я ее отговариваю, но она упрямо покачивает головой. Бурьян молчит, готовит теодолит к наблюдениям. Алена усаживается на площадке для записи отсчетов.

После вечерней программы, уже у костра, Бурьян делится своими впечатлениями о наблюдении.

- Понимаешь, что-то прыгают результаты, уровень не успеваю подправлять. Сегодня слабый ветерок, ну а если хороший? Что-то внутренняя пирамида меня смущает. Завтра утром надо подстучать.

- Коля! - услышав наш разговор, кричит из палатки Алена. - Ремонт небольшой надо. Рассохлись детали, вот и качает весь знак.

Алена после вечерних наблюдений ушла сразу в палатку, не стала ужинать. Жалуетса на слабость и головную боль.

- Просидим, наверное, мы здесь долго. Чувствую, что может так и быть, - говорит Бурьян.

Рано утром, выпив по кружке горячего чая, мы с Бурьяном лезем на сигнал, прихватив с собой два топора для ремонта. Ремонт начали с внутренней пирамиды и наружных укосин сигнала. Кованые костыли, закрепляющие детали конструкции, почти болтаются в отверстиях. Сигнал за долгое время рассохся, да и чувствуется, строители не особенно утруждали себя качеством. Прошлись обухами топоров во всех местах, куда можно было достать без страховочных поясов. Подбили столик для инструмента. Бурьян ворчит на строителей.

- Прежде чем строить знаки, надо было каждому строителю побывать на нашем месте.

Поработать немного, а потом заниматься строительством. Смотри, Саша, какие жидкие детали. Наверное, по техническим требованиям должны быть толще в диаметре. А подгонка деталей? На ремонте мы провозились с Николаем почти весь день. Завершаем работу на верхней площадке около столика. Стучим, подтягиваем крышу и крепления визирной болванки. Вдруг со стороны Локшака послышался рокот вертолета, затем на горизонте появился МИ-1, который шел прямо на знак, к нам. Сделав над нами два круга, пошел на снижение и сел в полкилометре на мари. С сигнала мы хорошо видим его. Из вертолета прыгнул человек, и вертолет тут же начал подниматься, и набрав высоту, ушел в сторону Бомнака.

- Кто это может быть? - спрашиваю я Бурьяна.

- Наверное, Горбачев. Он мне на продточке говорил, что сам хотел побывать на этом знаке. Вот и прилетел.

Мы быстро спускаемся вниз и идем навстречу прилетевшему человеку. Еще вдали мы увидели высокую фигуру Горбачева. Его можно узнать и за километр. Издали машем ему.

- Ну, ребята, богато живете, - а сам успевает бросать в рот на ходу спелую голубицу. - Смотрите, сколько ее у вас.

Мы с Бурьяном огляделись по сторонам - куда ни кинь взглядом, везде голубая картина. Неужели мы не видели эту красоту, когда изматывались с тяжелыми рюкзаками по пути на пункт? А какая вкусная ягода! Стоим втроем на мари и молча уплетаем горстями сладкую ягоду.

- Ну, хватит вам. Дорвались до бесплатного. Что, первый раз угощаетесь? - смеется Борис.

Мы переглянулись с Бурьяном:

- Да мы об этом и не думали. И не видели ее.

- В тайге надо использовать иногда любой случай осмотреться: где стоишь, где идешь и что вокруг. Красотища у вас здесь, как на курорте, - осматривается Борис. - Ну, пойдете, показывайте свое хозяйство, а сначала чайку надо бы.

Алена уже поджидает нас, стоит с завязанной косынкой на голове, жалостливо и обрадовано смотрит на Бориса.

- Привет, Алена! Заболела, что-ли?

- Ой, не могу уже терпеть. Забирай меня отсюда. Наверное, заболела. Хорошо, хоть ребята понятливые. Помогают. За меня вон Саша уже управляется.

- Да, мы так не договаривались. Работы много у нас. Ладно, рассказывай, Бурьян, как дела идут. А лучше слазим на сигнал. Посмотреть надо на одно направление, чтобы включить его в программу.

Николай с Борисом лезут на сигнал, а мы с Аленой хлопочем по ужину,

- Так ты что, Алена, действительно наметила уйти от нас? - спрашиваю я.

- Наверное, не вытяну я до конца сезона. Попрошусь у Горбачева, чтобы он отправил меня в Хабаровск. Никогда со мной в тайге так не было. Ну какой я сейчас работник? Вам-то надо в темпе работать. Да и надеется Горбачев на Бурьяна. Одним словом, я не помощник Бурьяну. Не обижайтесь, что так случилось.

С сигнала спускаются Борис и Николай, подсаживаются к костру.

- Ну что, там пожестче стало наверху?

- Да, вроде ничего, более устойчиво, чем прежде. А вот с инструментом надо подзаняться.

Поверки надо выполнить, - говорит Борис, потом обращается к Алене - Что с тобой делать?

- Не вытяну я в таком состоянии.

- Ладно, утром переговорю с Бомнаком. Там из Хабаровска приехали и сидят без дела трое рабочих, одного сюда надо. Николая Даниловича попрошу подбросить одного из них к вам на лабаз. Ну, Алена, и задачу ты мне задала.

- Я сама не ожидала, сколько в тайгу ходила, и ничего такого со мной не было.

- На этом пункте не задерживайтесь. После него перейдете на Ближний, он в двадцати километрах. Вертолета не будет. Продукты растяните, экономьте. Потом перебросим к гольцам на вертолете. Лишь бы дождей не было.

На следующий день, пробыв с нами почти весь день, ближе к вечеру Горбачев распрощался с нами и ушел на наш лабаз в устье ручья Артыкан. Там он дождется с Бомнака Николая Даниловича с рабочим и с ним уйдет на лодке на метеостанцию Локшак. Мы должны через день доставить на лабаз Алену, оставить ее там, а рабочего забрать с собой. Чуть позже Николай Данилович, спускаясь в Бомнак, по пути заберет Алену. И все это в течение суток. После ухода Горбачева как-то тихо стало в лагере и одиноко. Его здоровый оптимизм, спокойствие и мягкая улыбка давали окружающим хороший заряд бодрости. Во всяком случае, с таким человеком становишься увереннее в себе и начатом деле. Вроде, немного побыв у нас, он поставил в наших технических вопросах все точки, помог разобраться в причинах некачественных результатов первых наблюдений. А это важно для нас.

Мы с Николаем сидим у ярко горящего костра и тихо обсуждаем наши планы на предстоящие дни. Рядом шумит тайга, да где-то поскрипывает сушина. Иногда вдруг пламя костра изовьется от ветра, обдав нас дымом и теплом. Алена не принимает участие, она рано ушла спать в

палатку. Мы с Николаем в эти дни все чаще и чаще находим темы для разговоров, от прежней натянутости в отношениях, когда встречаются незнакомые люди, не осталось и следа. За эти несколько дней мы успели присмотреться друг к другу, и сегодня у нас сложилось хорошее взаимопонимание. Я вижу, что он не сторонится никакой работы, хотя он руководитель бригады, успевает во всем помочь, подсказать. А он также видит, что я не умею сидеть на пункте без дела. Казалось бы, ну чем могут заниматься такие люди как мы в тайге целыми днями? Вроде нечем. Непосвященный в наши дела может так и подумать. У нас нет свободного времени, начиная с раннего утра, с восхода и до захода солнца. Только вот сейчас с наступлением темноты отступают все дневные дела и заботы. А дальше, когда мы войдем в обычный режим наблюдений, вечерами будем считать их результаты до глубокой ночи. Приближение осени ощущается ночами. Вот и сейчас, после дневной августовской жары, стало быстро все вокруг охлаждаться, а по утрам мы укрываемся потеплее. Через несколько дней сентябрьский календарь начнет отсчитывать нам дни. Завтра уже двадцать шестое августа.

- Саша, - неожиданно перебил мои размышления Бурьян, -завтра после утренних наблюдений выйдем на лабаз. Лишь бы Алена дотянула.

- Чего не дотянуть? Спешить не будем.

- Понимаешь, что-то у нас не совсем дела клеятся. На продточке я хорошо спланировал работу с Горбачевым, все рассчитал. По нашим расчетам работы здесь при хорошей погоде максимум на пять дней.

Николай проговорил это, глядя в затухающий костер, потом замурлыкал под нос какую-то песенку. Через некоторое время, будто что-то вспомнив, он воодушевленно сказал:

- Ничего, добьем этот пункт и перекочуем на новое место. У меня есть сильное желание оказаться поближе к гольцам. Здесь какое-то унылое место, поэтому и дела так обстоят. Мы, Саш, не подведем Горбачева. Просил он меня поработать на этом участке, от которого отказались его наблюдатели. Здесь подходы тяжелые, топь да гари, непролазная чаща. Холодный ветер раскачивает верхушки деревьев, поддувает внизу кустарники, шевелит мелкими листочками, уже кое-где пожелтевшими, корявого березового стланика.

- Пойдем в палатку, отдохнем. Завтра дел много, - предлагаю я Николаю и мы закутываемся в тонкие чехлы от спальных мешков, почти не раздеваясь.

Утро выдалось пасмурное, но чувствуется по плывущим облакам, что к полудню может появиться и солнышко. На верхней площадке прохладно от небольшого ветерка. Алена осталась внизу, подогревает на разведенном костре нам завтрак.

Я удобнее устраиваюсь на полу для записи отсчетов, Николай готовит теодолит к наблюдению, подключает подсветку от лежащих под столиком батарей. Я наблюдаю за его хозяйственными приготовлениями. Молча, тихо, но уверенно он продельывает подготовку; через некоторое время, уже глядя в трубу, бросает мне:

- Поехали!

- Поехали, - отвечаю я, и начинаю делать фиолетовыми чернилами запись в журнале наблюдений. Градусы, минуты, секунды и их доли аккуратно ложатся в журнале.

Часа через полтора продрогшие, мы осторожно, затекшими в одной позе ногами, спускаемся вниз к костру, где Алена давно поджидает нас с горячей кашей и крепким чаем.

В одиннадцать часов после разговора по радиации с Локшаком, мы уходим на лабаз. Рюкзак Алены с личными ее вещами мы поочередно несем с Николаем. Часто приходится нам делать небольшие остановки. Алене не удается идти в одном темпе с нами. В пути мы помогаем ей шутками, подбадриваем. Через два часа хода по уже знакомой и немного натопанной тропе мы выходим на лабаз. Погода нам помогает. Солнышко иногда выскакивает через разорванные облака. На лабазе нас уже поджидает мужчина, которого доставил к нам на лодке Николай Данилович. Сам он уплыл в Локшак.

Мы поздоровались. Мне сразу понравился наш будущий спутник по таежным зейским тропам. Ниже среднего роста, русоволосый, конопатый, с мягкими деревенскими чертами лица и вздернутым носом, загоревший, в выцветшей энцефалитке, в черных хэбэшных брюках и кирзовых сапогах, он представился, сильно окая:

- Фамилия Фураев, звать Анатолием. К вам работать направили.

Алена остается здесь дожидаться Николая Даниловича, а мы втроем, нагрузив рюкзаки продуктами с лабазы, уходим назад. Алена грустно улыбается нам на прощанье и машет рукой. Николай впереди, я за ним, Анатолий за нами. Но он еле успевает за нашим уже привычным и

размеренным шагом. Я слышу его тяжелое дыхание сзади и шлепанье сапог по болотной жиже. Сделав один короткий привал, мы подошли через два часа к пункту. Уже в новом составе.

- Ну, вот мы и дома! - радостно говорит Бурьян, сбрасывает на землю рюкзак, потом продолжает. - Чтобы дело не стояло, тебе, Анатолий, приготовить ужин, а нам на вечернюю видимость надо готовиться.

Фураеву, видно, не привыкать к тайге, изменению обстоятельств в личной жизни, к новой обстановке с новыми людьми.

Он тут же сноровисто приступил к своим новым обязанностям. Взяв наш топор, он потрогал пальцем лезвие, потом покачал головой, вытащил из своего, выдавшего виды потертого рюкзака брусок и, присев на бревно рядом с кострищем, начал его точить.

- Вот так лучше будет. Зачем силу тратить напрасно на тупой топор. Сила нам пригодится, - сильно окая, он разъяснил нам суть проводимой сейчас операции с нашим тупым топором.

- Этим инструментом с детства привык пользоваться. Его если хорошо наладишь, то когда работаешь им, душа поет и щепки красиво летят. Я в своей деревне дома строил. Построишь избу, потом смотришь на нее. Красиво получается.

Управившись с топором, Анатолий подошел к сухой лиственнице и ловкими короткими ударами отколол щепки, развел костер, поставил кастрюлю и чайник на огонь и сел закурить. Я давно обратил внимание на то, что в тайге мы, полевики, по-разному себя ведем. Вот, например, другой бы на месте Фураева, придя на новое место, начал бы с того, чтобы устроить себе постель, разложить свои вещи, оглядеться. А он оказался более практичным. Видя, что у нас ограничено время, быстро и основательно начал нам помогать. Его рюкзак остался на том месте, куда он его положил по приходу на пункт. Мы с Николаем сразу расположились к нему симпатией. Он не новичок в тайге и, самое главное, он любит работать не для показухи, а для пользы, расчетливо, со смекалкой. Не всем дается простая азбука взаимоотношений в тайге.

Мы с Николаем поднимаемся на сигнал. Вокруг на многие десятки километров распласталась зейская тайга, поражая внимание могучим простором, зеленью, кое-где уже желтеющей. На севере просматривается в дымке гряда отрогов Станового хребта, на юге простирается сплошной зеленый ковер с темными впадинами распадков. Там течет красавица Зея. Горизонт вокруг открыт взору далеко, четко наложены друг на друга ближние горизонты на фоне дальних. Все в природе красиво, и ее даже трудно сравнивать. Я видел красивейшие тьяньшаньские горы и горные реки. Сейчас я смотрю и поражаюсь простору тайги. Не могу сказать сейчас, что больше мне нравится: горы или тайга. Думаю, что и то и другое.

Сегодня у нас, можно сказать, наблюдение программы идет как-то уверенно, спокойно, в рабочем ритме. Бурьян стоит, расставив широко ноги, осторожно ловит в трубе далекие визирные цилиндры, бросает мне отсчеты, затем также осторожно переступает по ходу часовой стрелки вокруг столика. У меня есть время записать цифры и полюбоваться окружающим простором с двадцатиметровой высоты сигнала, глянуть вниз на Анатолия, суетящегося у костра. Дым от него расплзается на несколько метров по кустам, а дальше исчезает, растворяется. Анатолий иногда, прищурившись, поглядывает на нас снизу вверх.

Я поглядываю изредка на меняющееся на глазах небо, которое к вечеру начало покрываться напозавшими с севера тучами. Подозрительные тучи - наверное, к дождю. Укрыв теодолит, мы спустились вниз. Здесь у костра уютно и тепло. На наш лагерь опустились глубокие сумерки. Шум тайги ближе к полуночи усилился, ветер колышет палатку, раздувает горящие головешки костра, крутит дымом в разные стороны. За кружкой вечернего чая мы рассказываем друг другу небольшие истории из своей полевой жизни. Анатолий впервые устроился работать в экспедицию, поэтому он больше говорит о прошлой, деревенской жизни. Особенно он полон впечатлений о службе в армии, о нарядах на кухне и прочим делам.

Вот и сейчас он, уже хорошо освоившись на новом месте, весело посматривает на нас, пытается найти хорошую тему для разговора.

- Толя, а кем ты служил? - спрашиваю я его.

- Как кем? Шофером работал, - отвечает он.

- А какой класс имеешь?

- Чего-чего? Какой такой класс? Никакого класса нет. К чему класс? Кобыла и так понимает, куда надо ехать.

- Да причем тут кобыла? Ты же не на кобыле ездил? На машине, наверное?

- На какой машине? - удивленно говорит он, - шофером на лошади работал.

Мы с Николаем расхохотались, Анатолий даже немного растерялся.

- У нас в деревне, - продолжает он серьезно, - того, кто работает на лошади шоферами кличут. Чего тут не понять? Мы там у нас все понимали.

- Чего делал на лошадях во взводе?

- Воду возил, дрова, груз какой придется. Мало ли чего в армии наберется. Мне нравилось в армии. Кормили сытно, дополнительно давали. А когда на кухне дежурил, тут-то раздолье. Солдату нужнее у кухни службу проводить. Да и дома мне наказывали мужики, которые служили, мол, поближе к кухне, Толик, держись. Меньше на глаза начальству попадайся. Они же, как увидят солдата, так сразу ему поручение, чтобы меньше личного времени было. А у меня и личное время было. Если надо где-нибудь вздремнуть, то говорю командиру, что пошел чистить кобылу или поить. А сам куда-нибудь подальше, в тень. А кобыла сама почистится, если захочет. Лошадь бывает умнее человека. Человек не догадается как надо и чего вкусного стянуть, на нее же не подумаешь, а масла уже нет. А иногда масло-то я пушу на свои нужды, а на лошадь пожалуюсь. Пойди, загляни, чего там за день набралось у нес в брюхе. Шофером хорошо я работал.

Рассказывая нам армейскую байку, Анатолий не знал, куда деть руки, потом взял топор и начал изготавливать новый таган, чтобы заменить уже подгоревший, старый.

- Ладно, шоферы, давай спать. Что-то холодный ветерок уже потянул, - вымолвил Бурьян и направился к холодной и темной палатке.

Двадцать девятое августа встретили барабанищими каплями дождя, который с небольшими промежутками то затихая, то вновь усиленно старается промочить нашу брезентовую крышу. В палатке от почти осеннего дождя прохладно, неуютно, на улице еще неуютнее. Видимости, разумеется, сегодня нет. К полудню дождь немного стал тише, а затем совсем прекратился. В этот промежуток успеваем развести костер, сварить горячие щи и крепкий чай.

Где-то на западе грохочет гроза, и ее отголоском стал начавшийся дождь, но не такой проливной, когда эпицентр рядом. Гроза захватила нас одним крылом и умчалась, грохоча над тайгой и ярко сверкая молниями, куда-то на юг, через Зею. Вследза грозой, ее озонирующим свежим воздухом, потянул за верхушки деревьев, закачал ее стволами, северный ветер. Он погнал уже освободившиеся от небесной влаги серые тучи все быстрее и быстрее, давая природе расправиться от мокроты. Тысячи холодных капель полетели на землю с деревьев и кустарников, еще больше насыщая моховой ковер кристально чистой водой. Через некоторое время деревья будут стоять сухие, но уже напоенные через свои листья и корневую систему полезной для их роста влагой.

К вечеру дождь возобновился. Я лезу по мокрым ступеням лестниц на сигнал, чтобы проверить состояние горизонта. О наблюдении вечерней программы можно и не думать. Все близлежащие возвышенности в сизой дымке, а дальних не видно совсем. Сегодняшний день уже потерян.

Сегодня наш сон был беспокойным. Холодная ночь, наступившая после дождя, заставила нас укутываться теплее.

-Откуда так тянет? - сонным голосом и ни к кому не обращаясь, спросонья спрашивает Анатолий.

- А ну, ребята, теснее друг к другу, - советует Николай.

Под утро я уснул, позабыв про холод. Крепкий сон одолел и ребят. Ночи стали холоднее, заставляя нас придумывать способы защиты от холода. Спим одетыми. Пустые чехлы без ватного вкладыша не греют вообще. Вкладыши, или основные спальные мешки, мы оставили на лабазе, чтобы облегчить свои первые рюкзаки. Теперь-то мечтаем о них.

Сквозь сон слышу, что кто-то говорит, но разобрать о чем не могу. Затем разговор стал громче, кто-то второй присоединился. Открываю глаза, рядом со мной пусто, никого нет в палатке. Прислушиваюсь. За палаткой разговор возобновляется, до слуха долетают не только слова, но и отдельные фразы.

-Ну, не дают спать, - голос Фураева не скрывает приятного удивления. - Разбудили меня, окаянные.

О чем это он? Я прислушиваюсь.

- Слышишь? Токуют, - приглушенно говорит Бурьян, -Наверное, я не выдержу. Побежал. В это время я вылезая из палатки, наблюдаю такую картину. У ярко горящего костра на бревне тихо, присмирив, весь ушел во внимание Анатолий. Николай взял из палатки карабин, закладывает обойму, спешит. Он быстрым шагом исчез в кустарнике на звук токования глухаря где-то рядом. Щелк косяшек дробно разлетается вокруг. Красиво поет глухарь, привлекая внимание краснобровой копылухи, которая, должно быть, слушает любовный призыв где-то рядом на земле, замерев от счастья. Редко выдаются такие утренние минуты для глухарей.

Неожиданно любовная ария глухаря смолкла. В это время он хорошо начал слышать, и если охотник неосторожно сделает лишний шаг, глухарь, почувствовав опасность, стремительно слетает с дерева или улетает с пятачка на земле, который он недавно облюбовал для встречи со своей избранницей. Так, примерно, как потом рассказал Николай, и получилось. Он начал приближаться, прячась в зарослях кустарников за стволы деревьев. Подойти незамеченным к одиноко стоявшей на мари сухой лиственнице, где на самом верху красовался краснобровый жених, было чрезвычайно сложно. Вроде бы, казалось, вот уже виден глазом чернеющий глухарь на макушке сушины, уже ствол карабина наведен на него, как вдруг дробь глухаря прекратилась, а он сам замер. Замер на месте и Николай, подавшись вперед по инерции. Чуть хрустнул сучок под его резиновым сапогом и вместе с ним, почти одновременно, сорвался с дерева глухарь и стремительно ушел в чащу. Так бесславно закончилось первое охотничье увлечение, разнообразив наше одиночество освежив нас новым впечатлением в серых буднях работы.

. Бурьян чертыхается, находясь еще в возбужденном охотничьем азарте, ругает глухаря, который оказался недоступным, и на наш взгляд, умным. Кому же хочется подставлять себя под пулю? Инстинкт самосохранения сработал у него своевременно. Остыв немного от пробежки за глухарями, Николай принялся на сигнал и сверху кричит мне:

- Отбой на сегодня! Видимости нет!

Вот и еще один день пропал. Придется до вечера работать журналами наблюдений. За завтраком Анатолий частенько бросает косые взгляды на Бурьяна, пытаюсь что-то ему сказать, но не решается. Наверное, смелости не хватает.

- Анатолий, чего заволновался? - заметив его внутреннее беспокойство, спрашиваю я.

- Да, вроде бы, ничего, - отвечает он - Было бы ружье у меня, я глухаря достану.

- Бери карабин, да шагай за ним, - говорит Бурьян, потерявший интерес к ним после неудачной охоты.

- Серьезно, что-ли? - обрадовался Анатолий.

-Давай, прогуляйся. Нам есть, чем заняться. Беги, - напутствовал его Бурьян.- Только смотри, не заплутай. Если что, иди на солнце, выйдешь на реку или дай знать нам выстрелом. Закинув за плечо карабин, Фураев исчез в глухой чаще.

- Может, не надо было его одного отпускать. Первый раз в такой тайге, - говорю Бурьяну.

- Конечно, не надо было. Но когда-нибудь надо ему чуть самостоятельнее быть. Подождем, что он там настреляет.

- Ничего не настреляет. Глухариный ток всегда на заре. А сейчас уже десять часов. Тот глухарь, который тебя услышал, был последним, наверное.

-Примерно так, - ответил Бурьян. - Давай, посмотрим журналы.

После ухода Анатолия прошло часа два, За это время мы обычно уходили до лабаза, что в семи километрах. Мы начали уже поглядывать друг на друга обеспокоено. Несмотря на то, что оба мы заняты документацией, мысли не отступают от Анатолия.

- Не будет через час, идем на поиски, - такое принимаю решение, и поглядываю на Николая.

- Дай-ка, я пульну ракету, - сказал Николай и ушел в палатку за сигнальным пистолетом. Но стрелять не пришлось. Из чащи вылез уставший и злой Фураев.

- Видел глухарей, - объявил он нам, отдышавшись.

- Остались ждать нас до утра? - весело улыбаясь, говорит Бурьян.

- Зачем они будут ждать. Они улетели.

- Правильно сделали, а то сейчас много работы было бы: щипать перья, разделывать, варить.

Целая история с ними. — Успокаиваю я Фураева. - В следующий раз не уйдут от нас.

Вижу, как Фураев пытается согласиться со мной, но не желает терять марку охотника.

- Да не переживай, Анатолий. Повезет в другой раз, - пытаюсь успокоить его.

Наш разговор прервал рокот вертолета, который пролетел недалеко от нас в направлении метеостанции Локшак. Завтра утром свяжемся с Горбачевым, узнаем какие новости в мире. Рация у нас - единственная ниточка связи с большой землей. Мы живем сейчас в мире отсутствия всякой информации. Нет радио, нет газет, минимум новостей в короткую связь по рации. Ну что можно услышать сквозь писк и треск радиоволн в эфире?

Мы молча сидим с Николаем около тлеющего костра и внимательно работаем с результатами наблюдений. В голову лезут всякие мысли, когда чувствуешь оторванность от насиженного и привычного домашнего уюта, когда лишен культурной жизни, когда день за днем на одном пятачке земли происходит обычная и повседневная работа. Я пытаюсь представить себя в эти минуты на месте горожанина и не вижу в городской цивилизованной жизни себя. Теперь я не мыслю себя вне сегодняшней полевой обстановки. Я не представляю что может быть лучше моего выбора. Я уже не могу, как и сотни моих товарищей, изменять уклад своей жизни, потому что я сделал свой выбор сознательно.

- Коля, - обращаюсь я к Бурьяну, который прилег около костра, подложив под голову полено. - Куда пойдешь работать после защиты?

- Еще не определился. Может быть, рискну сюда, в Хабаровск, - не поворачивая головы, тихо отвечает он.

Я усаживаюсь за грубо сколоченный из досок оставшегося от строителей ящика из-под гвоздей столик и начинаю заполнять свой полевой дневник. Такая счастливая минута выдалась мне по сложившимся обстоятельствам погодных условий. Поглядываю на небо, на низко плывущие, но уже в просветах, тучи. Может быть, повезет нам отнаблюдать вечернюю программу.

Во второй половине дня заметно посветлело. Крепкий ветер погнал тучи на восток, зашумел в деревянной конструкции сигнала. Надолго ли хватит его силы, чтобы остановить нашесгвие дождевых фронтов.

- Саш! Есть надежда на видимость. Идем наверх.

Николай поднимается первым, я за ним, вижу подошвы его сапог, которые с каждой секундой отрываются от взгляда, упираются в ступени. На площадке свищет ветер. Отворачиваюсь от его холодного напора, удобнее усаживаюсь на площадке, прилаживаю на коленях журнал. Николай хлопчет у теодолита. Приспосабливает самодельную подсветку к нему. Дня три назад Николай случайно обронил фабричную подсветку на пол площадки. Она через щель скатилась и упала вниз в траву и гу стой кустарник. Наши поиски ни к чему не привели. Пришлось сделать примитивную, самодельную. Вечером у костра припаяли проводки, получилась временная замена.

В этот вечер нам удалось произвести хороший объем наблюдений. Наконец, завершаем работу.

Николай, как всегда, укутывает теодолит. Время еще 19.30, но горизонт уже темный.

На западе постепенно утопает в дальних горах раскаленный диск солнца. Его лучи вскользь гладят облака, они оранжевые. На востоке уже темно. Вдали еле-еле просматривается гряда гор, подернутая сизой дымкой. Около костра тепло. Греем озябшие руки и, не дожидаясь ужина, просчитываю результаты вечерней программы. Все, кажется, хорошо: все приемы ложатся в допуск. Это радует меня, и я сообщаю Николаю. Контроль сделаем завтра при дневном свете. После ужина сидим у костра долго. Анатолий суется около кастрюль. Небо чернеет от напозающих с запада свинцовых туч. Они уже закрыли все просветы, которым мы были рады не сколько часов назад. Тихо шумит тайга, переговариваясь на своем таежном языке. Непонятен нам ее язык. Ее язык мог понять только Улукиткан, который улавливал все ее интонации, безошибочно прогнозировал поведение и состояние по неуловимым ее признакам на несколько дней вперед.

Наш вечерний прогноз оправдался. Монотонно стучат кап ли дождя по палатке, в которой без печного отопления прохладно и неудобно. За ночь тонкий брезент палатки уже успел пропитаться влагой и одно неосторожное движение о ее верх вызывает течи. А это неприятно, когда на тебя сверху капля за каплей течет дождевая вода. Преодолевая неприятную погоду, мы с трудом нашли сухие бревна, разожгли большой костер, пламя которого не успевает залить морозящий мелкий дождь. Анатолий проявляет при этом природную смекалку и расторопность. Рядом с костром он соорудил в земле углубление. Засыпал его горящими углями и поставил сковороду, начал выпекать лепешки. Мы с Николаем стараемся помочь ему во всех мелочах.

Дождь идет без перерывов, мелкий и холодный. Деревья вокруг стоят припикшие от ненастья. На небе нет ни одного светлого пятнышка. Всюду серые и тяжелые, низко плывущие тучи. Сегодня тридцать первое августа. Более восьми суток находимся на пункте Артыкан. Нами забракована одна программа наблюдений из-за плохого состояния сигнала. Завершение второй зависит от погодных условий. А она нас не балует. Не отпускает из этого, можно сказать, неуютного места в природе, не дает

по своим законам нам дальше работать по своим планам.

Во второй половине дня особых изменений в небесной канцелярии не произошло. Николай и Анатолий, свернувшись калачиком и укутавшись в телогрейки, спят. Я бодрствую. Мне нужно убедиться в качестве вчерашних наблюдений, и я делаю лежа на животе, контроль. Это занятие меня захватывает целиком, и я уже не ощущаю неуют и прохладу в палатке, не обр
а
щаю внимания, что происходит за ее пределами.

А между тем, рядом шумит тайга, поет на все голоса непогода. Я иногда выползаю из палатки, усаживаюсь у костра, набираюсь тепла. Костер продолжает гореть, невзирая на дождь и ветер. Костер в тайге - это жизнь и земная радость.

Под вечер дождь прекратил свое наступление, а ветер окреп. Из палатки слышу его завывание на все голоса на сигнале. Вечером погода резко изменилась. По небу поползли кучевые облака, серые и белые. Похоже на дождевые. Возможно, завтра погода может поменяться в лучшую для нас сторону. К полуночи становится прохладно.

Проснулись в семь утра от холода в палатке. Вход в нее посеребрён инеем, который лежит на влажной от вчерашнего дождя земле, листьях, на ступенях сигнала. На небе ни единого облака. Солнце светит так ослепительно, что приходится жмуриться. Холодный северный ветер раскачивает верхушки деревьев. Через прорубленную просеку на один из ориентирных пунктов просматривается гряда Станового хребта, на вершинах которого появился снег. Вот почему я вчера вечером видел серо-белые тучи, которые в ночь с тридцать первого августа на первое сентября принесли первый снежок. Там его вчера не было.

После кружки горячего чая мы с Николаем поднимаемся на сигнал. Здесь вообще холодно. Северный ветер сразу же делает пальцы не работоспособными, а телогрейка поддувается со всех сторон. Сильный ветер мешает наблюдению. Неустойчивый сигнал не позволяет производить качественные наблюдения. Спускаемся вниз к костру. Анатолий еще раньше, взяв карабин, ушел на ближнюю марь. Охотничий зуд у него не проходит. Спустя час он вернулся, разочарованный в своем поиске живности для наших кастрюль и начал нам помогать по хозяйству.

Николай в это время сел спиной к костру и занялся вычислением аналитического расчета высоты знака.

- Фураев, - говорит он, - да перестань переживать из-за охоты. Вот когда будем переходить на очередной пункт, тогда по пути и не зевай.

Анатолий в это время, обросший, в засаленной энцефалитке, таскал к костру напиленные со мной кряжистые бревна. Походил он на мужика-лесовика с добродушным лицом и курносый носом. Перетаскав к костру заготовленные дрова, мы подсели к Бурьяну. Анатолий начал сетовать на свою судьбу в этом полевом сезоне:

- Не везет мне в этом году. Строили на Становом знаки, а их в конце концов забраковали. Денег почти не получили. А зима скоро. На мне весь гардероб. Может, с Бурьяном мне повезет, на шубу заработаю, - делится он своими переживаниями,

- Можешь и здесь у нас прогореть. Вон, видишь, как дела идут? Почти десять дней, а не можем этот пункт доработать, - говорит Бурьян.

- Думаю, что уже не заработаю. Два месяца осталось до зимы. Придется где-то в Хабаровске зимовать. На билет домой в Вологду, наверное, не заработаю. Да, не поехал бы я сюда, хотел махнуть в Якутию, там заработки больше, да и ближе к дому. А друг мой Гришка - служили

вместе - пристал: поедем, да поедем на восток; прошлый год его знакомый здесь где-то работал, только в каких-то горах. Тригопункты строили. Он-то уехал в горы куда-то, на восток, а я здесь на Становом. Ну, а когда понял, что прогорели, попросился у начальства хоть куда бы, где копейку можно заработать. Не фартовый, получилось, я. Не везет. Говорят, хорошие заработки в этих местах, на стройке вот таких вышек.

Анатолий показывает на наш сигнал рукой и продолжает:

-Там, на Становом, пирамиды мы строили. Пока дотащишь бревно вверх, все силенки из тебя вытянет. А получать оказалось нечего.

Фураев замолчал, глядя на костер. Вокруг темнеет. Толстые бревна горят хорошо, потрескивают, обдают свегом нашу стоянку, выхватывают из тьмы ноги сигнала. Искры взлетают вверх и, порывав по кустам, исчезают во тьме. Спать сегодня не хочется. Ветер, кажется, немного стих. Даже стало чуть теплее. К чему бы это? А вдруг, опять к дождю? Я делюсь своими подозрениями с Бурьяном. Он молчит, уткнувшись в колени, смотрит на костер. Меня иногда начинает раздражать его флегматичное состояние. Это на первый взгляд. В работе он кипит, становится сосредоточенным, скупой на разговоры.

Проснулись почти одновременно. По палатке барабанит дождь. Мы молча переглянулись с Николаем и вылезаем из палатки. Так и есть. После первого снега и инея вчера последовало потепление, а вместе с ним ветер донес до нас и дождливые тучи. Николай вернулся в палатку и связывается по радиации с лодочником Николаем Даниловичем. Сюда доносятся слова Николая:

-Тридцать первый! Тридцать первый! Я двадцать шестой! Как слышишь меня? Прием!

Установив связь с лодочником, Николай просит его привезти чистые бланки сводок, запасные батареи и новую подсветку к теодолиту, заказал теплые шапки, валенки, меховые рукавицы.

В десять часов вышли на лабаз, к которому часа через два должен подъехать Николай Данилович. Идем не спеша под морозящим мелким дождем. Скоро стали совсем мокрые и согреваемся в пути за счет ходьбы по колена в кочке и воде. Немного отошли от нашей тропы и ломимся напрямки по мари, по горелому подлеску. Наконец, показалась Зейя. Ее видно хорошо с небольшой высоты, где мы сделали на сухом месте короткий привал. Отсюда виден зеленый остров и песчаные косы налротив нашего лабаза.

Спускаемся к реке, пробираясь сквозь кустарник. Мокрые ветки хлещут по лицу, скидывая на нас всю влагу, задержавшуюся на листьях. При подходе к лабазу нас встречают злобным лаем две собаки. Одна успокоилась сразу, увидев знакомых, завиляла хвостом, а вторая наседа на нас, свирепо скаля зубы. Николай Данилович стоял у разгорающегося костра. Он прикрикнул на собаку.

Поздоровавшись с нами, он пригласил к разгорающемуся костру. На таганке висел уже прокопченный чайник. Мне нравится встречаться с этим уже немолодым человеком со шрамом на правой щеке в черной, похожей на ковбойскую, шляпе, в высоких резиновых сапогах. Он коренаст, подпоясан узким ремнем с болтающимся на нем большим охотничьим ножом в деревянных ножнах. От него исходит сила, уверенность и основательность. С таким опытным человеком не страшно ходить на большого зверя. Не подведет он, наоборот, поможет в трудную минуту.

Он выполнил всю нашу заявку. Потом обратился ко мне:

- Саша! Захвати гостинцы для вас. Там, на дне лодки.

Гостинцы оказались нам кстати. Килограммов десять свежего мяса сохатого и два крохалея, убитые по пути к нашей стоянке.

Николай Данилович дождался горячего чая и, поговорив с нами немного, уплыл на свой лабаз в устье реки Томикан, расположенный в семи километрах вниз по течению реки. После его отъезда мы, хорошо подкрепившись зажаренным на костре мясом, снарядив очередным запасом продуктов наши рюкзаки, вышли в обратный путь домой, к сигналу, ставшему для нас своеобразным маяком в зейской тайге.

Глава 9. По зейским марям

Возвратившись от лабаза у большого костра, развешали мокрую одежду, переоделись в сухую и поднялись с Николаем на сигнал. Нам не везет по-прежнему. Сильный северный ветер сотрясает все сооружение, не дает возможности произвести качественные наблюдения. Одним словом, неважно. Есть отчего нам поволноваться и голову поломать.

Ветер треплет верхушки деревьев, бьется о сигнал, стараясь убрать эту преграду на своем пути, очистить все в здешнем мире до равнины и предоставить себе безграничное пространство без заслонов на пути. Прохлада и хороший ветер нам полезны только в одном: нет звона комаров и другого таежного гнуса. Но стоит только ветру стихнуть, как в палатке и вокруг нее возникнет знакомое гудение тысяч насекомых. Сейчас у костра они нам не мешают. Воздух здесь чист, напоенный лиственным запахом, настоящий на запахах тысяч трав, гниющих листьев, хвои, цветов и мхов.

Сидим у костра допоздна. Вдруг где-то на мари, в стороне Зеи раздался рев сохатого. Николай Данилович нам еще утром говорил о начавшейся поре любви у обитателей тайги. По его совету мы уже обзавелись бутылкой с выбитым дном, - своего рода манок для заманивания женихов-сохатых вместо тоскую шей по любви самки. В это время она призывно трубит свою любовную песню, приглашая ищущих свою брачную пару самцов-одиночек. Уже позже, когда на призыв прибегут через таежную чашу несколько самцов, которые в смертном бою будут оспаривать свое право на самку, она выберет себе в пару сильного победителя, тихо склонит свою голову на его шею, и уйдут они в потайные места тайги для продолжения жизни в желанном потомстве.

И вот сейчас, нарушив наш спокойный отдых, самка протрубила свой призыв. На ее призыв ответил Николай с гомощью примитивного манка. Издалека повторно донесся трубный рев. Нас услышал сохатый. Николай с Анатолием, взяв карабин, убежали на марь, и я вскоре услышал приглушенный расстоянием звук все того же манка. На него не последовало ответа. Возможно, сохатый разобрал фальшивый призыв и стоит, притаившись где-нибудь в чаще, не веря, что его будущая подруга так грубо сфальшивила. Язык зверей трудно подделать, только искусному мастеру удастся обмануть в такие минуты самца, жаждущего пройти все расстояния и преодолеть все препятствия на пути к своей паре. В этом и заключается маневр охотника, идущего на добычу зверя со злым умыслом, - прервать одним выстрелом жизнь красавца или красавицы, идущих друг к другу навстречу, повинувшись природным инстинктам.

Я поджидаю охотников. Подбрасываю в костер хорошую порцию сухих дров. Он горит хорошо поддуваемый ветром, ярко освещает все вокруг. Его свет должны увидеть издалека мои спутники. Они появились на площадке неожиданно. Николай улыбается. Позади, отдуваясь, идет Анатолий.

- Чуть не подловили. Сохатый подошел к нам совсем близко, но остановился. Мы слышали звук шагов по мари, треск кустарника. Видать, осторожный - дальше определенной черты не пошел. Проверял, наверное. А мы затаились. Подать звук еще раз в бутылку - значит выдать обман. Наверное, самка себя по-другому ведет. А может, место скрадывания неудачно выбрали. Да и не выбирали мы его серьезно. Данилыч бы его не упустил.

У костра мы засиделись допоздна.

- Не везет мне с вами, ребята, - обиженно бурчит Фураев, полулежа и успокаиваясь около костра чуть в стороне. - На гольцах прогорел, здесь зверь не идет навстречу. Умный зверь пошел. Человека обхитрит. Да, в каждом деле мастер должен быть. Если я охотником не родился, то, наверное, им не буду.

- Правильно, Толя, говоришь, - поддерживает его Бурьян. - В этом деле своя музыка. А мы ее не проходили. Охотники мы с тобой случайные.

- Садитесь ближе к костру, - говорю я им. - Горе-охотники. Сейчас я вам чаю крепкого налью. А мясо пусть еще побегаёт. Видел бы сейчас Данилыч. С таким манком, как ваша бутылка, не только сохатые разбегутся, думаю, что и медведи не спят, смекают в какую бы сторону дернуть от нас.

-Во, сам бы ночью полез на марь. Сидеть у костра я и сам умею хорошо. А мы с Николаем чуть не ободрались в кустах, -уже мирно и чуть шутливо говорит Фураев, изредка вытирая грязным рукавом энцефалитки пот со лба.-Дай отдышаться. А что, чаек ко времени. Да и лепешка не помешает. Саша, подкинь нам.

Я не спеша разливаю в кружки крепко заваренный чай на листьях красной смородины. На месте нашей стоянки иногда попадаются кусты красной смородины, которую в Сибири, дома, называют кислицей. Вообще мы стараемся частенько добавлять к чаю какие-нибудь листья ягод. Хорош аромат черной смородины. Вот и сейчас Николай с Анатолием аппетитно прихлебывают горячий чай, наслаждаются его теплом и ароматом, вспоминают, наверное, эпизоды ночного ожидания зверя.

Шумит ночная тайга рядом с нами, бесконечен ее зеленый простор. Она нам каждый день дарит свою щедрую любовь ко всему живому. Умному человеку найти в тайге можно все для своего существования: от лекарственных трав, орехов и корней до любого зверя. Нужно только суметь это взять от природы;

Но не навредить ей, а наоборот, помочь своевременно отдать человеку щедрый дар. Находясь в непривычных для многих людей таежных условиях, я с каждым днем все больше наполняюсь необыкновенным воздействием природы, меня все больше и больше волнует ее неповторимая и какая-то одушевленная таинственная красота. Я готов иногда, находясь на площадке геознака, часами всматриваться в ее необозримые просторы, ощущать органичное соединение человека и природы. А с другой стороны, будто бы внешне, издалека, я чувствую себя в ней беззащитным живым существом, песчинкой в ее необъятности. Возникает какое-то странное чувство страха за себя в этом неведомом, неразгаданном мире природы. И если бы я оставался надолго один на один с ней, без своих соплеменников, без общей цели с ними в этом живом мире, то вероятнее всего можно было бы сломаться, погибнуть. Природа на подносе ничего не принесет. Человек выживает в ней благодаря изощренному уму, а животное не погибает в силу природных инстинктов.

Возвращаясь к сегодняшнему случаю на охоте, на которой сохатый проявил инстинкт самосохранения, не пошел на ложный призыв охотника, на свою погибель, можно сделать вывод о том, что природа умна, осторожна, практична и беспощадна. С этими мыслями я и заснул в палатке рядом с товарищами под вечный разговор ветра и деревьев.

Утро третьего сентября выдалось солнечное. Нас это радует. Небольшой ветерок гонит одинокие легкие облака на север, раскачивает верхушки деревьев, робко пробирается по кустарнику вокруг сигнала, чуть-чуть колышет палатку. Анатолий уже разжигает костер, звенит чайником.

- Вроде бы налаживается погода, - окает Анатолий и, присев у костра, прикуривает самокрутку. Вместо папирос мы курим табак «Вергун», которого много завезли на продточку. У каждого в жестяных коробках хранится и готовая к скрутке разрезанная газета. Здесь же коробок спичек. Во время переходов мы бережно храним табачные запасы.

- Саш, давай я тебе сверну козью ножку, - предлагает Анатолий. - Я мастак на это. Меня еще мой дед научил в деревне. В деревне все курят. Не курили, наверное, наш боров Васька да курицы. Как задымит мой дед самосад, так на всю улицу вонь. Петухи, собаки, и кошки иногда подходили, а потом бежали куда глаза глядят. Дух табачный им был не по нюху. А я ничего. Как на ноги встал, так сразу за дедову самокрутку. Деду приятно глядеть на внука. Внук весь в деда. Кровь и вонь табачья ведь одна. Вот и радуется он, что я дело полезное от него перенял. А подросток я немного, так не только самокрутку мне даст, но и самогону нальет. Трахнешь нолстакана - голова кругом идет, а дед мне: давай пляши, песни пой. Вот я привык с тех пор. Но я больше курю, чем водку пью. Весь уже прокоптился. - Анатолий весело рассказывает, изредка хохотнет и подмигнет мне.

Пока вспоминал о своем детстве, самокрутка потухла. Он подцепил желтыми от никотина пальцами горящий уголек, прикурил, бросил его опять в костер. Бурьян весело поглядывает на него:

- Толя, у тебя жена-то есть?

- Жены нет, а вот невеста ждет. Я же ей сказал, что еду на север деньги зарабатывать.

Заработаю, вернусь и женюсь. А тут больно-то заработаешь? Значит, не буду жениться. Может, на корову заработаю. Придется до следующего года ждать.

- Не переживай. Наши успехи от погоды зависят, - успокаивает Бурьян Анатолия. - Будет погода, будут и дела.

После завтрака каждый из нас занялся своим делом. Я продолжаю изучать технические паспорта на те пункты, которые нам предстоит в скором времени наблюдать. Николай полез на сигнал для уточнения схемы наблюдения и проверки видимости для наблюдения зенитных расстояний. Анатолий остро отточенным топором вырубает из свежесваленной недавним ветром березы корыто для приготовления таежных пельменей из мяса сохатого, приведенного Данилычем.

Наша работа на пункте близится к завершению. Мы это чувствуем по всем складывающимся обстоятельствам на маленьком пятячке зейской тайги. Мы уже успели к нему привыкнуть, Обжили и обустроили. Привычным взглядом каждый день выкидываю все предметы, каждый

кустик и знакомые деревья рядом с нашим лагерем, При этом возникает какое-то чувство хозяина этого маленького мира. Все здесь нам уже знакомо, каждая тропка вокруг нашего лагеря имеет свое известное направление.

Я оглядываю наш лагерь, стараюсь запечатлеть в памяти еще один день нашего быта вдали от цивилизации. Фураев продолжает усердно долбить березу. Мелкие, острые щепки струей вылетают из-под лезвия острого топора. Выдолбив корытце, Анатолий начал сечь мясо вперемешку с мокрым, размякшим сухим луком, перцем, лавровым листом. Приготовив ароматный фарш, он приступил к следующей операции. Засучив рукава энцефалитки, замесил тесто. Потом на брезенте, уложенном на доски, раскатал тесто бутылкой в огромный блин, ловко разрезал его ромбиками для начинки фаршем. Завершение последних приготовлений к ужину я уже не видел, началась вечерняя видимость. Мы с Николаем использовали ее максимально. Ну, еще один денек работы и мы оставим этот пункт отработанным. Я с большим удовольствием открутил для контроля еще одну программу. Так настоял Бурьян. У него что-то сегодня слезился глаз и поэтому ему трудно было наблюдать.

Николай укрыл теодолит и начал спускаться вниз через люк.

- Ты чего сидишь? Пойдем ужинать. Что-то запах вкусный от костра долетает.

- Я сейчас, - отвечаю.

Красный закат над безбрежным морем тайги. Особенно хорош вид сверху, когда смотришь с площадки сигнала поверх макушек деревьев. Осень уже разрисовала зейскую тайгу красками увядающей природы, но все равно она остается прекрасной. Последние солнечные лучи прячутся в яркоцветье чуть пожелтевших березок и краснеющих осинков. Да и мари уже не летние в подкрашенных желтизной высоких травах и красных листьях голубики. Неделю назад мы еще любовались летним нарядом тайги, а сегодня я вижу чуть-чуть тревожную и печальную природу перед скорым приходом на древнюю эвенкийскую землю холодной зимы. Солнце еще не садится в ночную тень, но на востоке над глухими распадками уже темно. \

Я всматриваюсь в направлении северо-запада, где в двадцати километрах из мари возвышается темный массив тайги, густо покрытый, точно щетиной, невысоким лесом. Через три-четыре дня мы будем там осваивать еще одно место, которое будет знакомым до мелочей, до каждого кустика и дерева рядом с палаткой.

- Саша! - кричит мне от костра Николай. - Ты чего там, заснул? Давай на пельмени.

- Иду! - кричу я в ответ

Не спеша укладываю в полевую сумку журнал, ручку, чернильницу. Оглядываю перед спуском теодолит, который хорошо укутан Николаем. Это на всякий случай. Спускаюсь вниз по качающимся ступенькам. Спускаюсь не спеша, не хочу прерывать минуты отдыха после наблюдений, когда остаюсь с природой один на один.

Подхожу к костру, у которого уже по-домашнему расположились для ужина Анатолий и Николай. Анатолий сосредоточенно подбрасывает сушняк в костер, подвешивает на таган чайник. Затем открывает кастрюлю с пельменями.

- Ого! Вот это запахок!-вертит носом Николай.- Давай быстрее наливай. Сил нет терпеть.

Я поддерживаю Николая шуткой и мы, немного продрогшие на высоте, обжигаясь ароматными таежными пельменями, весело ужинаем. Бульон получился наваристый, вкусный. Анатолий на высоте. Он видит, что мы его ужином довольны.

После ужина долго сидим у костра. Подстелив под спину телогрейку, я изредка встречаю в разговор. Но больше лежу и молча смотрю на звездное небо. Вот и сейчас взошедшая луна показывает нам свое назначение; холодным сияньем дополняет ночную прохладу, опустившуюся на наш лагерь. Все залито лунным светом. Я смотрю на Вселенную. Необозрим, бесконечен ее простор. Рядом возвышается ажурное сооружение - геодезический знак, облитый, как серебром, светом луны. Смотришь на него снизу вверх и кажется, что он сейчас на тебя рухнет. Но он крепкий - надежный страж тайги. Его обдували холодные зимние ветры, полоскали ливни, ласкали теплые лучи солнца. И будет он долго стоять здесь, на этом географическом месте, много лет, обозначая на карте точку земной поверхности с определенными координатами и высотой над уровнем Балтийского моря. Скоро мы покинем и его, чтобы потом, возможно, никогда не вернуться к нему. Может, придут другие люди. Или охотник вдруг увидит деревянную вышку и из любопытства сделает короткий привал на нашем месте. А смелый человек обязательно поднимется на него, чтобы полюбоваться окружающим простором тайги.

В эти дни погода нам помогает. Утром следующего дня, пока готовится завтрак, я успеваю поработать над сводками наблюдений. Наконец, мы с Николаем начинаем осознавать, что дело близится к завершению. Сегодня этот миг придвинулся к нам очень близко. После разговора с Горбачевым по рации Бурьян отослал Анатолия готовить площадку под вертолет. Примерно в том месте, где приземлился он с Горбачевым. Там надо свалить всего лишь несколько невысоких корявых лиственниц и сделать опознавательный знак в виде буквы «Т» в центре площадки. Работа вроде не сложная, но требует усилий и времени.

В этот вечер мы завершаем всю программу наблюдений в полном объеме, спускаемся к костру и ужинаем. Но мысли еще не спокойны. Надо для контроля посчитать результаты вечерней видимости. Забираемся с Николаем в палатку, устанавливаем свечки и при их тусклом свете, лежа на животе, не поднимая головы, считаем результаты в «две руки». Наконец, получаем одинаковые результаты. Наши глаза встречаются в радостном, возбужденном состоянии, мы протягиваем друг другу руки, крепкожимаем и выползаем из палатки к костру. У нас сегодня большая радость, работа на пункте завершена. Вместе с нами улыбается Анатолий и торжественно наливает горячий чай в наши кружки. Мы дружно звеним ими в знак нашей долгожданной и трудной победы.

Шестое сентября знаменуем хорошим сном, спим до 8.30 часов. Вставать не хочется, зная, что все сделано. Солнца не видно. По небу плывут тяжелые дождевые тучи, ветер гоняет верхушки деревьев, срывая желтые листья и швыряя их во все стороны. По всему видно, что без дождя не обойтись. Связь по рации была короткой. Горбачев в это время находится в Бомнаке. Он сообщил нам неприятную весть: вертолеты сегодня не работают по техническим причинам. Их не будет два-три дня. Нам, конечно, не выгодно терять два-три дня, и мы принимаем решение перейти на пункт «Ближний», что в пятнадцати километрах пешего хода. Наши планы сорвал дождь. Сначала тихо зашуршал по опавшим листьям и пожухлой траве, по палатке, зашипел в горевшем костре. Потом уже не шуршал, а начал барабанить все настойчивее и настойчивее. Мы успели до дождя снять редуцию, и сейчас Николай перебрался в палатку, считает поправки, напевая знакомую песенку: «Ты не печалься и не прощайся». Анатолий устроился около костра, натянув на двух палках плащ-палатку. Под таким навесом дождь не страшен. Отвернулся спиной к ветру, молча, сосредоточенно смотрит в шипящий от дождя костер, попыхивает самокруткой. Я взялся за полевую тетрадь, начинаю делать записи наших будней. Можно, конечно, заснуть рядом с Бурьяном и не заставлять себя напрягать память. Но я стараюсь не изменять своему распорядку по опыту полевого сезона в 1964 году на Тянь-Шане. Николай оторвался от своих расчетов и ко мне с вопросом:

- Так ты о нас когда-нибудь напишешь?

- Не знаю. Это я так для себя, для друзей. Может быть что-то, как ты сказал, получится.

- О нас надо писать, у нас с тобой профессия необыкновенная. На заводе отработал положенное время, умылся, переоделся и домой. А вечером можно и отдохнуть культурно. А здесь в тайге однообразно живем. Утром работа и весь день работа. Не задумывался?

- Было такое. Но вот где ты в городе найдешь такую красоту как эту, что окружает нас. Меня особенно это обстоятельство не угнетает. Отработаем сезон - и в цивилизацию.

Николай опять уткнулся в расчеты, и я стараюсь записать в дневнике побольше впечатлений. Имея небольшой творческий опыт, я могу сказать об этом только одно: засасывает как в пучину это занятие. Написал одну страницу, перечитал вновь. Вроде, понравился свой труд. Если понравился, значит, надо еще лучше написать, больше событий вместить. А вдруг, чем черт не шутит, удастся когда-нибудь вспомнить своих спутников, написать о них - людях, полезных геодезии. И вот сейчас, когда я заполняю свой дневник, боюсь даже подумать о том, что когда-нибудь напишу свою книгу. Страшно подумать, как это сложно и ответственно. Говорят, что только талантливым это удастся на самом деле. Поэтому, не надеясь на свою мечту, я терпеливо заново в полевой дневник записи для себя и только для себя. Я так увлекся своими записями, что не заметил, как Николай, положив голову на свою полевую сумку, тихо посапывает, как Анатолий незаметно влез в палатку и улегся на свое место.

- Саш, давай прикорнем. Вишь, дождь разошелся. Все равно день потерян.

Закрываю свою тетрадь, укладываю ее в сумку и вытягиваюсь во весь рост. Буду дремать. Погода этому благоприятствует. Дождь все стучит и стучит по палатке. Укладываюсь рядом и я. Через некоторое время в палатке воцарилась тишина. Спят геодезисты сегодня. Наслаждаются

незапланированным отдыхом. Небесная канцелярия живет по своему распорядку. Этот распорядок нам не подвластен и не подконтролен.

На следующий день, несмотря на пасмурную, как обычно перед осенним и назойливым дождем погоду, мы сворачиваем лагерь, и весь геодезический скарб укладываем в огромные рюкзаки. Продукты закончились. Только с собой инструменты, палатка и личные вещи, перед дальней дорогой по традиции усаживаемся на доски, оставшиеся от палатки. Я осматриваюсь вокруг. Прощаюсь взглядом с сигналом, ставшим для нас уже близким до каждой ступени на нем. На месте костра большая выгоревшая черная яма, прокопченный таган и знакомые, уже пожелтевшие березки вокруг.

- Ну что, ребята, вперед? - говорит Бурьян. Мы помогаем друг другу влезть в лямки рюкзаков. Я ориентирую компас в направлении «север-юг», устанавливаю целики на магнитный азимут в шестьдесят семь градусов. И мы молча двинулись через чашу напрямик к нашей цели. Ломимся через заросли карликовых берез, кустарника и высокого багульника. Выбирать тропу не приходится. Ее не существует. Пробираемся через молодую поросль березняка, сосенок старой гари, раздирая о сучья одежду. Под ногами стоит хруст сухих веток и валежин. Впереди, в нескольких сотнях метров, завалы из упавших после ветра сушин. Ожесточенно воюем с заламами. Обходить негде. Всюду куда ни кинь взгляд, завалы, переплетенные пробивающимися к небу березками. Нас подводят старые валежины, сырые после дождя. То один, то другой из моих спутников исчезает из виду. Часто падаем плашмя под тяжестью рюкзаков. Потные, грязные от сажи, километра через четыре делаем короткий привал.

- Вот это, братцы, работенка. Черт дернул меня пойти в экспедицию. Уже почти сил нет после такой ходьбы, - унылым голосом уставшего человека говорит, ни к кому не обращаясь, а как бы беседуя сам с собой, Фураев. — У меня весь гардероб мне. Раздери его, и ничего нет другого.

- Не волнуйся. На костюм уже заработал, - вытирая рукавом потное, все в бисеринках лицо, отвечает Бурьян. - Бери пример с Сани. Как танк прет по тайге, не угнаться. Ноги - что у сохатого.

- Ничего, сравнил меня с ним. Я два шага шагнул, а он шаг.

А чего мы по тропам не идем? Наверное, где-то есть же они. Тогда легче было бы. А то ломимся напрямую, да и ведь не сворачиваем никуда. Как по струнке идем.

- Нет здесь троп. Если будем тропы искать, то вообще на место не придем. А прямо идем для быстроты. Вот скоро дойдем до ручья Артыкан, там и отдохнем. Отсюда еще три километра. Небольшой привал подкрепил нас свежими силами. Местность начала незаметно повышаться в том направлении, куда мы идем. Гарь осталась позади а вместе с ней и завалы, заламы и непроходимая чаща. Ноги поднимаются как автоматы, сами по себе, в отрыве от сознания. В этих условиях человек уподобляется роботу, для которого ходьба долгое время является привычной операцией. В это время человек может не замечать даже груз, который он несет. Расстояние до ручья мы прошли в каком-то автоматическом режиме: след в след через равное расстояние, без остановок, без любования природой. Нас влечет одна цель: быстрее достичь заданного места. А там ждет желанный отдых. Рюкзаки становятся свинцовыми.

Вот и ручей Артыкан, неширокий, петляющий по мари среди редких лиственниц и березового подлеска. Картина однообразная, на большом протяжении зейская долина похожа по рельефу и растительности. Иногда эта картина унылая и вроде какая-то одинокая и печальная. Так примерно описывает это состояние местности в зейской тайге Григорий Федосеев:

«Мы шли по мари, затянутой редколесьем. Низкорослые и горбатые деревья росли здесь клоками, местами образуя довольно широкие перелески. Какими жалкими кажутся эти деревья, вступившие в борьбу с заболоченной почвой! Вершины у них засохшие, стволы дуплённые, растут деревца, склонившись набок и с трудом удерживаясь в мягкой моховой подушке» (Григорий Федосеев «Тропюю испытаний». М. Молодая Гвардия, 1990, с. 333).

Сбросив рюкзаки, ополаскиваем разгоряченные лица холодной водой, журчащей и кристально чистой; немного попили ее. Растянулись на сухом бережку, наслаждаемся отдыхом. Свежий ветерок колышет ветки, приятно ласкает усталое тело.

-Скоро будем на месте. Поднимемся с западной стороны. Небольшой крючок сделаем, - говорит Николай и смотрит на карту. - Время сколько?

- В пути мы уже четыре часа. На знаке будем примерно через полтора часа. В 16.00 на месте. Успеет сегодня уйти на лабаз?

- Оставим груз на Ближнем и уйдем на лабаз, - ответил Бурьян.

- Чего так? И отдыхать не будем? - удивленно спрашивает, обеспокоенный еще одним переходом, Фураев.

- За продуктами надо сходить сегодня. Выиграем время. Видишь, тучки зашевелились. Надо спешить, - непреклонен Бурьян.

Я не мешаю Николаю планировать. Знаю, что он прав. Нам надо запастись продуктами и быстрее за работу. Через несколько минут, перейдя вброд ручей Артыкан, мы зашли в непролазную чащу, покрывающую западный склон пологой горы, где в центре на возвышенности должен быть сигнал. Пробираемся сквозь чащу. Ветки пружинят, со всего маху хлещут по всем частям тела. Сплошной багульник не дает разогнаться. Его переплетенные ветки спутывают ноги. Через полтора часа, наконец, показался просвет, и мы вышли на пункт. Наш прямой как стрела маршрут по непроходимой тайге закончился.

- Николай? - обращаюсь я к Бурьяну. - Давай на лабаз срежем путь. Анатолий пусть сегодня обустроится на новом месте.

На карте намечаем маршрут также по прямой, чтобы сократить путь и время. По компасу взяла азимут, И с пустыми рюкзаками направились к лабазу. По нашим расчетам к семи вечера мы должны быть на месте. Так и получилось у нас на деле. В семь часов вечера мы уже сидим на лабазе у костра и ожидаем отварных макарон и крепкого чая с сахаром. Ночь коротаем под брезентовым тентом рядом с костром. Ближе к утру заморосил мелкий дождь, который с восходом солнца стал затихать и чуть позже совсем прекратился. На кустах и деревьях утренняя холодная влага.

Набив рюкзаки продуктами, мы двинулись к пункту вверх по руслу безымянного ручья по разбухшей старой тропе. Обратный путь будет у нас немного длинней, но зато с тяжелыми рюкзаками легче идти по тропе. Ноги проваливаются между кочек или между корневищ, переплетенных по-змеиному по всей тропе. Идем размеренным шагом. Вдруг из небольшого подлеска вылетел большой черный глухарь и, вытянувшись во всю длину, быстро и сильно хлопая крыльями, скрылся в чаще. Николай не успел даже снять карабин. А жаль! Мясо было рядом. Да какое!

Вернувшись на пункт, мы сразу же начали подготовку к вечерним наблюдениям. Больше торчим на вершине сигнала. Анатолий хлопочет по обустройству нашего лагеря и приготовлению ужина. Наблюдать в этот вечер нам не удалось. С теодолитом некоторая техническая неполадка, вызванная, скорее всего, переноской инструмента на расстояние. Нужно произвести ряд проверок. В сумерках сейчас мы ничего не сделаем, а вот завтра с раннего утра мы проверим свои предположения.

Сегодня сидим у костра, разморенные наваристым супом и крепким чаем. Костер не желает гореть. Дрова влажные, сырые. Сушняка рядом нет. Проснулись рано. На часах пять тридцать утра. Анатолий уже на ногах, разжег костер, готовит для нас горячий чай.

- Саша, попробуем сегодня? Вроде, видимость есть.

Я лезу за Николаем. Уже на середине сигнала я вспомнил, что взял не ту полевую сумку. Сумка с чистыми журналами внизу. Спускаюсь вниз и вновь спешу на холодную площадку. Утренняя сонливость как рукой снята после двух спусков и подъемов вместо физической зарядки.

Оказалось, что зря спешили. Видимости нет из-за большой рефракции. Мы с Николаем удивленно смотрим друг на друга. Вероятнее всего, это какое-то аномальное явление. Нижние слои атмосферы из-за испарения от поверхности земли начинают колебаться по вертикальной плоскости, а сегодня эти колебания почему-то пришлись по горизонтальной. Нет возможности наблюдать и после семи утра по той же причине. После завтрака мы идем с Николаем на промерку расстояний до ориентирных пунктов. Расстояние до одного из них оказалось менее допустимого. Строителями допущен брак. Мы возмущены этим.

- Они что, безграмотные? Такую промашку допустить! Бракоделы! - кипит от такой ошибки строителей Бурьян. - Это же нам нужно переделывать. День уйдет на это.

Принимаем решение произвести перезакладку. Рубим в завалах и чаще новую просеку в другом направлении, примерно около трехсот метров. Она получилась ладная, широкая. Переносим центр ориентирного пункта на новое место. Работаем ожесточенно, быстро. Часто ругаем строителей за их безответственное отношение, за потерю целого дня по исправлению их

ошибки. Была бы ошибка! А здесь явно допущен брак. Пилим, рубим, убираем валежины, кустарник. Забыли про обед. Анатолий несколько раз нас окликал. Но остановить нас сегодня уже невозможно. Закончили всю работу, когда на тайгу начал опускаться осенний вечер, когда небольшие легкие тени залегли в кустарниках. К лагерю вернулись усталые и злые. Разговор за ужином не клеится. Сидим у костра, пережевываем молча, а каждый думает о своем. Бурьян сосредоточенно работает ложкой, как бы выражая, что это занятие такое же привычное как, например, крутить винты теодолита. Зачерпнет ложкой суп и медленно подносит ко рту. Так же медленно все пережевывает. Я видел его сегодня расстроенным на просеке. Думаю, что такой он был сегодня не только по этой причине. Техническое состояние инструмента его беспокоит больше, чем перезаложенный ориентирный пункт. Если завтра нам не удастся после проверок теодолита получить нужные результаты, то придется заказывать Горбачеву другой инструмент. А это опять потерянное драгоценное время. И будет, наверное, прав Фураев, что по этой причине прогорим и мы с Бурьяном.

О своих предположениях я говорю ему:

- Посмотрим завтра, - ответил он и начал скручивать «козью ножку». Если до полудня не получится, то завтра вечером выходим на лабаз передать этот теодолит Данилычу, или вертолетом до Бомнака. Сомневаюсь, что в Бомнаке окажется лишний. А так придется дожидаться из Хабаровска.

- Давай не будем гадать, а лучше сделаем проверки, - предлагаю я..

- Давайте я ваш аппарат подправлю топором. Туда-сюда его покачаю, глядишь и заработает, - шутит Фураев.

А нам совсем не до шуток. Бурьян молчит, тихо покуривая в темноте. Огонек его самокрутки изредка чуть гаснет, то вновь через равные промежутки времени разгорается. Это от затыжки.

-Николай, да не расстраивайся. Может быть, дело совсем не в теодолите. Ночь переспит в холоде, глядишь и заработает на утро, - не унимается Фураев, расплываясь в улыбке во все круглое и курносое с рябинкой, лицо.

От его улыбки, детской наивности успокоить нас, появилось хорошее настроение. Унывать в тайге - последнее дело.

- Ладно, шофер, будет по-твоему, - в тон Фураеву с улыбкой на еще хмуром лице, говорит Бурьян. - Наливай чайку и дай лепешку. Действительно, чего мы так расстроились?

Теперь мы, уже с шутками, удобнее усаживаемся около костра, наливаем горячий чай с лепешками и, поглядывая друг на друга, прихлебываем, пьем его, обжигаясь. По-другому уже шумит рядом с нами тайга; вроде опустившееся небос мрачными облаками стало выше и ограниченное светом костра видимое пространство вокруг нас чуть раздвинулось. Фураев с непринужденной манерой вставить свое слово в ненужный момент, попал сейчас в точку и тем самым разрядил гнетущую, тоскливую обстановку.

- Завтра с утра - на утреннюю видимость. А ты, Толя, на обед сообрази хорошее меню. У нас день должен быть напряженный, - планирует Николай.

Холодный ветерок уже начинает добираться до спины, под телогрейку. Надо забираться в палатку. Меня немного знобит, чуть покашливаю: наверное, простыл. Еще днем Анатолий, услышав мой простуженный кашель, предложил мне крепкого сладкого чая с листьями брусники.

- Давай, Саша, прогрейся хорошо, залезь в палатку, укутайся. Пропотеть надо, хворь пройдет, - окает он.

Ночью несколько раз просыпался от холода. Спим по-прежнему в одних чехлах от спальных мешков на подстилке из молодых березовых веток. Сильно кашляю. Насморк. Наверное, на сигнале прихватило. Да и время осеннее, немудрено и заболеть.

Проснулся под барабанивший стук дождя по палатке. Бисером рассыпается осенний холодный дождь, играет с нами. Ребята сидят около костра. Меня не стали будить, видя мое болезненное состояние. Небо хмурое. По нему ползут тяжелые серые тучи. Вот и строй планы. Они, конечно, на сегодня полностью сорваны. Наверное, природа решила с нами пошутить. А нам не до шуток.

Скоро уже, не за горами, зашуршит октябрьский снежок. А он уже вокруг нас - на Становом и Джугдыре. В хорошую ясную погоду мы хорошо и отчетливо посматриваем с сигнала на сахарные головы гольцов. Там уже снег. Он не будет таять до следующего лета. При виде его у

каждого из нас появится желание быстрее достигнуть конца работы. А это должно произойти по нашим планам в конце октября.

Завтракаем в палатке. Анатолий угощает нас сегодня гороховым супом со свиной тушенкой. Наваристый, горячий, он обжигает рот.

- Ты давай побольше горячего ешь и пей, - заботливо подливает добавочную порцию Фураев. - Болеть тебе не следует. Я тебя не заменю. Мудреная какая-то у вас работа. Долго в трубу смотрите, цифры пишете, потом вычисляете. У меня бы от этих цифр башка затрещала. Что вцепились в эту работу? Попроще надо, полегче, да ближе к хорошим условиям.

- Да, ребята, день мы опять потеряли, - говорит Бурьян.

Из палатки видна прибитая пожухлая трава, мокрая земля у тлеющего костра и небольшой кусочек натоптанной тропинки к сигналу. Сигнала нам не видно. По технике безопасности палатка отнесена от него на двойную его высоту.

Дождь льет целый день, мелкий и затяжной. Изредка ветерок забрасывает в палатку дым от костра и тогда он, едкий, набрасывается на нас, заставляет отворачиваться и глотать свежий воздух около стенки. На небе ни одного просвета. Мне кажется, что природа нас за что-то решила наказывать. Ей сделать это очень просто. Закрыв глаза, я лежу на своей холодной, не греющей спину подстилке. Представляю, как хорошо сейчас оказаться в теплой квартире в Томске, среди любимых и дорогих мне людей, где все твои желания возможны. Можно сходить в кинотеатр и даже в баню. О бане мы мечтаем. Вроде, слово «захотел» уже давно вычеркнуто из жизни, здесь у нас главное слово «надо». Вот под руководством этого слова мы находимся здесь, в этих условиях, когда все удобства отступают назад и довольно надолго. К их отсутствию мы уже привыкли.

С приходом сумерек в палатке становится темно, и мы зажигаем свечу. Ее тусклый свет освещает полулежащих на своих местах. Мы изредка переговариваемся, но больше молчим. В палатке стоит чад и к тому же накурено так, что слезятся глаза. Я выбираюсь наружу под мелкий занудливый дождь, чтобы глотнуть свежего воздуха. Всюду вокруг чернота. И тишина. Ветра почти нет. Вроде чуть-чуть потеплело. Наливаю из стоящего на углях почти потухшего костра чайника горячего чая и с наслаждением его пью. Пью не только для того, чтобы напиться, утолить жажду. Пью, чтобы согреться от уже наступившей осенней прохлады. Возвращаюсь в палатку. Бурьян с Фураевым копят самокрутками. Тускло горит свеча. Сквозь отогнутый край палатки видны затухающие угли костра. Дождь по-прежнему стучит о наше брезентовое жильё. Время чуть перевалило за восемь часов, а на дворе темень. Короткие осенние дни нам не помощники, хотя их световой день еще позволяет выполнять комплекс геодезических наблюдений. В палатке устанавливается тишина. Свечу погасили, и ее парафиновый чад еще долго щекочет нос, блуждает по палатке, не дает заснуть. Успокоительно действует на психику тихое шуршание о палатку дождя. Уставшие морально от томительного безделья в течение целого дня, мы каждый в отдельности отдаемся крепкому сну в надежде, что завтра будут какие-то изменения в нашем замкнутом жизненном пространстве. По всей вероятности, на наше самочувствие давит или насаждает чувство одиночества и оторванности от людей и общества. Изоляция от людей - вещь опасная. Она отрицательно действует на поведение таких людей и с такой профессией как у нас. И если в таком маленьком коллективе как наш возникают конфликты по причине несовместимости характеров, то это явление оборачивается во вред работе. Но к счастью, нашему маленькому коллективу это не грозит. У нас полное взаимопонимание. А это на пользу общему делу.

- Саня, подъем! Кажется, есть видимость. Я пошел вверх.

Мне так не хочется вставать с нагретого за ночь теплого места. Некоторое время я лежу, продлеваю утреннюю лень. Но дело зовет. Надо подниматься. Дождь перестал, как показалось мне, только под утро. С веток капая редкие капли. На кустарниках и на земле сыро. Сквозь разорванную пелену свинцовых туч еле проглядывает солнце.

Наматываю отсыревшие портянки и с трудом всовываю в мокрые сапоги, которые пролежали всю ночь под дождем возле палатки; надеваю телогрейку, хватаю сумку с журналами и спешу к Николаю. Наверху еще холодней. Видимость есть. Николай в перчатках крутит винты теодолита.

- Надо хоть немного поработать, - говорит Бурьян, наводя трубу на начальное направление. - Смотрите, опять со Станового какая-то ползет хмарь. Успеть бы по всей программе.

Николай дает первые отсчеты, я записываю. Руки мерзнут от холодного сырого воздуха с небольшим ветерком. По очереди грею их в меховых рукавицах. Тут я вспомнил о вчерашней нашей неудаче по технической неисправности теодолита. Неужели Бурьян забыл? Но нет, он стоит у столика, широко расставив ноги, спокойно работает. Я молчу, боюсь ему напоминать. Спустя некоторое время после очередного приема он тихо мне говорит:

- Все нормально. А может, вчера нам с тобой показалось, что после переноски появились погрешности. Видишь, инструмент работает ритмично. Все приемы ложатся в допуски. Не сглазить бы. Давай поменяемся.

Я становлюсь за инструмент.

Как мы ни спешили работать, но программу не завершили. Работать не дал мелкий дождь. Да и горизонт постепенно исчезал в серой мгlistой дождевой пелене.

- Ну как, ребята, аппарат работает? - спрашивает Фураев, наливая нам в миски рисо-гороховый суп на завтрак.

- Твоего топора испугался, - шутит Бурьян. Он сегодня в хорошем приподнятом настроении.

Хорошее настроение есть от чего - сегодня нам удалось сделать неплохой задел в работе.

- Фураев, ты когда рисо-гороховый суп прекратишь варить? - спрашивает Николай.

- Завтра будет по заявке Саши горохово-рисовый и без сухарей. А чай простой, без сладостей. Надо бежать за продуктами.

Повсюду куда ни глянешь, ощущается осенняя краса. Через широкую просеку на ориентирный пункт, прорубленную недавно, хорошо просматривается тайга в северном направлении. Всюду взгляд упирается в далекие участки тайги, уже окрашенные в краски осени. Словно после жатвы зерновых на колхозных полях распласталась желто-красная тайга. Желтыми лоскутами среди еще стоящей зелени возвышаются упирающиеся макушками в небо отроги Станового. Вокруг сигнала рассыпались молодые березки, подкрашенные как девушки желтокрасными трепещущими листьями. При каждом дуновении ветра они тихо порхают в воздухе и опускаются на землю. Под ногами уже много опавшей листвы. Склоны нашей горы покрыты большими багровыми плешинами бордовой брусники. Она уже поспела.

Каждый из нас уже утолил жажду сладкой ягодой, которая при ходьбе брызжет из-под сапог своим полезным соком. Заготавливать впрок нам некогда. Да и куда она нам сейчас? А вот чай мы завариваем листьями и толченой ягодой. Получается горячий, кисло-сладкий, вяжущий на вкус напиток. Она уже висит гроздьями на низких ножках, чуть примороженная первыми заморозками.

Птиц вокруг нас почти нет. Иногда услышим дробь чернобелого дятла, которому нет дела до нас. Усядется на высокую сушину и энергично начинает долбить дерево своим длинным клювом, не обращая внимания на то, что делается рядом, внизу и вокруг.

В окрестностях нашего лагеря мы вообще не видим таежного зверя. И это вполне естественно.

Находясь в ограниченном таежном пространстве, из которого целыми сутками не выходишь, мы также ограничены встречами с большим зверем: сохатым, медведем, оленем. И также вполне естественно, что умный зверь никогда не выйдет, как мы считаем, на наш обжитой полевой лагерь. Большой зверь обойдет это место за десятки верст, учуяв опасность от человеческого присутствия. А вот такое живое таежное существо как бурундук - он обязательно, будучи любопытным от природы, подойдет к жилищу, проверит свои границы. За несколько дней пребывания на этом таежном клочке зейской тайги мы привыкли встречать как старого знакомого полосатенького, красивого, энергичного зверька. Он настолько привык к нам, осмелившимся занять его земные площади, что кусочки сухарей он уже принимает из наших ладоней. Он, робко вздрагивая всем телом и подергивая пушистым хвостом, подходит к ладошке, на которой лежит лакомство, осторожно берет его зубами и мгновенно скрывается в кустах. Затем оттуда, раздувая щеки, чуть подрагивая, смотрит за нашими действиями. Если мы сидим спокойно, то он начинает вновь подбираться к ладошке кого-нибудь из нас, выставленной напоказ ему, на которой лежит сухарь. Операция с сухарем повторяется.

Бурундук знает свои границы, и он будет присутствовать до конца нашей работы. И мы видели его, когда покидали этот уголок в тайге. Обычно они провожают людей своим свистом или обязательным появлением на виду при наших сборах в дорогу. Он радуется, что люди оставляют его на своей территории. Больше ему здесь никто мешать не будет. Он станет хозяином нашего лагеря, где он позже будет искать что-нибудь, съестное, или долго будет

сидеть на месте нашей палатки, ощущая чужой дух, а может быть ожидая, что с этого места ему еще подадут чего-нибудь вкусенького.

Сегодня у нас на пункте завершена основная работа. Незаметно подкрались сумерки. До наступления темноты мы успели снять редукцию и измерить высоту знака аналитическим способом и промером рулеткой.

- Все! - выпаливает Бурьян и удобнее устраивается на бревне у костра. Толя, давай твой фирменный рисо-гороховый и чайку покрепче. Вроде управились.

Мы молча ужинаем. Сваленная толстая сухая лиственница, специально уложенная в костер, ярко горит, дает много тепла, освещает вокруг примерно в радиусе метров семи. Вокруг тьма. На небе ни одного светлого пятнышка или звездочки. Небо затянуто сплошными тучами. Вот сегодня кажется мне, что облака идут так низко, что могут зацепить наши головы. На самом деле они плывут в кромешной тьме высоко. Прошел еще один день, почти похожий на предыдущие. Он приблизил нас к наступающей с севера зиме. А это неизбежно.

Рано утром Бурьян связывается по радиации с Горбачевым. Договорились, что через день на наш лабаз приплывет Николай Данилович, перевезет нас повыше по Зее. Чуть позже вертолетом нас забросят на очередной пункт триангуляции. После завтрака собираем весь лагерь в три увесистых рюкзака. Анатолий несколько раз упражняется со своим рюкзаком, не знает, как к нему подцепить двуручную пилу. Я забираю у него пилу, обматываю плащ-палаткой и привязываю к рюкзаку поверх двухместной палатки. Николай как всегда упаковал теодолит ОТ-02. У меня в рюкзаке теодолит малый и штатив к нему через плечо. Топографический зонд прицепил Бурьян к своему рюкзаку. Присаживаемся по традиции перед дальней дорогой на уложенные около потухшего костра бревна, служившие нам скамейками, молча сидим около минуты. Вскидываем на плечи рюкзаки. Я оглядываюсь на сигнал. Все завершилось сегодня, и я уже вряд ли когда буду здесь. Такова судьба всех геодезистов. Мы уходим от него с чувством выполненного долга перед теми, кто совсем скоро использует наши данные при обработке в камералках экспедиции. Те, кому придется обрабатывать наши полевые материалы, хорошо знают их цену и цену нашего труда.

Тропа к лабазу нам знакома. Мы ее сами проторили. Наши прошлые следы кое-где можно заметить, но в основном мы идем по новому маршруту, который кое-где пересекается с еле заметными приметам прошлого похода за продуктами. Впереди вышагивает Николай, за ним Фураев, а я замыкаю. Такая расстановка уравнивает скорость перехода. Николай знает, что меня нельзя ставить первым, я вырвусь вперед. Вторым тоже нельзя, буду наступать на пятки первому. Анатолий без особого опыта может отстать, если будет в нашей цепочке последним. Николай задает среднюю скорость, которая соблюдается на всем протяжении нашего перехода. Зная, что впереди нас ожидает отдых больше суток, мы сегодня идем сосредоточенно, шаг в шаг. Вскоре мы увидели с небольшой возвышенности долину Зеи. Река прячется в складках рельефа. Это прибавило нам силы, и через некоторое время мы вышли на наш лабаз, который за время работы на двух пунктах служил для нас жизненным ориентиром. Здесь были и остаются еще продуктовые запасы. Он будет служить нам еще некоторое время. Сбросив рюкзаки, мы быстро установили палатку, разожгли хороший костер, поставили варить суп.

- Эх, рыбки сейчас бы свеженькой, - мечтательно протянул Фураев.

- Подожди, вот устроимся, вечером забросим удочку. Ты подготовь удилище.

- Будет сделано, - по-солдатски отвечает он Николаю.

Анатолий занялся хозяйственными делами по подготовке ужина, а мы с Николаем пошли проверить и подсчитать провиант на нашем лабазе. Все оказалось в хорошем состоянии, в сухом виде. Хорошо ошкуренные лиственницы от корневищ до жердяного настила спасли продукты, особенно крупы, от проворных мышей. Под хорошо обвязанный брезент не просочилась дождевая влага.

- На полмесяца хватит, а дальше будем подпитываться с продточки.

Здесь же рассортировали продукты на две части. Их должно хватить еще на два пункта.

- Какое сегодня число? Вот видишь, уже тринадцатое. Не успеем глазом моргнуть, как уже подкатится октябрь. Октябрь всегда уже становится снежным в этих краях. Дал бы он нам надежду до конца октября поработать.

- Если не будет на днях вертолета, то может быть двинем пешими до пункта, - предлагаю я Николаю.

- Далеко до пункта пешком. Он стоит южнее от Ближнего, на болотистом месте. Много потеряем времени и сил. Вокруг знака одни мари. Вот посмотри.

Я внимательно рассматриваю карту - напрямую к нему не подойти. По пути встречаются озера, которые обязательно придется обходить. За день до пункта не дойти. Измотаемся основательно. Да и рюкзаки будут приличные. В тайге уже без теплого ватного спальника не обойтись, как прежде на двух пунктах мы спали в брезентовых чехлах. Поэтому их надо обязательно брать. При этом вес рюкзаков при полном комплекте продуктов, инструментов, снаряжения будет составлять около сорока килограммов. С таким весом пройти по марям десятки верст будет тяжело. Безусловно, если вертолетов не окажется в эти дни, придется идти пешком.

Уже за ужином мы обсудили эту тему и пришли к решению: ждать вертолет сутки, и если его по каким-то причинам не будет, то выполняем пеший переход. Завтра должен прибыть к нам Николай Данилович, чтобы перебросить нас со всем снаряжением на песчаную косу, куда может приземлиться вертолет.

На следующий день ближе к полудню слышали характерное тарахтение лодочного мотора, потом появилась сама лодка, на корме которой сидел неподвижно в своей неизменной черной шляпе Николай Данилович. В лодке, повизгивая от нетерпения выбраться на сушу, суетились две знакомые лайки. Не успела лодка коснуться носом берега, они тут же с лаем выскочили из нее и бросились к нам. Только нельзя было понять по их поведению, обрадовались ли они нашей встрече, или решили полаять на уже ставших после почти полумесячного расставания незнакомыми людьми. Берег наполнился шумом от встречи. Николай Данилович шикнул на собак. Поджав хвосты они, недовольные, направились к лодке.

Поздоровавшись с нами, Николай Данилович присел на валежину у костра, закурил и с прищуром своих пронизательных глаз стал расспрашивать нас о житейских делах, о работе. Мы интересуемся у него новостями в Бомнаке и на метеостанции Локшак. Фураев наливает ему крепкого чая, угощает наваристой гороховой похлебкой и горячими лепешками.

- Как охота на зверя? - интересуюсь я у него, а потом мы рассказываем ему о нашей неудачной попытке привлечь внимание сохатых с помощью манка.

- Дай-ка мне бутылку, - просит он у Анатолия. - Вот слушай, как нужно подзывать.

Он делает удобное положение ног, как бы изгибаясь к стрельбе из ружья, потом подносит горло бутылки к губам и издает мягкий, одновременно сильный, протяжный звук с придыханием. Повторив через некоторое время, он стоит, прислушивается и улыбаясь смотрит на нас.

- Какой звук получился?

- У нас почему-то не похожий на этот, - говорит Фураев. - Ну-ка, я еще попробую.

Фураев встал в смешную позу, зажмурил глаза и рывкнул в бутылку. Мы расхохотались. А Николай Данилович подвел итог:

- Конечно, не пойдет сохатый на такой звук. Он не дурак. Через десятки километров узнает, что не тот кому надо его подзывает. Давайте, ребята, будем трудиться. Мне еще сегодня надо уйти в Локшак.

Мы перетаскиваем к лодке наш груз, а Николай Данилович укладывает его. Уложив все в лодку, мы с Николаем стоим на месте нашего лагеря, к которому мы спешили с двух пунктов за провиантом. Это место отмечено у нас на карте и остается в памяти. Николай Данилович свистнул собак, которые обшаривали местность вокруг, пока мы готовили лодку к отплытию.

Он привязал их рядом с собой. Я отталкиваю лодку от берега и сам прыгаю на нос, потом перебираюсь к ребятам, сидящим в середине на укрепленных скамейках. Заработал мотор с прихлебыванием от вращающегося винта, и Николай Данилович направил ее навстречу тяжелым и холодным водам Зеи. За последнее время Зея резко юбмелела. Резко обнажились песчаные косы, некогда прикопленные полностью; обнажились камни на перекатах.

- С берега хорошо видна осенняя краса береговых линий. Красные, желтые, зеленые, фиолетовые краски разукрасили прибрежную тайгу; мягкими красивыми волнами покачиваются заросли из черемуховых и тальниковых кустарников. Острый нос лодки разрезает водную гладь, белые волны треугольником остаются за кормой. Через полчаса мы причаливаем на широкую и длинную песчаную косу с разбросанными кое-где в беспорядке крупными камнями. Место красивое, раздольное. Берег покрыт высокими лиственницами и зелеными темными пихтами и елями.

Николай Данилович помогает нам освободить от груза лодку и дает разъяснение, почему именно в это место он нас привез:

- Это удобное место для захода вертолета по долине реки с любой стороны. Мне посоветовал Горбачев вас сюда доставить. Вероятнее всего, что завтра вас забросят на пункт.

Лодка загружена полностью. Николай Данилович прощается с нами, я помогаю оттолкнуть лодку. Взревел мотор, и лодка легко, чуть задрвав нос над водой, через некоторое время скрылась за кривуном вверх по течению к метеостанции Локшак.

Оглядевшись вокруг повнимательнее, мы приняли решение разбить лагерь на берегу около густой опушки пихт и елей, метрах в тридцати от воды. Установили палатку в полном объеме с брезентовым полом. До сегодняшнего дня он выполнял одну важную роль: им был укрыт весь продуктовый запас на покинутом лабазе. Холодные ночи уже сейчас заставляют нас хорошо, по всем правилам, обустроить наше брезентовое жилье. Наступившие сумерки незаметно начали укрывать все вокруг. Заходящее солнце еще освещало речную гладь; серебристыми блестками переливалась вода в движении. Красивое и величавое зрелище. На противоположном берегу оно заиграло на скальных выступах обрывистого берега, зазолотило увядавшие листья на березках и кустах черемуховой заросли. Но оно уже не проникало на землю через мощные и разлапистые ели и пихты. Здесь уже наступила мгла и осенний холод.

Ярко горящий, потрескивающий накопившимися внутри сухих валежин смолами от высокой температуры, костер освещал наш лагерь и рядом стоящие деревья. Новые места всегда привлекали внимание своей неизвестностью. Новизна впечатлений является составной в повседневных и размеренных житейских буднях полевиков. Вот и сейчас перемена места лагеря благоприятно действует на нас. На новом месте все по-новому воспринимается. У нас и сон сегодня был глубокий.

Глава 10. В затерянном уголке тайги.

Пятнадцатое сентября выдалось на редкость хорошим, солнечным днем с самого утра. Всклотившее солнце осветило лучами холодную Зею, берега, поросшие пихтачом, ельником, кус-тарниками черемухи. Утренняя прохлада с инеем на траве, и всюду вокруг нас белое — на земле, ветках и кустах.

- Ребята, подъем! Завтрак проспите, - громко говорю я, а сам укутываюсь поглубже в телогрейку. После теплого спального мешка да на мороз!

Быстро запылал костер, к которому мы мгновенно прилипли. Я не даю себе расслабиться теплом и бегу к реке умываться. Кое-где уже у берегов тонкий ледок, который прежде чем подступиться к воде, нужно прогнуть ногами, а потом уже добраться до воды. Обжигающей водой я умываюсь, хлопаю по оголенному до пояса телу мокрыми ладонями. Потом долго растираюсь полотенцем, а заодно любуюсь открывшимся утренним видом, уголком дикого таежного края. Золотится в лучах солнца зейская водица, перемальвает она каменистые, скальные берега в береговую гальку, шлифует ее без наждака до полированной, круглой, треугольной, бесформенной. Пройдет немного времени, изменится конфигурация лежащего передо мной берега, обмоет река лежащие на берегу мощные валуны, отщипнет от них каменные кусочки и начнет долгие годы их полировать. Так река, год за годом работает, видоизменяя берег, а вместе с ним ближайший ландшафт.

- Саша! - кричит Бурьян. - Пстой там. Я сейчас подойду.

Ко мне направляется Николай, за ним Анатолий с пустым чайником.

- Вот где курорт! - восклицает Фураев. Может, Коля, отдохнем недельку?

- Ты чего разошелся? Неделку? А кто на твой гардероб будет работать? - в тон ему, прищурившись, говорит Бурьян.

- Тогда подавай вертолет. До сих пор ноги болят от последней ходьбы. Мучают людей в вашей экспедиции. И кто только придумал такую работу? Ходим по земле, месим ее, а для чего? Карту с самолета можно нарисовать. Ходили же раньше здесь казаки российские? Без карты, на глазок и по погоде.

Фураев замолчал, снял засаленную энцефалитку, оголил белое тело до пояса и подошел к воде, руша сапогами тонкий береговой лед. Потом наклонился к воде, зачерпнул в ладони К воды и бросил ее на лицо, потом на грудь.

- У-уу! - выдохнул он. - Ну водица! Аж жарко стало. Ну-ка еще разок.

Он несколько раз наклонялся к воде и после холодного душа чуть ли не подпрыгивал от удовольствия.

Освежившись зейской водой, мы, бодрые, с хорошим настроением, принялись за завтрак. Но перед этим Николай, забросив антенну на ближайшую елку, связался с Локшаком. Мы слышим ответ Горбачева: «Будет борт. Ждите к концу дня. Укажите свое местоположение. Разожгите костер». Получив такое обнадеживающее сообщение, мы с Николаем уже планируем работу на пункте и даже говорим о вечерней видимости. Быстро соорудили на песчаной косе невысокий шалаш-костер из сырых пихтовых веток, подготовили сушняк для запала. К двум часам дня у нас было все готово, даже собрали все рюкзаки. Палатку свернуть - для нас минутное дело. Ее мы пока не снимаем. После обеда Анатолий растянулся на скамейке рядом с костром и сладко захрапел. Приятно насладиться минутами заслуженного отдыха в таком райском уголке, как место нашего привала.

Солнце перевалило далеко за полдень. В небе нет ничего такого, что подсказало бы нам появление вертолета. Обычно он подлетает к месту приземления по руслу реки, где высокие и мощные берега, рокот воды глушит шум его винтов. Тогда над горизонтом видишь лишь черную точку, которая с приближением обретает видимые черты летательного аппарата. И только часов в пять мы слышали приближающийся гул МИ-4. Моментально вырос столб дыма на берегу. Вертолет летел с севера, вниз по течению реки. Вскоре вынырнул из-за верхушек деревьев и пошел на посадку. Мягко приземлившись, уселся почти у самой воды. Вещи быстро покидали в салон. Поднимаемся внутрь, и нас встречает Борис Горбачев. Он вынул пачку сложенных вдвое писем и сунул мне в карман. Разговаривать невозможно из-за шума винтов. Захлопнули плотно дверь, и вертолет начал медленно отрываться от земли. Вижу в окно, как поднялась рябь и волны на реке от вращающихся лопастей.

Вертолет, взяв курс на юг, быстро преодолевает десятки километров. До пункта мы должны были долететь примерно минут за пятнадцать. Но проходит время, пилот не может увидеть среди блестящих пятен разбросанных внизу маленьких озер сигнал, который запрятался среди зеленых массивов тайги. Этому мешает ослепительное солнце.

Борис крутит карту в руках, внимательнее всматривается в рельеф и характерные ориентиры проплывающей под нами местности. Пилот разворачивает вертолет в обратном направлении до исходного положения от нашего лагеря на косе. И вновь

те же пятнадцать минут полета, затем несколько кругов и разворотов в примерном месте расположения пункта триангуляции. Но тщетно. Пилот не может найти сигнал и, посоветовавшись с Горбачевым, разворачивает машину назад к нашему сегодняшнему лагерю, на старое место. Высаживая нас на знакомую песчаную косу, Борис прокричал мне на ухо:

- Связь завтра утром с Бомнаком. Определите точный магнитный азимут, учитывая западное склонение тринадцать градусов. Придет МИ-1. Понял?

- Понял, - громко кричу я.

Вертолет, подняв песок и взбаламутив воду около берега, рйел в Бомнак. А мы еще долго сидим на песке рядом со всем нашим скарбом. Неудачно вышло. Что поделаешь? Может, завтра повезет.

Вновь устанавливаем палатку на старом месте, пилим дрова на костер. Анатолий молча готовит ужин, тихо попыхивает громадной козьей ножкой, похожей больше на длинную трубку.

- Толя! Ставь кастрюлю. Уха сегодня будет, - говорит Бурьян, и мы вместе с ним направляемся к перекату.

У нас есть закидушка с блесной. Время сегодня не регламентируем. Оно у нас есть. Целый вечер.

Николай заходит в сапогах в реку. Оттуда кричит мне:

- Становись ближе ко мне. Рыбу будешь принимать. Успевай принимать.

После нескольких бросков на крючке затрепетал первый сиг среднего размера. Николай пляшет в воде, топает ногами от первой удачи.

- Принимай рыбу! Я же тебе говорил!

-Тише ты радуйся. Рыба не дура. Из воды увидит тебя, чтобы увильнуть от гибели.

- Посмотрим, как она меня поймет.

И действительно, после первой удачи не идет больше за блесной рыба. Николай уже не прыгает, а сосредоточенно раз за разом бросает закидушку. Потом поменял место. И здесь не везет. Уже почти с досадой Николай бросает блесну, и второй сиг у меня в руках. Третий пришелся тут же, а потом рыбалка завершилась. Солнце садится за ближний горизонт, на нашу косу опускаются сумерки. Мы довольны этой рыбалкой. Фураев тоже доволен, сидит у костра, точит нож. Взяв у нас сигов, он ушел к реке почистить и промыть холодной водой. Через полчаса он разливает горячую уху.

- А перчик есть? - спрашивает Николай.

- У меня все есть, - весело отвечает Фураев.

- Ладно, ребята, к ухе у меня есть НЗ.

Он лезет в рюкзак и достает непечатую бутылку спирта. Хранили ее на все случаи в нашей работе. Раскупоривает и наливает понемногу нам в кружки. Аккуратно упаковывает и прячет назад в рюкзак.

- Давайте, ребята, поднимем бокалы за наши удачи, которые были и которые еще будут.

После ужина мы долго сидим у костра, до которого доносится глухой ночной шум реки на перекатах. На небе засверкали редкие звезды. От реки потянуло приятным холодком. Сухие еловые дрова трещат в костре, искры далеко разлетаются и гаснут в темноте. Спать не хочется. Я поднимаюсь и иду к реке, усаживаюсь на холодные камни рядом с водой. Хочется сегодня помолчать наедине с природой. Иногда возникает у меня какая-то неодолимая тяга к одиночеству, к успокоению рядом с водами реки Зеи, повидавшей за все века много путешественников, старателей и охотников. Необычность и таинственность таких встреч с природой здесь, в этих местах, придает память о таких людях, как проводник Улукиткан. В этом затерянном уголке зейской тайги он оставил память о себе в виде бывшей стоянки или срубленных жердей, примитивного таежного укрытия от непогоды. Где-то здесь его следы, которые не видны обычным людям. Но их видят только те, которые поняли их сущность, его душу как человека, слившегося с природой воедино. Не каждому из нас суждено быть неотделимым от природы. Жить с ней. Есть люди, не признающие факта единства человека и окружающей его природы. Такие люди живут оторванными от нее, вне ее. Улукиткан мог разговаривать с природой как с человеком, и все явления в ней относил к живому. Он понимал природу так, как понимаем мы друг друга в общении. И вот сейчас, в этот миг он, наверное, уловил бы шум зейской воды, у которой я сижу в темноте, и точно сказал бы какая погода будет завтра. Я не знаю языка природы, поэтому не могу предсказать будущие явления в природе. Ее тайны были доступны Улукиткану, который не мог понять тех людей, для которых природа была неразгаданной книгой. А он читал ее ежедневно и ежечасно.

Григорий Федосеев порой поражался, насколько верны оказывались прогнозы Улукиткана по предсказаниям погоды.

На небе нет ни облачка, не видно, что природа ждет дождя, а Улукиткан говорил, что нужно переждать на месте, не двигаться вперед, потому что будет дождь или пурга. Вот так однажды Улукиткан вообще удивил Федосеева.

«Еще до рассвета он разбудил меня:

- Вставай, однако дождь будет.

Я поднялся, поправил костер и стал осматриваться. Тучи завалили восток, но над нами широкой марью раскинулось звездное небо. Настороженно и чутко спали лесные дебри.

- Откуда узнал, что дождь будет?

- Ты вчера сказал, что я ложусь по направлению ключа головой к устью. Где он шумит сейчас? Послушай.

- Вверху. Ну и что же?

- Эко не знаешь! Ночью в хорошую погоду река или ключ шумит внизу, а сейчас говоришь - шумит вверху; значит, жди дождя или худой погоды. Понял?

- Понял. Только на небе, Улукиткан, ничего подозрительного нет, лишь восток затянет тучами.

- Небо еще не знает, что дождь будет. Слышишь, ветер дурит, туда-сюда ходит. Я много раз тебе говорил, это точно к непогоде.

Погода изменилась. За серебристыми кронами лиственниц, за темно-лиловыми тучами вспыхивали зарницы - вестники непогоды.

.. Сырой, холодный ветер заметался по чаще. Пошел дождь. На сухую почву, на лес лениво посыпались мелкие капли влаги» (Григорий Федосеев «Тропою испытаний». М. Молодая гвардия, 1990, стр. 364, 366).

Утром следующего дня меня разбудило громкое карканье воронья. Услышав шевеление в палатке и наши голоса, они тут же с криком снялись с высоких елей.

- Чего это они так расхрабрились? - заметил Анатолий. - Может, кто-то поблизости бродит?

Мы по очереди выползли из палатки. С ближней пихты бесшумно снялись две тетерки и скрылись в темной чаще леса. Взяв карабин, я ринулся за ними, надеясь на охотничью удачу. Немного побродив по зарослям, я неожиданно увидел около замшелой валежины распластанного на земле тетерева. Я замер. Тетерев не шевелится перед опасностью. Сделал шаг, потом еще несколько. «Странно, - подумал я, - и чего она не слетает?» Убедившись в том, что она вообще не двигается, я подошел. Передо мной действительно лежит тетерев, но уже мертвый. Я поднял еще теплое, в крови, тельце тетерева и принес к палатке, где у костра уже сутился Анатолий, готовя завтрак.

- Ты когда успел? Что-то выстрела не слышал, - недоуменно глядя на меня, спрашивает Анатолий.

- Да я прикладом, - шутливо говорю я.

- Вот почему воронье слетелось. Возможно, тетерка одна из двух, что слетели с дерева сейчас, - размышляет Николай. -

Эта упала мертвой, а вторая улетела. Где-то, возможно, охотник ее зацепил.

- Что будем делать, ее же кто-то застрелил? Сейчас я мигом ощипаю и в суп. Только вот некого благодарить за дичь, - предложил свой вариант Анатолий.

Николай по радиации связывается с Бомнаком, где в это время находится Горбачев. После короткой связи Николай говорит нам:

- Будет скоро борт. Ждем. Уже наверняка сегодня будем на пункте.

Часа через три прилетел МИ-1, который одним рейсом забросил нас с первого захода на очередной пункт триангуляции. Пожелав нам удачи и перекурив с нами, пилот поднял легкий вертолет вверх и ушел на Локшак.

Место расположения двадцати пяти метрового сигнала неуютное, среди топких марей и небольших, словно блюдца, озер, берега которых поросли уже пожелтевшим низким камышом. По марям разбросаны одинокие и чахлые лиственницы. Чуть севернее хорошо просматриваются снежные макушки Джугдыра. Наше новое место удачно в одном: нам не надо теперь будет родить кислородной подушкой далеко вниз за водой. Здесь она рядом, а это уже выигрыш по времени. Новый день начался для нас рано. Все вокруг в инее. Озерко и лужи около него покрылись тонкой кожей льда. Сбивая коленками белый пушистый иней с кустарников, мы с Николаем спешим к сигналу. Ступени лестниц скользкие от утренней изморози, холодные. А наверху сигнала морозное утро сказывается еще больше. Здесь гуляет ветерок.

Усаживаюсь на холодный пол площадки, прилаживаю на коленях журнал для записи наблюдений. Солнце уже вышло из-за снежных шапок Джугдыра, затопило светом тайгу, делая ее разноцветной в осеннем уборе, припорошенную на всем пространстве серебристым инеем. Блестит на солнце наше озерко рядом с палаткой, около которой закурился дымок. Анатолий уже поставил на костер чайник, чтобы через некоторое время предложить нам горячий чай. Торопливо записываю отсчеты. Цифры получаются корявые. Пальцы плохо гнутся от холода. Из всех сил дую на них, пытаюсь их разогреть. Времени на это, дополнительное и возникшее только сейчас, занятие у меня нет. Надо успевать записывать. Заканчивается видимость, и мы принимаем решение до завтрака пройти на ориентирные пункты, прикинуть расстояние до них, чтобы не повторить случившегося на предыдущем пункте, когда строители допустили брак, заложив один на недопустимом расстоянии от центра нашего пункта.

Тропу мы не выбираем. Ее нет, но нам предстоит преодолеть топкую марь на нашем пути.

Николай идет впереди, вот он ступил на зеленеющий ковер болотной растительности. Ноги провалились выше сапог. Еще шаг. Кошнется под человеческой тяжестью зыбун, но упругий, сросшийся верхний его слой не дает утонуть и провалиться вниз. Чуть отстав на несколько шагов от Николая, иду я. В его следы я не ступаю, а делаю осторожные прощупывающие шаги рядом, в стороне. Кошнется под нами зыбун, крепко удерживает его моховой ковер наши тела,

как бы помогая нам сегодня благополучно достичь цели. Мокрые по пояс, мы вскоре вступили на твердую почву. Вылили из сапог холодную воду и продолжили путь. Наши опасения относительно еще одного брака при закладке строителями ориентирных пунктов, к счастью, не сбылись. Строители отработали честно. Все расстояния в допустимых нормах. Наши дела в первый день на этом пункте складываются неплохо. Дни стоят прекрасные. Днем становится от осеннего солнца тепло, даже иногда оно горячо припекает. Но такая погода, наверное, продержится недолго. После измерения полуденных зенитных расстояний мы с Бурьяном прилегли на теплую землю около палатки. Фурасв занялся ловлей рыбы. Оказывается, в нашем озерке есть гальяны и даже караси. Клев идет без наживки, на один крючок. Анатолий забавляется при этом, глядя в прозрачную воду на карася, который гоняется за пустым крючком. Он подзывает нас. И мы с интересом наблюдаем за его игрой с рыбой. Его терпению можно позавидовать. К вечеру он все же сумел наловить мелкой рыбешки на жареху.

Сегодня видимость на редкость хорошая. Николай крутит винты теодолита уверенно и при этом успевает насвистывать какой-то веселый мотив одному ему известной песенки. А может, ее и вовсе нет, импровизация в это время тоже подходит удачно к хорошему настроению. Я как обычно успеваю делать записи в журнале и осматриваю внимательно открывшийся с высоты сигнала таежный простор. На десятки километров расстилается марь с блестящими зеркалами озер, редколесье, а кое-где островки чернеющих сушин низкорослых лиственниц. Нет в природе ничего повторяющегося, поэтому взгляду она открывает все новые и новые страницы. Ну, казалось бы на первый взгляд, чем впечатляет такая унылая и пустая тайга? «Ну что красивого здесь? - воскликнет горожанин, увидевший это однообразие, - одни болота, вода, кочки; да и деревья-то непохожи на настоящие». Я с ним согласен, что это на первый взгляд так и есть. Но не согласен в другом: природа, независимо от первого взгляда, всегда дарит свою неповторимость, свои краски и даже какое-то новое очарование. Природа не может быть некрасивой, она всегда притягательна и всегда предстает перед нами в новом для нас одушевленном качестве.

- Ребята! - кричит у палатки Анатолий. - Ужин готов!

- Сей минут! - отвечает Николай сверху. Он продолжает, не отрываясь от трубы, подкидывать мне отчеты, успевая в вечернюю видимость измерить побольше углов. Вскоре горизонт темнеет, солнце опускается все ниже, давая нам знать, что рабочий день уже близится к завершению.

- Вроде неплохо мы сегодня успели схватить, - говорит довольный Бурьян, и мы дружно спускаемся к палатке.

А около нее разносится аромат от поджаренной на сковородке мелкой рыбешки. Анатолий, довольный, поторапливает нас к столу, хлопочет над кастрюлей. Его неизменная, неторопливая и спокойная на вид фигура в обычные дни, сегодня преобразилась. В его движениях стало много суеты. Это оттого, что он почувствовал, как мы догадываемся, себя в новом занятии-рыбной ловле. Рыбацкое счастье ему улыбнулось.

Глава 11. На горе Унмакан.

Через два дня погода резко ухудшилась. Осеннее время дает о себе знать. Оно напоминает нам, что приближаются изменения в природе. Вчера мы завершили наблюдения на пункте и ожидаемся вертолета. На календаре уже двадцатое сентября. Пошедший вчера вечером дождь к полудню прекратился, туман рассеялся. С приходом потепления и уюта в природе появилось и у нас настроение. Сидим в томительном ожидании вторую половину дня, прислушиваемся: не протарахтит ли где-нибудь вдали вертолет. Но нет, не слышно. Вместо него вокруг тихо шумит тайга, да поскрипывает от ветра сигнал. Мы разместились около собранных рюкзаков. Палатка пустая. Потянулись в ожидании долгие минуты и часы. Вот уже вновь огонь пожирает сухую валежину, уложенную заботливым Анатолием. Она смолистая и стреляет неожиданно большими, разлетающимися искрами. Передо мной закатывается красное солнце, прячась за желтые макушки деревьев. Сейчас становится ясно, что вертолета сегодня не будет. Мы молча разбираем рюкзаки, спальные мешки, возвращаем все вещи на прежние места в палатку и принимаемся за подготовку ужина.

- Опять день потеряли, озабоченно говорит Бурьян. - Сейчас бы вечернюю программу начали.
- Надо утром связаться с Горбачевым. Может, какие-то другие причины по вертолету.
- А какие могут быть другие? Возможно, где-то работает по очередности. Сейчас идет сворачивание полевых работ. Самая горячая пора.

Назавтра мы в десять утра наготове. Вдруг над рекой километрах в шести выше по течению Зеи прогудел вертолет. Но он пошел не в нашу сторону. Николай залез на сигнал и оттуда старается узнать обстановку. Вскоре гул повторился, но почему-то в стороне нашего последнего лабаза и стоянки на песчаной косе.

- Тебе ничего не говорил Горбачев по маршруту вертолета? - спрашиваю я его.

- Я просил его подбросить продуктов.

- Может, он сейчас ушел на наш лабаз?

В двенадцатом часу показался МИ-1, летящий со стороны нашего лабаза. Высокие верхушки деревьев то открывали его в небе, то закрывали, а потом и вовсе он скрылся. Он вынырнул почти без особого шума из-за деревьев и, сделав над нами круг, приземлился метрах в пятнадцати от палатки. Заглушив мотор и остановив винты, к нам спустился пилот, молодой чернявый парень, одетый с иголочки, в белой рубашке.

- Посмотрите, вот работа! Ни мозолей, чистенькая, и самое главное, хорошо оплачиваемая, - завистливо говорит Анатолий.

- Вам привет от начальника партии. Он сидит на лабазе. Загрузил вам все оставшиеся продукты. Больше вам там делать нечего. Вас сегодня переброшу, а по пути в Бомнак заберу вашего начальника.

Первым рейсом улетел Бурьян со всем нашим снаряжением. Через полчаса вертолет вернулся за нами. Минут десять постояли втроем около сигнала, пилот угостил нас папиросами «Беломорканал».

- Ну, ребята, у вас и работа. Сколько месяцев уже в тайге? - спрашивает он нас.

- Мы недавно, - отвечаю я. - Но если с начала сезона, с апреля, то около шести месяцев.

- Мне приходится частенько летать к таежникам. Например, у старателей обжитая жизнь. У геологов неплохо. Стационарные партии, поселки и все прочее, как у людей. Только вот у вас беспокойная, вижу, жизнь. Вам надо дальше в лес, повыше в горы. Трудно, наверное? - обращается пилот к Анатолию.

- Нормально. Вот на гардероб заработаю и уйду из экспедиции. А вот у Саши, - показывает он на меня, - жизнь, конечно, будет на колесах.

- Ну, поехали, парни. Мне надо сегодня быть в Бомнаке, а завтра в Свободном, - говорит пилот, надевает наушники и рукой указывает нам место за своей спиной.

Под вертолетом простор тайги. Она с пятнами пожелтевшей мари, блестящими на солнце голубыми озерами, пересеченная сетью извилистых ручьев. Под бортом Зея. Блестит вода, переливаясь на перекатах, желтеют обнажившиеся на мелководье песчаные косы. Через пятнадцать минут пятидесятикилометровое расстояние до очередного пункта позади. Вертолет пошел на снижение. Пилот показывает рукой вниз, где машет нам Николай. Пока вертолет ходил за нами, он уже успел вырубить несколько низкорослых деревьев и расширить площадку. Вертолет произвел посадку примерно в километре от возвышающейся среди бесконечной мари мощной горы, густо покрытой от подножья до самой вершины зарослями кедрового стланика и высокими лиственницами. На карте она обозначена «Унмакан». Пилот, не заглушая двигателя, из кабины помахал на прощанье нам рукой и ушел в сторону Зеи, на наш лабаз, где его поджидал Горбачев.

Мы уселись рядом с выгруженным грузом, и невольно наши взгляды впились в одну точку впереди: в далекую вершину, где должен стоять сигнал.

- Давайте, парни, сначала установим одну палатку на нашем летном поле, в которой оставим часть продуктов, снаряжения, печку. Вторую палатку возьмем с собой.

Установив двухместную палатку, мы аккуратно сложили в нее оставшийся груз, плотно застегнули на все застегжки. Затем уложили рюкзаки, и после небольшого отдыха вскидываем их на плечи и, утопая по колено во мху, начали путь к вершине. Солнце припекает горячо, идти становится после нескольких сотен метров тяжело. Высокие кусты багульника осыпают на нас созревшую пыльцу. Ее так много в воздухе, что приходится закрывать лицо, дышать через нос и постоянно чихать. Через некоторое время вступаем в заросли кедрового стланика, преградившего нам путь к вершине. Кроме этого, между его стволами все переплетено

кустарником березового ерника, багульником. Задыхаясь от поднятой в воздух пыли слежалых сухих листьев, покрывающих толстым слоем весь склон, мы с трудом продвигались наверх.

- Доставай топор, - обращается к Анатолию Бурьян. - Будем рубиться. Мы присели на упавшую старую валежину. Тишина окружает нас, да небольшой ветерок колышет верхушки деревьев. Под потные рубашки и энцефалитки пробирается прохлада.

Сидим в тени густого кедрового навеса. Мощные кривые стволы плотно стоят друг к другу, создавая своеобразную крышу, под которой можно, пригнувшись низко, идти.

Вот такое сравнение с этим местом среди кедрового стланика у Григория Федосеева: «На пути стеной встает кедровый стланник, необычайной для него, почти четырех метровой высоты. Этот вид стелющегося кедрового стланика почти сплошь покрывает склоны Джугдырского хребта.

Местами стланики здесь образуют совершенно непролазные заросли. Их стволы, толщиной порядка до пятнадцати сантиметров, так переплетаются между собой, что только на четвереньках и пробиться сквозь них. А местами, вообще, не пройти ни человеку, ни зверю. Надо было удивляться умению Улукиткана находить лазейки в этой чаще».

Такие заросли стояли и перед нами. Без топора не пробиться.

Недалеке, чуть выше нас, раздался какой-то треск. Мы все вместе разом вскочили на ноги.

Метрах в двадцати повыше нашего привала заходили ходуном стланиковые заросли.

Чувствуется, что мы испугнули большого зверя.

- Наверно, медведь, - испуганно и тихо говорит Фураев. - Может вниз, назад, пойдём.

- Ты чего, Анатолий, опешил? — успокаивает его Николай. — Он курящих не ест. Видишь, почувствовал табак и сейчас где-нибудь через сутки на другой вершине успокоится. Нам нечего его бояться, а вот он пусть на пути нам не становится.

Николай снял карабин, вставил обойму и поставил затвор на предохранитель.

- Вот так, с этим ружьем веселей пойдём, - улыбается Бурьян.

- Давай мне топор, - говорю я Анатолию, который уже приготовился к рубке стланика - Я пойду впереди, Николай за мной наготове, а ты замыкай, охраняй нас сзади.

- Так он же и по следам пойдет, - не сдаётся Анатолий в надежде на то, что мы завернем назад.

- Давайте, ребята, не будет терять драгоценное время. Вперед! - говорит Николай.

Я начинаю врубаться в кустарник. От ударов топора с треском, словно лопаясь, начали ложиться ветки стланика. Рюкзак мешает развернуться во всю силу. Другого выхода нет.

Рюкзак нужно нести. Одновременно работать и топором. С трудом пройдя стланиковые заросли мы, наконец, вступили в полосу высоких стройных лиственниц и сосен. Идти стало легче.

Брусничник ковром выстлал крутой склон, багульник стал низкорослым и редким. Я, лежа с рюкзаком, осматриваю через просветы среди деревьев дальний горизонт, уже расстилавшийся внизу перед нами.

- Эх, сейчас бы сюда к моему рюкзаку приставить лошадку. А мне бы так - налегке, - мечтательно протянул Фураев.

- Ребята! Брусника какая! - вроде не слыша Фураева, воскликнул Николай. - Давай-ка, братцы, подзаправимся.

Растянувшись на животах, мы набираем спелую ягоду в пригоршни и бросаем в рот.

- Посмотрите, какое богатство перед нами! - ахает Фураев.

Весь склон под нами и перед нами сверху покрыт вечнозеленым брусничником, на каждой ветке висят багровые, сочные ягоды. После заслуженного привала скидываем рюкзаки и продолжаем свой путь к вершине. Идти после зарослей багульника и корявого ерника по брусничному ковру хорошо. Почва уже не мшистая и торфянистая, а твердая, кое-где уже начали появляться каменистые места. Незаметно, шаг за шагом, я значительно оторвался от своих спутников и, уже не чувствуя за спиной рюкзака, делаю большой рывок вперед к показавшимся просветам неба, по которому рассыпаны белоснежные облака. Спустя несколько минут показался черный, правильной формы предмет на макушке оголенной вершины - визирный цилиндр, затем темные перекрестия сигнала. Ноги спешат к тому месту, где меня поджидает отдых. Я вступаю на вершину и, не доходя до сигнала метров пять, устало сажусь на сваленную при маркировке сигнала лиственницу. С наслаждением вытягиваю чрги. Минут через десять на вершину выходят ребята. Помогаю им сбросить тяжелые рюкзаки. Они молча усаживаются рядом, тяжело дышат.

Мы на месте нашего нового лагеря на вершине горы Унмакан. Она размером в диаметре метров пятьдесят; ровная, покрытая буяжиками белого кварца, в большинстве своем уже начавшими

обрастать серым мхом. С северо-восточной стороны вершины выступают на поверхность вертикальные пласты кварцевой скалы, наверху которой чудом держится цепкими корнями молодой куст кедрового стланика. Мелкие и редкие березового кустарника рассыпаны по всей вершине. А брусничник везде - куда ни кинь взглядом.

В центре вершины стоит семнадцатиметровый сигнал, окопанный трехгранной мелкой канавой для маркировки. А вокруг него строители наворочали мелкие кучи всевозможных размеров кварцевых камней. Место расположения знака абсолютно сухое. За водой будем ходить вниз под гору за километр. Тут же я вспомнил покинутый нами сигнал у карасевого озера. Там не было проблем с водой, а здесь как везде - вода внизу.

Я лезу на сигнал. Прихватил бинокль. Взору открылась великолепная картина. Я стою не шелохнусь, очарованный открывшимся горизонтом на все стороны света. На севере на многие километры в хаотическом беспорядке разбросаны горы, а дальний их горизонт четко оконтурен снежными вершинами хребта Джугдыра. С востока он тянется волнистой грядой. На юге - бесконечная тайга, мари, речушки. На западе, километрах в двадцати, высится двугорбая вершина, огромная, с темными облаками вокруг. Отсюда мне кажется, что посреди сжатого желтого поля пасется верблюд, голова которого внизу, а горбы торчат неподвижно. Вот-вот он поднимет длинную шею и сделает шаг вперед. Интересное и почти реальное сравнение. Пока я осматривал красивую панораму, распахнувшуюся передо мной, Николай и Анатолий приступили к разбивке лагеря. Я спускаюсь с сигнала и присоединяюсь к ним. Место для лагеря выбрали на юго-восточной окраине вершины на ровной, покрытой сплошным брусничником, площадке в двадцати метрах от сигнала, почти перед уходящим круто вниз склоном. Николай присел на выступающий на поверхность кварцевый камень, достал карту и внимательно ее рассматривает.

- Сань! Глянь сюда, водичку-то придется носить издалека. - Он доказывает на подножье северного ската горы. - Ты вот что, Саша. Пока организуй костер, а мы с Анатолием двинем к ручью. Я должен убедиться сам, а потом он будет бегать один за водой. Возьмем две кислородные подушки, глядишь, денька на два нам хватит. Заодно посмотрим обстановку на склоне.

- Карабин возьми, Николай, - советую я.

При этом вспомнил сегодняшний случай с испуганным медведем при подъеме на вершину. Обычно темные, стланиковые места они любят. Другому зверю здесь не быть. Сохатый эти заросли обойдет стороной. Огромному животному просто в них не развернуться. Неужели мы вспугнули хозяина этой горы? Тогда жди его присутствия здесь. Своими догадками я не стал делиться с ребятами. Выберу удобный момент, проверю свои предположения. Может быть, он уйдет с этих мест.. Время глубокой осени. Скоро ляжет зима в этих краях. Сытому медведю надо залечь в берлогу. Поэтому такой зверь будет избегать встречи с человеком. Здесь нас трое, а это уже шумная компания, к которой он сам никогда не подойдет.

Уложив в рюкзаки кислородные подушки, ребята ушли за водой вниз, а я приступил к заготовке дров на костер и обустройству лагеря. Стук топора нарушил вековую тишину горы. До нас окружающая природа видела и слышала только строителей этого сигнала. Потом, после них, пришла тишина и спокойствие. На какое-то время здесь воцарился порядок у зверей, какой он был до прихода первых людей. И вот сейчас у них с нашим приходом наступили тревожные времена. Мы нарушили их покой. Но это временное явление, и оно обязательно возвратит каждому обитателю горы установленный природой порядок.

Ярко запыхал костер, дохнул своим горячим дыханием вокруг. С ним на нашу еще не обжитую стоянку пришел домашний уют. Мирной жизнью потянуло от костра, который аппетитно пожирает сухие смолистые поленья, насыщая дополнительным теплом еще не остывшую от дневной жары атмосферу.

Я не сижу около костра. Надо в палатку уложить под спальные мешки душистые, мягкие ветки стланика. Спускаюсь чуть ниже палатки и ношу в нее целые охапки. Толстым слоем устилаю пол палатки и переносу все спальные мешки в нее. Постель геодезистов готова.

Примерно через час на вершину поднимаются, с водой, Бурьян и Фураев. Я освобождаю их от груза и, заполнив кастрюлю и чайник, ставлю на костер.

- Ну, что там внизу нашли? - спрашиваю я ребят, когда они отдышались после подъема.

-Да, небольшой ручей между кочек. Воду черпали кружками. Хорошая, чистая вода, пьешь, и силы прибавляются, - отвечает Фураев, доставая из кармана свою персональную табакерку и устраиваясь удобнее около костра.

-Тишина какая первозданная там внизу. Вроде никого нет, а какое-то ощущение... чувствуешь, что кто-то за тобой наблюдает. Было у тебя, Толя, такое? - спрашивает Бурьян Фураева.

-Да не думал я об этом. Ты к чему это? Думаешь, что зверь какой-то за нами следил? - оставив крутить самокрутку, настороженно спрашивает Фураев.

- Нормальное явление в тайге с человеком. Природа живая, вот и кажется, что не может быть здесь никого кроме нас. А живность таежная имеет глаза, которые смотрят на нас. Ведь на человеческий взгляд каждый из нас реагирует. Мы в здешних местах не одни, - разясняю я Анатолию и пытаюсь прервать этот неуместный разговор. Вижу как насторожился Анатолий А ведь ему надо будет ходить иногда, когда мы будем заняты на наблюдении, вниз за водой одному.

После раннего ужина, еще при солнечном свете, мы поднимаем на сигнал теодолит, чтобы утром приступить к наблюдениям. Я осматриваю горизонт. Похоже, что погода завтра должна быть. Николай ориентирует карту и начинает отыскивать соседние пункты. Заходящее солнце на западе достаточно хорошо еще освещает восточную и западную части горизонта, где в бинокль довольно четко просматриваются знакомые пункты триангуляции. Вот он, наш первый пункт Артыкан, затем Ближний, и чуть на юго-запад Озерный. Я смотрю на них долго, вспоминая отдельные эпизоды нашей полевой жизни в тех краях.

Постепенно горизонт начал темнеть. Световой день осенью короток, ночи становятся длиннее. Нам бы в природе произвести перестановку наоборот. В эти дни необходимы хорошие и длинные видимости. Николай зачехляет теодолит, и мы спускаемся с сигнала. Наш первый рабочий день завершен.

У ярко полыхающего костра пьем горячий чай. Анатолий по-хозяйски уже навел порядок около палатки: запас дров уложен в небольшую поленицу, все чашки и кастрюли разложены на брезенте. Продукты аккуратно уложены в один из углов палатки, а сам он сияет добродушной улыбкой.

- Покурим, ребята, - окает Анатолий и протягивает свою табакерку. Николай сворачивает самокрутку, а я отказываюсь.

- Видать, ребята, настигнет нас зима здесь. Однако, ничего. У нас есть теплые рукавицы, шапки. А внизу валенки. Мороз не страшен нам. Только я вот переживаю за вас иногда, когда вы там наверху сидите на холодном ветру. Одевайтесь теплее. Простынуть здесь - один пустяк. А заболете - у меня заработка не будет, - заботливо, по-отечески напутствует он нас.

- Вот видишь, Саш, в чем его забота к нам проявляется. Он о своем кармане заботится, а не о нас. Так, что-ли, Фураев? -весело говорит Бурьян и, улыбаясь, смотрит на Анатолия, стараясь вызвать его на продолжение разговора.

- Я правду говорю вам. Все от вас зависит. А забота к вам у меня настоящая, дружеская - оправдывается Анатолий.

-Да пошутил Николай, - встречаю в разговор я. - Сегодня уже двадцать первое сентября. Месяц прошел незаметно. Еще месяц поработаем, глядишь, Анатолий, на гардероб заработаем все вместе.

- Я согласен на такой случай, - шутливо отвечает он.

На нашу вершину опустилась кромешная тьма. Звезд на небе не просматриваем. Сплошная облачность, подобравшаяся к нам с севера, с ближних снежных гор Станового и Джугдыра, поглотила всю звездную ночную красоту. Невидимой поземкой стелется между кустарников и деревьев прохладный ветерок. Он также незаметно подкрадывается к костру, и огонь в нем вздрагивает, бросается из стороны в сторону. Рядом в темноте, на кустарниках и деревьях колышутся большие тени от костра. И если кто-нибудь сейчас нас наблюдает из темноты, то мы у него как на ладони. Но вокруг палатки все спокойно, безмятежно и тихо. Кристально чистый воздух благоприятно действует на наше состояние. В такие минуты хочется долго сидеть у костра и размышлять. Я нахожусь в краях, где в начале пятидесятых годов геодезисты Хабаровской экспедиции начали осваивать новые площади по картографированию. От нашего пункта на юго-восток в пятнадцати километрах находится соседний пункт триангуляции, носящий имя небольшой речушки по названию Большая Ванга, построенный в те далекие годы экспедицией Григория Федосеева. Его в походах по зейской тайге обязательно сопровождал

проводник Улукиткан. И если ему когда-либо пришлось бывать здесь поблизости, то не увидеть или не заметить гору Унмакан было просто невозможно. А может, удачная охотничья тропа выводила его сюда, на эту гору и на ее мощное подножье. Возможно, где-нибудь на близкой тропе остался чернеть иссохший от времени таганок около старого кострища, позелененного молодым мхом. Мимо такого места я не пройду, а наоборот, остановлюсь почтить память первопроходцев. Среди них писателя Григория Федосеева и его соратника Улукиткана. Утро следующего дня мы встретили рано. Завозились в спальниках одновременно с Николаем. Поглядев друг на друга заспанными глазами, не сговариваясь, накинув на плечи телогрейки, вылезли из палатки. Солнце только начало показываться из-за синеющих гор, освещая все больше и больше таежное пространство вокруг нас.

Под пронизывающим утренним холодным ветром и рассыпанным всюду зернистым инеем, мы подходим к сигналу и начинаем подниматься по холодным ступеням вверх, к теодолиту. На площадке сигнала еще холоднее. Здесь и ветерок такой, что от него вся ночная сонливость вмиг слетела.

Началась видимость. Николай крутит винты теодолита. Нам хватает сил выдержать утренний холод на два приема наблюдений. Закоченевшие, быстро спускаемся вниз. Помогаем Анатолию разжечь костер. У пылающего огня мы отогреваемся. Погода резко переменялась в худшую сторону. Шедшие черные и тяжелые тучи вмиг затянули небо, оно насупилося, помрачнело. Солнце скрылось. Заморосил какой-то ледяной дождь. Его крупные капли в виде не созревшего града, посыпались со стуком на опавшие листья, кустарник, палатку. Переждав в палатке ледяной поток, мы спешим с Николаем на сигнал продолжать работу. Ступеньки, перила, переходные площадки оказались скользкими, обледеневшими.

- Саша! Осторожно! - кричит сверху, оборачиваясь ко мне, Николай.

Я и без его предупреждения предельно внимателен. Осторожно, шаг за шагом, переступаю ногами, страхуюсь двумя руками сразу, попеременно. На площадке около столика ледяная корочка. Николай, очень аккуратно передвигаясь вокруг инструмента, начал давать мне отсчеты. После дождя горизонт открытый, с четким и чистым рельефом. Вокруг тихо, не слышно ни птиц, ни таежного шума. Наше напряженное внимание к процессу наблюдения было неожиданно прервано громким треском кустарника с северного склона. Треск и шум был услышан даже Анатолием, находившимся на противоположной стороне вершины. Чуть позже треск повторился. Мы с Николаем переглянулись.

- Кто бы это мог быть? — тихо говорит Николай.

Моя догадка относительно спокойно жившего на этой горе до нашего прихода медведя, обретает реальный смысл. Своими тревожными соображениями я делюсь сейчас с Николаем. Анатолий в это время, напуганный шумом на склоне горы, поднялся на первую переходную площадку сигнала.

- Ну, чего будем делать? - спрашивает он нас.

Мы, ни слова не говоря друг другу, спускаемся с сигнала вниз к Анатолию.

- Где карабин? - обращается Бурьян к Фураеву.

- Сейчас принесу.

Анатолий пустился бегом к палатке и также быстро возвратился с карабином в руках, и говорит Бурьяну:

- Вы работайте, а я схожу вниз посмотрю.

- Если там что-то не так, немедленно возвращайся. А впрочем, пойдем посмотрим все вместе. Возьмем еще топор.

Анатолий опередил нас, и мы видим его уже спускающегося вниз. Но вдруг он остановился и замер, потом обернулся и машет рукой. Мы подошли к нему.

- Вроде в том месте, - показывает он в сторону кучки стланика, - чего-то шевельнулось. Может, показалось от страха?

Втроем спускаемся на половину горы. По пути в кустарниках взлетают молодые рябчики.

Мы не обращаем на них внимания. Где-то здесь дичь бродит покрупнее, не дает нам покоя.

- Я немного ниже спущусь, посмотрю и назад. А вы идите, работайте, не теряйте времени, - предлагает Фураев.

Анатолий уходит в тайгу, а мы с Николаем возвращаемся к сигналу. Благоприятная видимость сегодня дала нам возможность выполнить за короткое время хороший объем наблюдений. За

работой не заметили, что после ухода Анатолия прошло около часа. Николай начал волноваться.

- Нам надо было не отпускать его одного. Все может быть. В тайге нельзя все предусмотреть. Есть всякие неожиданности,

Мы облегченно вздохнули, когда на вершине появился Фураев. Немного отлегло от сердца, что он появился живой и невредимый. Он устало подошел к нам. Я вижу на правой руке кровь.

- Что случилось?

- Сейчас расскажу. Вот, руку немного повредил - наткнулся на острый сучок. Вы ушли вверх, а я спускаюсь ниже. Прошел долго. Вышел на ручей и дай, думаю, пойду посмотрю дальше, куда он течет. Чуть прошел по ручью, смотрю, вода какая-то мутная стоит в одном месте, а дальше чистая. Глядь выше в гору, а там свежевыврытая земля разбросана. В середине, в гору, яма неглубокая. Наверное, медведь рыл берлогу, а мы помешали. Сердце у меня заекало. Я назад, боком-боком, в сопку и сюда. Чуть в лапы не попал. А про карабин, что у меня за плечами висел, я позабыл. Ну хорошо, что я уже тут, с вами.

Его рассказ уже без сомнения подтверждает наши мысли, что мы затронули хозяйство хозяина тайги. Надо быть начеку.

- Нам надо сходить вместе туда,- продолжает Анатолий.

- Будет видно. Работы много, - проговорил Бурьян.

Ясно, что нам сейчас не до охоты. Нужно сначала дело сделать. Я помогаю Фураеву забинтовать руку.

- Угораздило же тебя наткнуться.

- Да поспешил. Когда от страха глаза вразбег, то куда идешь не видишь. Немного перепугался.

- За водой будем ходить вместе. Так что не переживай.

- Да я не переживаю, но все-таки не хочется в лапы ему попадаться.

Во второй половине дня погода изменилась. Сильный западный ветер раскачивает вершины деревьев так, что в воздухе кружатся, летают, падают листья, желтая хвоя. Вмиг деревья стали почти голые, почерневшие и, самое главное, на вид печальные. Вся летняя краса слетела с них. Мы у костра обедаем. Хвоя или сорванный ветром лист иногда угодят в чашку. Дым от костра крутится в разные стороны, жаркий костер под порывами не дает сидеть в одном месте. Ухожу в палатку и там заканчиваю обедать. Чуть позже лезу на сигнал укрыть теодолит. На площадке свищет ветер: упругий и холодный, он прижимает вниз как магнитом, рвет из рук брезентовый плащ, не дает хорошо обернуть вокруг теодолита и столика. Наконец, завершив эту процедуру, я поспешно спускаюсь вниз в палатку, где еще от дневного света светло. Чуть позже зажигаем свечу и принимаемся за обработку свежих наблюдений.

Вечер ветренный, но ясный. Сильно шумит вокруг тайга. Спустившаяся на землю осенняя ночь поглотила дневную таежную картину. Опустившееся на западе солнце еще долго освещает небо. Оно чистое, вечернее, становится уже не голубым, а темным с оттенком оранжево-красного поля.

Костер возле палатки не потухает ни на минуту, весело потрескивает, раздавая всему окружающему тепло. Он горит, невзирая на буйствующую непогоду. Я могу сказать всем, что костры не похожи друг на друга. Вот и сейчас он горит рядом с палаткой по-новому, в отличие, например, от костра на последнем пункте. Только в одном схожи все костры на земле - это тепло, жизнь и горячая пища. И это его главное предназначение.

Мы лежим уже в спальных мешках и поддерживаем разговор. Анатолий отвернулся к стенке палатки, тихо посапывает, утомленный неожиданным поворотом нашего полевого уклада. Мы с Николаем видим его состояние и поведение в тайге. В эти условия он попал впервые и, безусловно, как и всем новичкам, тайга с ее суровыми законами дается ему нелегко. На поведение таких людей, как Анатолий, очень сильно влияет сезонность работы или временность в работе. В этом случае он ждет и не дожидается завершения сезона, чтобы через некоторое время изменить занятие и не вспоминать сегодняшнее. Он не ставил своей целью посвятить себя именно нашей профессии. Другое дело мы. Я легче переношу все тяготы полевой работы, все неожиданное и трудное воспринимаю как должное и необходимое. Поэтому нам даже очень трудные минуты или дела даются морально и психологически легче, чем таким людям, как Анато-

лий. Как обычно, им хватает одного полевого сезона, чтобы затем и не вспоминать его. Однако как правило многие, поработавшие временно в тайге, в будущем связывают свою жизнь с нашими профессиями.

Иногда приходится обдумывать свое положение и место в небольшом коллективе, особенно часто в такие минуты, когда есть время на размышления. Таким временем является время перед сном, когда я чувствую, что в затерянном уголке тайги не один, а со своими товарищами. И что они, также как и я, размышляют, и возможно, эти размышления совпадают по смыслу. Думаю, что у каждого из нас имеются свои взгляды на свое место в общем деле.

Двадцать третье сентября мы провели, можно сказать, вхолостую. Сильный ветер, родившийся накануне в отрогах Станового, не утих, а наоборот, стал еще ожесточеннее, и в итоге не дал нам произвести наблюдения. Пользуясь временной непогодой, мы с Николаем отрабатывали два ориентирных пункта, за-: ложенных на соседних возвышенностях в одном километре от нашего сигнала. Весь полный день ушел у нас на переходы между ними.

В этом случае непогода убыстрила выполнение программы наблюдений. Сегодня мы встали рано: в шесть часов утра. Горизонт начал окрашиваться в светлые тона под всходящим солнцем. Ветер заметно утих, но промозглая прохлада не дает нам долго задерживаться наверху. Делаем перерывы, во время которых мы успеваем погреться горячим чаем. А у Анатолия для этих целей не убирается с костра наш прокопченный чайник. Одним чаем мы не обходимся. Анатолий обязательно что-нибудь выдаст к чаю, несмотря на то, что наше меню ограничено. Чаще всего он нам дает горячие лепешки или разваристый сладкий рис. После горячей пищи, согретье, продолжаем работать до тех пор, пока нам хватает набранного тепла. Взяв рюкзак с кислородной подушкой и карабин, Анатолий уходит вниз за водой. При этом он проявляет максимальную бдительность и осторожность.

- Драться буду до последнего, - говорит Анатолий о своем решении, если вдруг состоится встреча с медведем, хозяином горы.

Для нас, когда он уходит за водой, наступают томительные минуты ожидания. Мы не можем идти сегодня вместе с ним. установилась хорошая видимость и нам не хочется терять ни одной минуты.

Сегодня день прошел удачно. И, как иногда бывает по стечению обстоятельств, погода, которую мы ждали с нетерпением неделю назад, установилась только сегодня. Чуть покачивается верхушки деревьев, на западе закатывается солнце. Закат багрово-красный. Небо очистилось от облаков. Возможно, ночью. будет хороший заморозок.

Мы сидим с Николаем около костра и обсуждаем план на завтра. Рано утром отправимся на соседний пункт, находящийся от нас в пятнадцати километрах среди сплошных марей. Мы знаем, что такое пройти это расстояние по здешним топким марям. Пункт триангуляции первого класса. Построен в начале пятидесятых годов. Задача предстоящего дня в техническом плане несложная: снять редукцию. А вот преодолеть многокилометровый путь почти по колону в воде - операция не простая. Предполагаем, что на пеший переход в два конца вместе с работой на пункте уйдет световой день. К часам восьми вечера должны быть дома, на этой вершине.

-Давай, наверное, уложим рюкзаки сегодня. Утром меньше времени уйдет на сборы, - предлагает Бурьян.

- Давай, - соглашаюсь я.

Равномерно распределяем груз по рюкзакам, берем теодолит малый, штатив к нему, бинокли, топор, гвозди и документы да снятия редукции. Не забыли взять рулетку и длинную веревку. Из оружия - ракетницу. Карабин оставляем Анатолию. Из продуктов: консервы, сухари, чай. Для кипячения воды приторочили к рюкзаку армейский котелок. На всякий случай укладываем под спину телогрейки: а вдруг ночевка без палатки.

- Ты, Анатолий, - говорит Бурьян, - завтра останешься один на целый день, а может больше.

Карабин оставляем тебе. Будь внимателен ко всяким шумам на горе. В общем, действуй по обстоятельствам. За водой не ходи. Находишься рядом с палаткой и поджидай нас поздно вечером.

- Понял я. Займусь своими делами. Пила вон, затупилась, буду точить. Дров заготовлю, ужин вам купеческий приготовлю, лепешек напеку. Вы быстрее там управляйтесь. Саш, топорик маленький я хорошо наточил, возьми его в дорогу.

Мы еще долго сидим у ярко горящего костра. Проверили тщательно собранное в рюкзаки. Если какой-то мелочи, так необходимой в дороге или на месте работы на сигнале, завтра не окажется, то можно дневное задание не выполнить.

Двадцать-шестое сентября с утра для нас оказалось хорошим днем. Небо ясное, без единого облака. Несмотря на утреннюю прохладу, после холодной ночи предстоящий день должен быть теплым. Нам такой день нужен.

Анатолий встал раньше нас, разжег костер и уже через некоторое время пригласил нас на вкусные горячие макароны.

-Хорошенько подкрепитесь. Дорога ведь дальняя. Вот вам я приготовил свежие лепешки. По установившейся традиции перед дорогой присели на валежинах. Забросив рюкзаки за спину и попрощавшись с Фураевым, мы быстрым шагом начали спускаться с вершины. По пути нужно зайти в оставленную у подножья горы палатку. Еще издали мы увидели ее, одинокую, которая возвышалась на колчкватой, с мелким кустарником березового стланика, мари. Вокруг ни души. Безмолвная, редколесная местность. Ничто не нарушает здесь природного покоя. Только утренний ветерок шевелит мелкую и увядшую траву на кочках, да почти голые ветки без листьев кустарника.

Мы присели у палатки.

- Надо вон, видишь, те деревья срубить. Если придет МИ-4, то они ему помешают приземлиться, - говорит Бурьян, а сам поглядывает вперед, на просторную марь, по которой нам предстоит сегодня дойти до Федосеевского знака. Мы его так уже давно назвали. Еще раз пробежав взглядом по карте по маршруту от места нашего стояния до сигнала, мы размеренным шагом пошли вперед. Вскоре выскочили на старую нартовую тропу, прилично уже поросшую жесткой травой. Она, почти на всем протяжении разбитая в прошлом, в воде. Ночной морозец хорошо схватил верхнюю корку мха, и сейчас ноги, пробивая ее, задерживаются в болотной жиже. Приходится с трудом вырывать их из еще податливого торфяника. Хлюп, хлюп - раздается по тайге. Ноги еле вытаскиваются из образовавшихся дыр. Несмотря на небольшое пройденное расстояние, мы уже на третьем километре почувствовали небольшую усталость.

Тропа, извиваясь по мари, наконец вывела нас на сухое каменистое место с обнаженными корнями низкорослых лиственниц. Здесь идти отлично: камни, корни деревьев и мелкий серый мох. Миновали старую стоянку оленеводов, где стояли уже разрушенные временем и погодой загоны для оленей, жерди дымокуров и черные кострища.

- Давай отдохнем немного, предлагает мне Николай.

Мы сбрасываем рюкзаки на землю, а сами присаживаемся на старые подгнившие валежины, служившие оленеводам примитивными скамейками около костра. Я оглядываю местность вокруг старой стоянки. Рядом с нами стоят редкие и низкорослые лиственницы, обросшие, как паутиной, длинными, спускающимися чуть ли не до земли, серыми лишайниками. Везде разбросаны природой выступающие на поверхность камни. Тропа скрывается от нас дальше между деревьев и теряется из виду.

По ней спускаемся к ручью Большая Ванга. Он спокойный, с прозрачной и чистой водой, плоским каменистым дном, неглубокий. Вброд перешли на другой берег и остановились опознать свое местоположение на карте. Тропа, по которой мы легко прошли до ручья, потянулась в другом направлении от нашего маршрута. Она пошла по левому берегу. А затем распалась в кустарниках на несколько троп, ранее удобных для перегона оленей вдоль ручья. Мы выбрали одну из них, которая привела опять нас к ручью. Пересекли ручей, и через некоторое время наша тропа уткнулась в непроходимый болотный зыбун. Здесь она закончилась. Впереди марь с высокой кочкой.

Полезли по кочкам, пробираясь среди зарослей густого бе-резнякового стланика по колено в воде. Прыгая с кочки на кочку, еле удерживая равновесие, а иногда ухая в воду, мы кое-как перебрали топкое место и вновь оказались перед километровой марью, тянущейся вдоль ручья. У нас нет выбора, и мы продолжаем свой путь, прыгая с кочки на кочку.

Ноги не успевают из-за набранной скорости задерживаться на кочках. Они по инерции срываются между ними, заставляя тело бросаться неожиданно вперед, делая саженные прыжки. Весь организм напряжен до предела. Мозг подчинен движению ног. А они несут нас все вперед, не давая остановиться. Да и присесть некуда. Пропитанные водой кочки, вода и жесткая как проволока болотная растительность.

Сегодня меня и Николая ведет к Федосеевскому сигналу какая-то тяжелая тропа, как будто бы специально уготованная для нас, молодых геодезистов, чтобы показать сейчас насколько трудно будет пройти будущие тропы, ожидающие нас впереди. Не сдадим ли мы назад от этих

трудностей? Не сойдем ли с этих троп? Выдержим ли мы эти испытания на прочность? Федосеевский сигнал - наш маяк впереди, и упрямо, независимо от препятствий, мы продолжаем идти к нему.

Подумав об этом, я говорю Николаю:

- Нас что, специально на этот участок определил Горбачев?

- Он не определил, а просто попросил здесь отработать.

Впереди кочковатая марь, и дальше, на сколько хватает видимости для глаз, лежит унылая, черная гарь. Гарь старая. Горелый лес, между обгоревшими сушняками уже подросли низкие молодые лиственницы. Топкое место давно поглотило крупные стволы деревьев, упавших от ветра в далекие годы, после бушевавшего здесь на большом пространстве всепожирающего огня. Причина возникшей огненной стихии, наверное, никогда не будет известна. Может, удар молнии и загоревшаяся сушина дала пищу для таежного пожара, или случайно оставленный охотником костер распространился пожаром на этой территории. Может, другая причина. Вокруг нет ничего похожего на животный мир и мир пернатых. Ни одной пташки. Унылая, безжизненная местность.

В пути мы уже около трех с половиной часов. По расчетам мы должны быть уже близко около сигнала. Но он нигде пока не просматривается. Николай не выдерживает и залезает на невысокую лиственницу, взяв с собой бинокль. Я внизу наблюдаю за ним. Он долго крутит головой из стороны в сторону, пытаюсь невооруженным взглядом отыскать сигнал. Потом вдруг чертыхнулся и кричит мне:

- Вот он, километрах в двух от нас, в стороне. Чертова тропа подвела нас. Мыс тобой в этом болоте дали большой крюк.

Взяв направление по ориентирам на сигнал, мы снова утопая по пояс в высокой кочке, спешим к сигналу. Уже подходя к сигналу, вспугнули с лежища двух крупных сохатых. Они стремительно, смертельно напуганные человеком, уходят от нас на юг. Грациозные животные, гордо несущие тяжеленные рога, покоящиеся на горбоносой голове, коротком туловище с длинными ногами, неслись от нас с большой скоростью.

- Вот нам бы такие ноги сейчас! - воскликнул я, наблюдая бег сохатых. Они быстро скрылись в небольшой опушке леса, стоящей от нас метрах в трехстах. Встреча с сохатыми разнообразила наш монотонный изнурительный путь до сигнала.

Мы почти у цели. Высоко возвышается мощный четырехгранный сигнал среди низкорослых деревьев и ровной осенней мари. Ноги сигнала в воде, вокруг него кочка и вода. Нет почти сухого места. Снимаем рюкзаки и усаживаемся отдохнуть на подгнивший от времени деревянный сруб центра пункта триангуляции. Это федосеевский сигнал, первого класса триангуляции. Его высота до столика - тридцать метров, до верха визирного центра - тридцать шесть метров. Я оглядываю это ажурное геометрическое сооружение профессиональным взглядом. Качество его строительства высокое. Детали подогнаны тщательно. Несмотря на давность его строительства, он жесткий, надежный. Его сборка производилась одним из трудных способов: не на земле, а наверху верхолазами. А это тяжелая и не совсем безопасная работа.

Давно мечтал я побывать на таком сигнале. В прошлые годы строители добросовестно возводили подобные сооружения. Безусловно, на это тратилось много времени. Я уверенно поднимаюсь к столику сигнала и оглядываюсь с тридцатиметровой площадки вокруг. На сотни верст простирается зейская тайга. Взору предстает панорама, раскрывающая все виды рельефа: плоская равнина с озерами, глухие распадки и ленты рек и ручьев, залесенные возвышенности и голые снежные вершины на Становом и Джугдыре. Не сравнимы ни с чем открывающиеся горизонты на ровном, как стол, зейском побережье и над простирающимися с запада на восток мощными горными кряжами с острыми гольцами. Я смотрю в бинокль на гору Унмакан, где остался один Фураев. Как он там?

Вслед за мной поднимается Николай. Он молча присоединяется ко мне и внимательно осматривает перед собой живописную таежную картину.

- Красота-то какая! - восхищенно говорит он. - Здесь проходит первоклассный ряд триангуляции.

Потом хлопает ладошкой по столику и продолжает:

- Вот строили как! Вся подгонка деталей чего стоит. А посмотри на столик. Сказка, а не столик. А какая жесткость. Не пошелохнешься. Здесь наблюдать одно удовольствие.

Небольшой ветерок бьется о крепкие венцы сигнала, парусит наши энцефалитки, задувает под них прохладу поздней осени. День сегодня выдался как по заказу, чтобы не испортить нашу встречу с федосеевским сигналом.

Я невольно сравниваю неимоверно тяжелые восхождения с грузом для строительства пирамид на вершинах Тянь-Шаня, где каждый шаг дается с трудом, и мысленно, глядя на белеющие шапки гор Джугдыра, обращаюсь к спутникам Григория Федосеева, возводящим геодезические сигналы в этих местах, на гольцах. Самое трудное в этой работе - вынести деревянные детали сигнала на своих плечах. Я этот труд измерил по тяжести также на своих плечах. Григорий Федосеев об этом так писал: «С утра решили вытаскивать на гольц заготовленный лес -это, пожалуй, самая тяжелая работа у строителей геодезических знаков, она требует невероятного напряжения сил.

.. Решаем вытащить лес на нартах, а уж дальше поднимать на себе... Натянулись ремни, закрипели полозья, врезаясь глубоко в снег. Протащили метров двести, чувствуем - воз нам, явно, не под силу. Сбросили одно бревно. Дело пошло лучше.

...Идем рывками. Подъем все круче и круче. Плечи, уже привычные к лямкам, все же нестерпимо горят, ремни сжимают грудь, ноги по колено вязнут в сыпучем снегу.

...Так бревно за бревном, котомка за котомкой, лес и материалы были перебросены на седловину. Теперь остается вынести сюда палатку, печь, постели, дрова, переселиться на гольц. А впереди еще подъем на главную вершину гольца, но об этом пока неохота думать» (Григорий Федосеев «Тропюю испытаний». М., Молодая гвардия, 1990, стр. 190-191).

Смотря на видимые с сигнала гольцы Джугдыра, я хорошо представляю картину их покорения первопроходцами-геодезистами тех далеких лет.

Налюбовавшись красками поздней осени с высоты птичьего полета, мы спускаемся вниз и принимаемся за устройство редуционного столика. В семнадцать часов пятьдесят минут мы завершаем всю работу на знаке. Впервые за весь день обедаем, выпиваем по кружке горячего чая. Солнце заходит в девятнадцать часов. Нам уже никак не удастся вернуться на Унмакан при солнечном свете. Предстоит путь в темноте.

И вот уже мы бежим на запад, где закатывается за дальним горизонтом солнце, где возвышается видимая нам, еще освещенная им, гора Унмакан. Там нас ждет отдых и покой. Солнце село, и нам уже помогает идти напролом по мари серебристый лунный свет. Он нам сейчас очень нужен. Ломимся через кусты, проваливаясь в воду между кочек. По пояс мокрые. В сапогах мокро. Выливать воду из них и отжиматься некогда. До горы Унмакан, которая к нам медленно, очень медленно приближается в размерах, осталось километра четыре. Мы измотаны до предела. Ноги становятся свинцовыми, и каждый шаг дается с большим усилием. Они все чаще и чаще цепляются за кочки, кусты. От изнеможения падаем с Николаем на них, уже не разбирая - сухие они или нет. Нам все равно где лежать и на чем, лишь бы насладиться минутным отдыхом. Лежим молча, подложив рюкзаки под головы. Не хочется шевелить руками, не хочется разговаривать. Потные рубашки и пропитанные соленым потом энцефалитки холодят тело, пробирая до костей. Надо подниматься. Надо преодолеть невозможное. И мы это делаем, перебарывая неимоверную усталость. Еще один бросок по уже не видимой в темноте мари. Куда ступают ноги - мы не знаем. Знаем только одно: они несут нас к долгожданному привалу наверху горы. Но туда надо еще подняться. Ну все, кажется, ноги вообще не поднимаются, а мне кажется, я делаю широкие шаги. Падаем на кочки, тяжело дышим, запрокинув головы к небу, где плыет холодная серебряная луна.

- Эх, сейчас бы в уютную комнату с чистой постелью и спать. Не ценят люди, живущие во всем этом тех благ, которыми они окружены, - с перерывами говорит Николай, чуть отдышавшись.

- Знают этому цену только те, кто вот так, как мы с тобой,- отвечаю я ему в подтверждение.

Вдруг до нас долетает приглушенный расстоянием глухой выстрел в той стороне, куда мы спешим. Мы посмотрели друг на друга: неужели Фураев попал в опасность? С чего бы он так? Наверное, что-то случилось.

Мы поднимаемся, подгоняемые неизвестностью впереди. Здесь находимся только мы. Кто кроме нас мог нарушить вечернюю тишину? Обеспокоенные судьбой нашего товарища мы, изнемогая, спешим к нему. Вот впереди темнота. Это склон горы Унмакан. Сквозь густоту чащи еле пробивается до земли лунный свет. Поднимаемся наверх почти ощупью, хватаясь за стволы деревьев. Ноги вновь начинают цеплять все лежащее на земле. После кочек на мари сейчас нам намного легче. Через силу, зло, с руганью, мы буквально перетаскиваем с Николаем

свои тела вперед через упругие ветки багульника и березового стланика, через встречающиеся сухие валежины, неожиданно появляющиеся в темноте. Я становлюсь злым, оттого что ноги не идут, а разум желает движения вперед. Мы не разбираем уже никаких путей или обходов. Идем напрямик, натываясь в темноте на деревья. Ветки нещадно бьют по лицу, по всему телу, впиваются в ноги, в живот, в грудь. Нас подстегивает тревога за Фураева. Иногда останавливаемся: не послышался ли крик или выстрел наверху. Но нет. Только слышно, как вверху шумит ветер да поскрипывают старые деревья. Поднялись почти до половины горы, падаем на землю. Нам жарко. Сильно хочется пить. Бурьян чиркнул спичкой, и свет от нее вырвал темные спелые ягоды брусники, устилающие весь склон перед нами. Шарим впотьмах руками, набираем горсть и закидываем в рот, утоляя кисло-сладким соком жажду. Поднимаемся. Делаем продолжительный, словно во сне, рывок на вершину, невзирая ни на что. Перед вершиной нас почти покинули силы. Опираясь о стволы деревьев, мы наконец выходим к костру, который еще чуть тлеет. Палатка пустая. Я кричу Фураева. Эхо разносит неоднократно мой голос. Со стороны сигнала раздался слабый ответный голос, как мне показалось, не Анатолия. Прошло несколько томительных минут, у палатки появился Фураев. Он был немного расстроен и испуган.

- Что случилось? Кто стрелял? - спрашивает Бурьян Анатолия.

- Я стрелял - вас предупредить, что жив. Напугался я опять медведя. Когда вы ушли, я полдня копался у палатки. После обеда примерно вон там - Анатолий показывает рукой на северную оконечность вершины, за сигналом, - раздался какой-то шум и треск в кустах. Так мне показалось. Сначала я не обратил на это внимания. Потом второй раз послышалось там же. Будто кто-то наступает тяжело на валежины. А там так и есть. Много их лежит на земле. Тогда я потихоньку взял карабин и подошел к сигналу, тихо залез на первую площадку и затаился. Прошло немного времени, в стороне от того места, где был шум, послышался шорох по земле. Я прислушался. И вдруг там, где я всегда спускаюсь за водой, увидел бурое пятно, которое в кустах шевелилось. Тут-то и у меня волосы дыбом. Пришел до меня хозяин тайги. Черт с ним, подумал я. Все же сижу на сигнале, да и высоко от земли. Я как крикну на негр и карабином зашумел по перекладинам сигнала. Тут же его как ветром сдуло, только ветки внизу закачались. Я до вас не стал слазить. А потом уже когда за вечерело, я выстрелом вас предупредил, что не все в порядке дома, будьте осторожны.

Мы поглядели с Бурьяном друг на друга, покачали головами. Опасности подвергался не только один Фураев. Мы все ходим, работаем под прицелом хозяина тайги. Невероятно. Мои предположения оправдались.

Фураев тем временем расшевелил костер, подбросил хорошую порцию сухих дров из своей аккуратно сложенной поленницы, поставил на костер разогреваться кастрюлю со щами и чайник. Мы с Николаем растянулись на телогрейках рядом с костром. То, о чем мы с ним мечтали днем на мари, свершилось. Мы дома, рядом с костром. Не верится, что все трудное и невозможное состоялось с нами. О тяжелом дне сейчас напоминают мокрые до пояса брюки и еще оставшаяся в сапогах болотная вода, да пропитанные потом рубашки и энцефалитки. Все тело наполняется бодрящей радостью, оттого что путь, который мы только что преодолели с помощью луны, позади. Там ночь, холод и непролазная марь. Душа у меня поет от заслуженного отдыха и чувства выполненного долга.

- Ребята, - слышу я в полудреме голос Анатолия, - ужинать надо.

Мне так не хочется шевелиться, и я сейчас долго лежал бы у костра, потому что забираться в палатку нужны еще физичес

к

ие силы. А их почти нет. Пересиливая опустившуюся на тело слабость, мы чуть-чуть похлебали щей, выпили по кружке горячего чая, переоделись в сухое белье и, дотронувшись до спальных мешков, утонули в крепком сне до предела уставших людей. Мы его заслужили.

На следующий день мы с Николаем не отдыхали. С утра уходим на соседний пункт, отстоящий от нас в четырнадцать километрах, на южной гряде Станового. Переход облегчается тем, что наш путь пролегает по равнинной местности без марей, среди сосняка, в отдельных местах по каменистым россыпям. После вчерашней изнурительной тропы сегодня ноги ступают на

твердую почву. Примерно через часа четыре мы поднялись на вершину, выше на двести метров горы Унмакан, и отдышались. Пятнадцатиметровый знак старой постройки крепкий, и похож на предыдущий. Он построен также в пятидесятые годы. Рядом с сигналом разводим небольшой костер, ставим чайник, а сами, не теряя драгоценного светового времени, производим необходимые измерения. Обратный путь оказался дольше. Взошли на нашу гору уже в двенадцатом часу. Анатолий дожидается нас у костра, рядом с ним приткнут карабин.

- Дорогие вы мои! - радостно идет навстречу нам соскучившийся в одиночестве Фураев. - Давайте помогу рюкзаки снять и к столу. Тут я блинчиков вам напек.

От такой встречи нам становится теплее, как-то по-домашнему смотрим мы на все предметы у палатки. Минут пятнадцать мы лежим на земле у костра, наслаждаемся покоем. Ноги после двухдневных переходов ноют от напряжения, подошвы горят, спину в пояснице подламывает.

- Давайте к столу, - не отступает от нас Анатолий, - горячих щей отпробуйте и крепкого чая с блинами.

Не желая обидеть нашего заботливого товарища, мы ужинаем. Он присоединяется к нам.

- Наверное, без нас не ужинал? - спрашивает его Николай.

- А я не могу без вас. Как это получается: вы голодные, а я сытый? Вон какое расстояние прошагали. Чай-то хоть кипятили?

- По кружке выпили.

- Сбросили, поди, в весе килограммов пять. Вам сейчас привес нужен. Привес у нас в колхозе - самый важный показатель. С хорошим привесом осенью наш колхоз прибыль имел. А здесь у нас вместо прибыли хороший заработок должен. Хорошо не поешь - плохо поработаешь.

Откуда будет, приработок? Ешьте плотней.

Анатолий суетится у костра, старается нам вовремя по мелочам помочь, проявляет свое искреннее участие в нашем вечернем отдыхе. Я только сейчас после ужина, почувствовал непреодолимое желание залезть в спальный мешок и больше ничего и ни о чем не думать. За два дня мы с Николаем измотались на тяжелых тропах. Нам нужна небольшая передышка. Завтра на горе Унмакан мы завершим последние дела и послезавтра можем переходить или перелетать дальше.

Утренний разговор по рации с Горбачевым не принес ничего, утешительного по нашим планам. Завтра будет известно о переброске на вертолете на следующий пункт. После связи по рации мы начинаем сворачивать наш лагерь на горе Унмакан. Собраны рюкзаки, и мы готовы уходить вниз. Я подхожу к сигналу попрощаться, просто постоять, как со старым знакомым другом. Погода сегодня по-осеннему прохладная, с севера бегут и бегут по небу тучки, но чувствуется, что в природе скоро можно ждать перемены. Окинув взглядом красивую вершину горы, увенчанную сигналом, мы вскидываем рюкзаки и начинаем спуск к оставленной палатке внизу. Спустившись к ней, мы в первую очередь, не дожидаясь обеда, приступили к очистке площадки под вертолет. Управившись с одним делом, мы начали готовиться к пешему переходу на пункт Джагдакан в шестнадцати километрах от нашего места расположения.

Глава 12. Испытания.

Рано утром мы были готовы, по первому варианту, к приему вертолета, по второму - пуститься пешком на пункт. Горбачев сообщил нам, что вертолетов не будет несколько дней из-за сильных пожаров на Амуре. Согласовали с ним пеший переход. Николай немного расстроен. Мы практически остаемся без продуктов. Сухарей уже нет два дня. Перешли на запасы яичного порошка. Есть еще небольшие припасы сахара, чая и немного гороха и риса. Мы надеялись на прилет вертолета, а вместе с ним и на продукты. Сидеть и ждать не в наших правилах. Мы должны уходить отсюда. Советуемся, что нам забрать с собой, что оставить здесь в палатке. С тяжелыми рюкзаками мы можем не потянуть по мари, которая ожидается на нашем сегодняшнем пути. Приходим к единому мнению: берем с собой только необходимое для работы. В первую очередь, конечно, инструменты, продукты. Оставляем здесь палатки, спальные мешки, печку, личные вещи, запас сводок. Вместо палатки упаковываем один лишь брезентовый тент, чтобы укрыться от дождя. Предполагаем часов за семь-восемь дойти до сигнала, располагающегося на хорошо видимой от нас залесенной вершине.

Погода на изломе. Сегодня вечером прошел мелкий моросящий дождь. Земля влажная.

Горизонт затянут на многие километры сплошной синеватой дымкой и утренним туманом.

Часам к одиннадцати он начал постепенно рассеиваться. Но по небу подозрительно ползут мрачноватые тучки. Осень наступает на зейскую землю с севера, неотвратно и уверенно. Легко одетые, с тяжелыми рюкзаками, мы спешим на восток, чтобы приблизиться еще к одной нашей цели, отмеченной на карте. Идем без компаса. Видимым на многие километры ориентиром служит наша будущая вершина. Она очень медленно приближается, но по-прежнему остается манящей целью. Подернутая сизой пеленой, она притягивает нас к себе. Перед нами сплошная марь. Нет вообще твердой почвы: мох, вода, кочки. Ноги уже привыкли бесконечно проваливаться в болотную жижу. Николай впереди. Я вижу его ноги. Они, как рычаги вечной машины, поднимаются, опускаются через равные промежутки времени, и вновь поднимаются. Вижу его рюкзак, затылок и переброшенный через плечо карабин. У меня же висит штатив малого теодолита, издавая бряцание станковым винтом. Сзади, немного отстав, спешит за нами, выбиваясь из сил, Анатолий. Он идет молча, пытаюсь подстроиться под наши шаги. У нас это удастся, так как двухдневные переходы на федосеевские знаки дали нам еще новый дополнительный опыт в пешем переходе. Да и ноги крепче стали. А самое главное - прибавилось силы воли преодолевать преграды, которые необходимо пройти или переступить. Николай оборачивается ко мне и спрашивает:

- Делаем привал?

- Делаем, - отвечаю я и сбрасываю рюкзак.

Сейчас нам нужен продолжительный отдых с чаем. Время уже четыре часа дня. Вскоре около нас задымился легкий дымок костра. На тагане висит чайник. Мы сидим к костру спиной и сушим мокрые от пота спины. После горячего чая с яичными лепешками прибавляются силы, а самое главное настроение. Наша надежда на помощь вертолетов при перебросках на пункты пропадает. Успокаивает нас то, что мы сейчас не одни на переходах.

В таком же положении оказались десятки бригад наблюдателей. Привал с костром окончен. Мы скидываем за плечи рюкзаки и продолжаем путь с новыми силами. Вскоре начался продолжительный подъем рельефа. Не снижая набранного темпа, мы поднимаемся все выше и выше к ярко выраженной на местности плоской возвышенности. Вот наконец-то забелел среди черных лиственниц и горелого сухостоя высокий сигнал. Располагаемся невдалеке от него, внимательно рассматриваем новое место расположения и одновременно подыскиваем площадку для лагеря. Сейчас эта задача облегчается тем, что нам не надо тратить время на разбивку палатки. Ее на этот раз нет.

Фураев рубит дрова, разводит костер, потом уходит под склон горы за водой. Мы не теряем время - поднимаем большой теодолит на столик сигнала. Ветер свищет здесь свирепо.

Он северный, резкий и холодный. Установив теодолит, прилично продрогшие, спускаемся вниз к костру. Помогаем Фураеву обустроить на ночлег наш новый лагерь. Натянули тент на двух жердях, напилили сухих дров из оставленных строителями бревен около сигнала.

Ночь опустилась на наш лагерь рано, заставляя нас думать о предстоящем ночлеге. Наше спасение от ночного холода будет зависеть от костра. Укладываемся под тентом на пустые рюкзаки ногами к костру. Перед тем как лечь спать, мы сидим и соображаем о том, что в таких условиях, в каких мы оказались по воле судьбы, нам долго не выдержать.

- Ночь переночуем сегодня как придется. А завтра нужно утеплять свое жилье. - говорит Анатолий и укладывает длинное бревно в костер. Огонь жадно набрасывается, и вот уже оно через несколько секунд обьято ярким пламенем.

На вечернем радиосеансе Горбачев, зная наше положение с продуктами, сообщил, что к нам, в устье реки Якодокит, Николай Данилович подбросит немного продуктов. Это нас очень обрадовало. Спим ночью очень чутко. Можно сказать, как такового сна нет. От пробирающего со всех сторон холода нет спасения. Костер хорошо греет только ноги. Иногда, циркулируя, тепло под тентом достигает нас, и мы ощущаем его телом. Первая ночь показалась нам утомительно долгой.

С восходом солнца над тайгой и горами пришел новый день тридцатого сентября. Для нас он начался в пять часов утра. После утренних наблюдений отогреваемся у костра. Завтрак скромный и состоит из яичницы с горячим чаем. Хочется наше меню чем-нибудь разнообразить.

В одиннадцатом часу выходим налегке, с пустыми рюкзаками, к устью Якодокита, где должен нас уже ждать Николай Данилович. Через два часа хорошего хода мы вышли в назначенное место на берегу Зеи. Видим в лодке Николая Даниловича, который радостно нас приветствует.

У нас тоже хорошее настроение. Немного поговорив о пустяках, расспросив о новостях на метеостанции, мы прощаемся с Николаем Даниловичем. Стоим на берегу долго, смотрим на уплывающую лодку вниз по течению, к Бомнаку. Поворот реки скрывает наше общение с людьми. Мы остаемся опять одни, наедине с тайгой и ее живым природным миром.

- Давай присядем, немного отдохнем - предлагает Николай.

Наше физическое состояние от последних дней недоедания и бессонной ночи ослаблено. Я это уже почувствовал на первых километрах пути. Мы молча сидим на берегу Зеи, посматриваем на бегущие ее воды, на оголенные осенние берега, на обмелевшие желто-серые песчаные косы.

Грустная и красивая осенняя пора. Мы являемся живыми свидетелями уходящей в зиму природы, ее умирающей растительности. Покрасовались ярко-зелеными листьями березы, осины, черемуха и другие кустарниковые за лето, отпели свои веселые трели зейские пичужки, отсвистелись бурундуки и другая земная живность. Обмелели говорливые и веселые ручьи. Но природой отведено еще время в октябре, вести их подготовку к зиме. Повсюду, куда ни глянь, на земле мягким разноцветным покрывалом улеглись увядшие листья, прикрыли вечнозеленые кустики брусники. Грустная природа передает свое настроение и человеку. Мне кажется, что осенняя пора угнетает психику полевиков, заставляет их работать без особого подъема духовных и моральных сил. Вероятнее всего в этих случаях сказывается усталость от физического напряжения, от постоянного одиночества и замкнутости окружающей обстановки. Мы все с нетерпением ждем завершения полевого сезона и возвращения домой. Поэтому последние дни растягиваются в ожидании, и даже кажется порой, что время очень медленно движется вперед.

Нам нужно возвращаться на пункт. А так хочется еще отдохнуть. Но время торопит. Мы надеваем потяжелевшие рюкзаки. Их вес - килограммов около восемнадцати. К заходу солнца мы на месте.

Анатолий, радостный, развязывает наши рюкзаки, напевает какую-то песенку, сует по лагерю. Костер весело потрескивает. Он ставит кастрюлю с водой, а для чайника ее не хват

ет

. Взяв кислородную подушку, Фураев побежал вниз за водой. Николай, осмотрев скромные запасы дров на ночь, говорит мне:

- Запасаем горы леса, за ночь сжигаем. Скоро вокруг сушняка не останется. Пойдем, Саша, попилим дровишек.

Взяв пилу и топор, мы пошли по широкой и утоптанной тропе через кустарник на нашу лесоделяну. Здесь высятся сухие лиственницы, при ударе топором они глухо звенят. Крепкие и сухие. Такие и надо на костер, особенно ночной. Пилим бревна по три-четыре метра в длину. Так мы и укладываем их в костер. Получается, что по ширине он закрывает вход под тент. Нам этого и надо. Теплый и горячий воздух циркулирует между костром и нашими постелями. Постелью служит сухая подстилка из увядшей травы, которую мы еле насобирали вокруг нашего лагеря.

Сделав запас дров на долгую ночь, мы дружно усаживаемся у костра. Анатолий подал нам ужин. Он у нас получился какой-то праздничный, и наше меню разнообразилось. Вышедшая полная луна мерцает слабым светом среди редких облаков, разбросанных по небу, освещает наш лагерь. Мы устроились под тентом. Просветы по бокам завешаны портянками. Так лучше скрыться от ветра, и меньше дует по бокам под тент. Ночь установилась холодная. Спим по несколько минут.

Утро холодное, промозглое. Везде иней. Вода в кислородной подушке замерзла. В чайнике корка льда. Время раннее, до восхода солнца еще далеко. Подбрасываем в костер новую порцию дров. Ненасытный сегодня костер. Выпиваем по кружке горячего чая и укладываемся на свои подстилки еще немного вздремнуть. Ветер крутит дым огромного костра. Под тентом становится жарко и дымно. Мы спим, не вытягиваясь во всю длину. Поджав калачиком ноги, мы тем самым отодвигаем их от костра. Так не особенно сильно их припекает.

- Ребята, надо сегодня днем утепляться, говорит Николай, отодвигаясь дальше под тент от ярко горящего костра и дыма. - Так мы долго не протянем. Да и подстилку надо помягче и потеплее сделать. Одним словом, нам наше логово нужно обустроить.

После четырех часов еле заметно начинает светать. Мы уже на ногах и готовимся к утренней видимости. Нашей большой кучи заготовленных дров почти нет. Тропинка к нашим запасам дров еле просматривается. Почти в темноте валим с Николаем сушину, распиливаем, и таскаем бревна к костру.

После шести часов поднимаемся на сигнал. Началась видимость, и мы успеваем в утреннюю программу сделать хороший объем измерений. Находимся на сигнале уже заочневшие, но бросать работу не думаем. Видимость заканчивается, и мы, продрогшие, спускаемся вниз к костру.

Сегодня первое октября. Золотой сентябрь закатился. Была хорошая погода, были дожди. Что покажет октябрь? А октябрь покажет, наверное, меньше дождей, а больше холода, морозных ночей и, конечно, снег. Чего можно ожидать? Только осень и впереди - зиму. По воле Его Величества Случая мы оказались в трудном положении.

- Давайте, ребята, сегодня утеплять свою нору. Ты чего, Анатолий, предложишь? - обращается Бурьян к Фураеву. Со своей деревенской смекалкой и топором, он у нас главная фигура.

- Вот эти дыры под жердями с боков закроем бревнами, как дома строят, с паклей. Пакли нет? И не надо. Проткнем мхом. Потом я думаю, надо с задней стороны тента набросать земляную стенку, чтобы от ветра укрыть. Внутрь соломки подстелить, - рассуждает степенно Фураев. Ногам спасенья от жары нет. Может быть, бревно сырое зашкурить и уложить между костром и нами? - предлагаю я.

А Николай добавляет:

- Одного бревна мало, надо два, горизонтально.

Закипела работа. Мы пилим бревна, Анатолий оттаскивает, и на месте мастерит стенки по бокам из них, прокладывая каждое бревно сухим мхом, которого здесь много. Для обваловки тента с задней стороны пригодилась лопата, брошенная строителями сигнала. К обеду мы заканчиваем строительные работы и любуемся своим сооружением. Полуземляника-полулалатка на вид. Преимущество нового типа полевого укрытия испытаем сегодня ночью. После обеда, взяв пустые рюкзаки, спускаемся под вершину в поисках сухой травы для подстилки. Побродив некоторое время по склону, мы с трудом набили рюкзаки пожухлой травой. Травы здесь почти нет. Собирали по маленьким клочкам под кустами. Нам удалось хоть немного, но устелить травой наши лежанки. После вечерней видимости сделали припасы дров.

Третью ночь на пункте мы уже спали дольше и теплее. Принятые меры по утеплению нашего укрытия дали хорошие результаты. Мы уже почти не ощущаем по бокам проникающий холод под тент, с задней стороны в головах уже не поддувает.

Ноги почти спасены. Их не так безжалостно припекает огонь. Положенные друг на друга два ошкуренных сырых бревна не дают костру напрямую припекать подошвы сапог. Спим, укутавшись в телогрейки, в сапогах. Костер горит целыми днями и ночами. Мечтаем о теплой палатке с печью внутри и спальнях мешках. А вообще, Николай выразил желание оказаться в эти дни где-нибудь в большом складе с утильсырьем.

Погода, несмотря на светившее солнце, стоит днем прохладная. Осеннее солнце греет все слабее и слабее. Наше спасение от начинающей октябрьской сгущи только у костра. После разговора по рации с начальником партии Горбачевым мы узнали, что, возможно, при лучших обстоятельствах, вертолет к нам придет пятого октября. Но в это верится с трудом. Перемены в погоде могут сорвать наши планы. Да и к тому же я обратил сегодня внимание, находясь на сигнале, что восточная сторона Станового и южная, где Зейская равнина, находятся в какой-то подозрительной белесой дымке. А вдруг с Амура, где бушуют пожары, ветер нанесет дым? Этим предположением я делюсь с Николаем.

- Все может быть. Тогда просидим долго здесь, - отвечает он.

Прошло три дня. Четвертое октября. Время пять тридцать утра. Сегодня спали, в среднем, по полчаса. Холод поднимает нас к костру, чуть ли не толкает в самый огонь. Вчера нам сообщил Горбачев, что ночами мороз достигает тринадцати градусов. Мы это ощущаем на себе.

Вскипятили чай, пьем его горячий, обжигаясь. На востоке зазелел рассвет, и скоро, вот-вот, из-за гор поднимется красное солнце. В семь часов поднимаемся на сигнал. Большая рефракция.

Наблюдать основную программу из-за сильного колебания атмосферы нельзя.

- Может, зенитное расстояние схватим, - предлагает Бурьян и смотрит на меня, устроившегося на площадке.

Я соглашаюсь. Записываю отсчеты. Чернила мгновенно застывают на пере, и оно покрывается фиолетовым налетом льда. Руки коченеют от ледяного ветерка. Выглянувшее солнце залило светом голубые вершины, тайгу, стоящую в цнее; марь начала испаряться, заставляя колебаться слои атмосферы. По этой причине мы покидаем сигнал. Около костра отогреваемся. Целыми сутками он горит у нас, не затухая. Перед нашей полуземлянкой огромная куча золы в длину около четырех метров. Чернеет дыра подгоревших корней пня березы. Я осматриваю своих товарищей. Мы обросли бородами. Грязные лица и ввевшаяся в руки угольная пыль делают нас далеко непохожими на цивилизованных, культурных людей. На нас телогрейки, покрытые черными прогоревшими точками. Ночью сухие смолистые дрова далеко отбрасывают искры и, попадая на нас, на наши травяные подстилки, воспаляют их. Ночью приходится часто вскакивать, тушить около костра загоревшую траву или телогрейки. Кто хоть однажды оказывался в таком положении или, может быть, пришлось такое пережить, тот хорошо представляет себе длинные холодные ночи и долгожданное утро, а вместе с ним теплые лучи солнца. Желание согреться не покидает ни днем ни ночью. Об этом состоянии писал Григорий Федосеев: «Стланиковые дрова горят ярко, пышно, но без жара. Пламя то вдруг вспыхнет, отбросив на миг подступающую темноту, то печально погаснет, и тогда холод заползает под одежду, леденит расслабленное тело. Мы кое-как устраиваемся и впадаем в полузабытье, в котором события дня фантастически переплетаются с призрачным миром, где нет гарей, распутицы и проклятого холода. Пробуждаясь, мы возвращаемся к действительности, бросаемся к костру - спасительному источнику тепла, способному вернуть бодрость» (Григорий Федосеев «Тропой испытаний». М., Молодая гвардия, 1990, стр. 179).

Прошло еще два дня. На сигнале мы уже не работаем. Плотная пелена принесенного с востока дыма лесных пожаров окутала весь горизонт. Вокруг стоит густая оболочка дымовой завесы. Солнце просматривается красным диском, на него можно смотреть без очков. Горбачев сообщил нам, что вертолетов не будет недели две. Теперь ясно одно: нам придется делать по тайге пешие переходы. Но нас с Николаем больше всего волнует вопрос завершения наблюдений на Джагдакане. Для завершения наблюдений необходима всего лишь одна видимость. Но, судя по обстановке, мы можем просидеть долго, ожидая, когда горизонт очистится от дыма. Дым пожаров на Амуре пришел за сотни верст к нам. Сильно горит тайга в тех местах. Большой урон народному хозяйству будет нанесен в этом году.

Сегодня ночь прошла беспокойно. Еще с вечера решили улучшить условия в нашем убогом полевом жилище. Для этого разожгли дополнительно большой костер с задней стороны, перед земляной обваловкой. Заснули в тепле, а проснулись в объятиях холодной морозной ночи. Два раза загоралась подстилка под нами, и мы спросонья лихорадочно тушили пожар руками и ногами. Рассвет занялся в шестом часу. Солнца не видно. Но вот оно постепенно показывается на горизонте над горами. Оно, багряно-красное, просвечивает сквозь плотную дымку. Вокруг бело от инея. Я поднимаюсь на сигнал. Видимости нет. В радиусе пяти километров тайга вообще не просматривается. Сплошная белая стена. Мыс Николаем сегодня удручены этим обстоятельством.

Утром седьмого октября особых изменений в нашем лагере не произошло. Сидим втроем у костра и тихонько разговариваем. Вернее, разговаривают Анатолий и Николай, изредка поглядывая на меня.

- Ты видел, как спит Саша? - обращается Николай к Анатолию.

- Видел. Весь под телогрейку залез, а около него полыхает подстилка. Я ее затушил. А он ничего, даже не пошевелился.

Утро серое, мгlistое, какое-то влажное. Деревья, кустарники стоят вокруг в белой пелене. Поэтому стало чуть теплее. Видно, погода переменится. Возможно, зарядят дожди. Здесь они нам не нужны совсем, а вот там, на Амуре, они пришлись бы кстати.

День начался с безделья. Николай растянулся на уже ставшей пыльной подстилке, лежит, дремлет. Анатолий замешивает тесто для лепешек. Я ухожу собирать подмороженную бруснику для приготовления брусничного напитка. Он приятный на вкус и полезный.

- Что будем делать, если еще постоит такая скверная погода? Продукты заканчиваются. Нам их уже никто не доставит сюда. Данилыч давно в Бомнаке, - тихо, приподнявшись на локтях, говорит Бурьян.

- Идемте в жилуху. Скоро у меня курево окончится. Чего здесь не дойти. Сколько до Локшака?
- спрашивает Фураев.
- Тридцать пять по тайге.
- Это для нас не расстояние.

Мы уже знаем из разговора с Горбачевым, что надеяться должны только на себя. В верховьях Зеи уже созрела шуга. На Локшак уже вышли три бригады наблюдателей, а две, в том числе и наша, еще в тайге.

Сутра моросит дождь. Холодная погода сменилась потеплением. Сегодня спали дольше обычного. Туман и морозящий дождь перемешались в сплошную серую пелену, похожую на пену. Деревья стоят вокруг, укутанные в сизую вату. Вокруг нашего жилища быстро становится мокро. Разбросанная от костра зола превращается в жидкое черное месиво вперемешку с землей. Мы забрались под тент, где немного теплей, чем снаружи. Костер горит у нас, невзирая на дождливую погоду, весело потрескивает, вырывает из сухой древесины языки пламени. А они, как бы играя, становятся большими и высокими, то резко уменьшаясь, прячутся в дерево, затем вновь возникают. И так бесконечно.

Фураев приготовил свежие горячие лепешки и хитро посматривает на Николая: что-то хочет спросить, но не решается, потом не вытерпел и говорит Николаю:

- Вот к этим красивым лепешкам чего-нибудь сладкого.
- А у тебя что, есть?
- У меня-то давно есть НЗ. Баночка сгущенного молока в рюкзаке.
- Мы же ее должны вскрыть на последних наблюдениях.

Когда экономишь продукты в тайге, то это «экономное» всегда привлекает внимание. Мы бережем последнюю баночку молока для будущих дней, когда начнем после наблюдений отогреваться у костра - тут и кстати горячий сладкий чай. Фураеву эта заветная баночка, наверное, и спать не давала.

- Ну, что будем делать с этой баночкой? - не отстает Фураев от Николая.

Николай посмотрел на меня, ища поддержки. Я молчаливо уклонился от принятия решения. Мне, впрочем, так же как и Фураеву, хочется приложить руку к НЗ, но я не решаюсь это желание сейчас выдать. Тут Николай не выдержал и махнул рукой в сторону Фураева, как бы говоря: «мне все равно, только отстань от меня». Получив молчаливое согласие, Фураев торжественно, у всех на виду, вскрывает банку ножом, потом берет от костра кастрюлю, где у него лежат свежие лепешки, еще горячие; снимает с таганка чайник и подает нам кружки. Все это делает с пафосом, с радостью. В нашу однообразную жизнь это событие по случаю вскрытия банки сгущенного молока стало приятным явлением.

Начинает смеркаться. Быстро закатился октябрьский денек.

Дождь продолжает идти, стучит мелкими каплями по тенту. Мы с Николаем идем на деляну заготавливать на ночь дрова. Кусты мокрые, тропа набухла водой. Валим несколько сушин. К нам присоединяется Анатолий, он таскает дрова к костру. Завершив заготовку дров, мы забираемся под тент, снимаем намокшие от дождя телогрейки и сосредоточенно их сушим у костра. Они к ночлегу должны быть сухие. Ими мы укрываемся.

Перед нашим жильем костер горит ярко, освещая все вокруг на десятки метров. Дождь моросит не умолкая и не заканчиваясь. Анатолий отделяет новое топорище для топора. Старое пришло в негодность. Николай прилег подремать. Я занялся своим дневником. Пытаюсь запечатлеть даже самые мелкие и, казалось бы, незначимые события в нашей полевой жизни. Лесные пожары, а сейчас - дождливая погода в начале октября, не дают нам полноценно работать. Мы знаем наш рабочий потенциал, переживаем за такое длительное сидение на одном пункте. При хорошей погоде мы уже бы были на другом.

Следующий день подарил нам неприятные события в нашей, дружной до этого дня, работе. Несмотря на то, что шедший почти два дня осенний дождь прекратился, видимости по-прежнему нет. Все вокруг серое, мгlistое. Дым застилает тайгу на сотни километров. Фураев с утра ходит хмурый и какой-то ленивый.

- Ты что, Анатолий, нос повесил? Что-нибудь случилось?-спрашиваю его.
- . - Случилось, - хмуро, из-под насупленных бровей отвечает он.
- Что-то серьезное?

- Серьезнее некуда. Как дальше работать? Ни курева, ни продуктов. А еще экспедиция называется.

- Возьми мои припасы, - я протягиваю ему свою баночку из-под чая, где осталось на несколько самокруток табака.

- Не надо. Я чужой не курю.

К нашему разговору подключается Николай. Он вынимает из полевой сумки табакерку и подает Фураеву.

-Денька на два хватит. А там, может, уйдем на продточку. Покапризничав немного, Фураев сдался и ссыпал оставшийся табак в свою табакерку. Оказалось, что к табаку недостает газеты для самокрутки. Она у нас закончилась. Какой выход? Мы переглядываемся с Николаем, не желаем обострять напряженную обстановку. Я ему говорю:

- Есть выход.

- Какой?

Я показал ему на толстую инструкцию по наблюдению триангуляции. Он молча качает головой, затем аккуратно вырывает из книги несколько страниц, передает их Анатолию, Фураев молчит, насупился, не может смириться с тем, что мы с ним не поделились поровну, а отдали все, что у нас было в личном запасе. Он этого не ожидал. Но одновременно я уловил в его последующих действиях то, что он не думает мириться с сегодняшними условиями быта на пункте, а затаился еще для какого-то неожиданного действия.

Через день так и вышло. С утра Анатолий принес несколько бревен, досок от сигнала, где на земле строителями были разбросаны отходы после сборки сигнала. Как я потом догадался, это были детали козлов, на которых собирался сигнал. Спалив их в костре, Анатолий палкой начал ковыряться в золе. Оказывается, он делал запас обгоревших гвоздей, костылей. Тут же на пне он их топором распрямлял.

- Ты чего делаешь? Зачем тебе гвозди? - спрашивает его Николай, видя злое и хмурое настроение Фураева

- Плот сделаю и сплавлюсь до Бомнака. Мне такое житье не надо.

- Один не дойдешь по тайге. Заблудишься.

- Не дойду если, тогда плыть буду. За неделю доберусь. К черту такое счастье.

- Так не пойдет. Тогда давайте вместе будем выходить. Выходим завтра рано утром, - говорит серьезно Бурьян.

Я молчу, не вмешиваюсь. Не одобряю эту затею с незапланированным переходом. Оставить пункт ради одной затяжки табака, отмотать по тайге восемьдесят километров туда и обратно - это просто безумие. Меня уже разбирает зло на Анатолия.

- Ты чего разнюнился? Нет курева, значит, надо бросить и работать. Бурьян за тебя и за меня головой отвечает. Если так, то давай, - обращаюсь я к Николаю, - его одного отправим. Дай карту.

Мы с Николаем внимательно смотрим путь от нашего пункта до берега Зеи и дальше до Локшака вдоль берега.

- Вот, смотри, - Николай ведет по карте пальцем. - Тропа начинается от устья ручья Онон, что впадает в Якодokit, хорошая нартовая тропа, она выходит на берег Зеи в районе старой метеостанции, а дальше вот по этому прижиму вверх по течению до Локшака. Здесь всего четыре километра.

Анатолия надо хорошо подготовить. Опасно по тайге одному, но делать нечего. Нам всем, конечно, не стоит уходить. А вдруг видимость.

Приняли решение отправить Фураева на базу партии за продуктами завтра. Вечером обсуждаем все детали перехода, показываем Фураеву на карте его предстоящий путь. Рисуем крупную схему маршрута с ярко выраженными ориентирами.

Рано утром, позавтракав, мы снарядили Анатолию рюкзак: немного продуктов, спички, маленький топорик. Карабин передали ему. В дороге надо себя обезопасить оружием. Взяв азимут по компасу, мы по прямой пошли по подмороженной мари к реке Якодokit. Это в пяти километрах от пункта. Я делаю на деревьях двухсторонние затесы для обозначения пути. Больше, конечно, для Анатолия, который в лесных зарослях может не отыскать нас при возвращении.

- Чаще оборачивайся назад. Запоминай ориентиры, - советую я по пути Анатолию.

Их я делаю длинными и широкими, на уровне головы. Они издали хорошо просматриваются, так что он не сможет сойти с маршрута;

На левый берег Якодокита Анатолий переходит по пояс в обжигающе холодной воде. Выйдя на берег, он присел на большой камень, вылил из сапог воду, отжал портянки и брюки, вскинул рюкзак и карабин за плечо, помахал нам рукой на прощанье и ушел по нартовой тропе вперед, по неизвестному для него маршруту.

Вернувшись на пункт после проводов Анатолия, мы, немного отдохнув, идем заготавливать дрова на ночь. Заготовка дров отнимает у нас много времени. Хотя времени из-за отсутствия видимости хоть отбавляй. Это занятие нас особенно не угнетает, потому что знаем: за нас эту работу здесь никто не выполнит.

В погоде в этот день имеются некоторые обнадеживающие нас явления. Вроде, видимость начала открываться, показав могучие отроги Станового. Туман, вызванный дождем, начал рассеиваться, но дымка от пожаров по-прежнему держит тайгу в своих объятиях. Природа готовится к приходу зимы. Несмотря на то, что еще припекает солнце, на земле уже подмороженная кожура из мха и листьев. Марь подстыла основательно, ходить по ней одно удовольствие. Вверху ледяная корочка. Ноги ступают твердо, как на сухое каменистое место. Мы сидим с Николаем около костра. Скучно без Фураева. Молча пьем чай. Говорить почти не о чем. Находимся в каком-то томительном тревожном ожидании. В мыслях мы там, на таежной тропе, вместе с Анатолием.

Николай смотрит на часы и тихо говорит:

- В это время должен подходить к старой метеостанции, а может, уже дошел до Локшака. Костер уже начал заметно догорать и просит новую порцию дров. Сегодня свалили две сухие лиственницы метров по пятнадцать каждая. Этого запаса дров должно нам хватить на ночь. Экономия бывает только в том случае, когда мы долго спим, согретые теплом костра, и не встаем до тех пор, пока мороз не начинает нас поднимать от холодной подстилки.

На следующий день нам повезло. Впервые после более чем недельного перерыва появилась удовлетворительная видимость, и мы отнаблюдали второклассную программу. От такого счастья мы были на седьмом небе. Даже позабыли про наш неуют, про голодные желудки, про все, что осталось позади. Поэтому в течение всего дня, иногда даже позабыв бросить крошку в рот, мы находимся наверху у инструмента. Спускаемся тогда, когда от холода стоять немогут. Чуть обогрелись у костра, мы вновь и вновь спешим на сигнал. Опустившееся солнце не позволило поработать нам еще минут тридцать. Надеемся на завтрашнюю видимость. Наступили третьи сутки как Фураев ушел на базу партии. Ожидали его вчера, но день закончился, а он так и не появился.

Новый день одиннадцатого октября начался для нас обычно. После ночного дождя всюду влага. Но по всем признакам сегодня день обещает быть хорошим. Об этом говорит всходившее яркое солнце, которое постепенно заполняет горизонты своими лучами. Редкие облака блудливо бегут от него, как бы испугавшись за ночной дождь, который чуть подпортил установившуюся еще два дня назад осеннюю запоздалую теплоту. Я знаю, что это последние деньки перед безмолвием предстоящей зимы. Горизонт на все стороны света в сизой дымке.

После небольшого скромного завтрака мы продолжаем завершать работу на пункте. Условия, в которых мы живем, начинают приобретать устойчивый режим существования, становятся уже привычным укладом быта. Вроде бы нормальным явлением становятся холодные ночи и короткие сны между холодом и теплом. Мы перестали замечать, что наша одежда обтрепанная и грязная, а сами мы прокоптились дымом.

Время шесть часов вечера. Мы с Николаем смотрим друг на друга с некоторым волнением. Тревожные мысли лезут в голову. Чтобы как-то уйти от такого состояния, мы с Николаем находим удовлетворение в другом занятии - пилим дрова с запасом, переносим длинные чурбаки к костру.

Занятые этим делом, мы в промежутках между распилом дров услышали с северной стороны треск сучьев. Кто это мог быть рядом? Медведь? Он бы затаился и не ломился напрямик к людям. Треск сучьев все ближе и ближе к нам. Вот, наконец, из-за кустарника появилась голова человека, шумно дышащего. Нашей радости не было предела. Помогаем Анатолию сбросить тяжелый рюкзак. Он садится, уставший и мокрый после тяжелой дороги. Довольными глазами смотрит на нас и, окая, говорит:

- Ну, я дома. Устал немного. Утром вышел и погнал к вам. доставайте гостинцы. Тебе, Саша, письма из дома.

Вынимаем содержимое рюкзака. В нем есть все, что нужно таежникам: чай, сахар, сухари, махорка, крупа, консервы. Этого запаса нам хватит дня на три. Больше нам и не надо. Ставим на костер кастрюлю и чайник.

- Саш, - говорит Фураев, - там три рябчика. Подстрелил по пути.

- Карабин на базе оставил?

- Вот вместо него дробовое ружье. Оно нам пригодится.

Я начинаю готовить рябчиков в суп. Летят на землю перья и пух. Вскоре они забулькали в кастрюле, разливая аппетитный аромат дичи вокруг нашего лагеря. Пока готовится ужин я успеваю прочесть все письмо от жены, узнать новости и чуть-чуть взгрустнуть, вспомнив любимого человека, который ждет меня далеко отсюда.

- Толя, рябчиков много? - спрашивает Николай.

- Полно в лесу. Я когда перебрел реку, чуть поднялся от берега, там стайку обнаружил. Трех успел прихватить, а остальные разлетелись.

А мы здесь ничего не видели. Тут только вороны летают. Они наглые. Банку фарша у нас стащили, - рассказывает Бурьян.

- Ту, последнюю? - удивляется Фураев.

- Вот ту, последнюю, и стащили. Тогда мы полбанки перед твоим походом утром поели, а остальное оставили у костра. Тебя проводили, пришли сюда, а здесь уже две вороны поработали вовсю. Они все доели, до дна. Фарш-то вкусный. И сидят после этого вон на тех сушинах, - Николай показывает Анатолию рукой на высокие сухие лиственницы. - Сидят, глядят на нас сверху вниз и «Крр! Крр!». Собаки несчастные. Обидно, что сами не доели. Они сидят и не думают улетать. Видно ждали, что мы, простачки, еще что-нибудь оставим. А кроме той полбанки фарша у нас уже никакого съестного богатства не было. Мы с Саней палками согнали воровок.

Фураев смеется от этой новости:

- Наказали вас вороны здорово, - говорит он. - А я ничего, быстро дошел. Солнце еще не скрылось, я уже был на базе. Утомился здорово. Да и бежал быстро. Думал, что медведь идет по моим следам. Оглянусь назад - нет, ничего не видно ~ и дальше иду. Тропа-то ничего, хорошая. Чуть поплутал около метеостанции. На базе Горбачев все расспрашивал меня как там вы. Я сказал, что держимся и будем держаться, если нашей Родине нужны позарез карты. Он похвалил нас. Никто в таких условиях, как у нас, уже не работает, а мы работаем. А у вас как с наблюдениями?

- В основном, все завершили. Послезавтра уходим на Локшак.

- Это хорошо, - спокойно говорит Анатолий, и мы видим, что он почти закрывает глаза от усталости.

Мы успокоились за благополучный исход путешествия Анатолия. Еще долго сидим после сытого ужина, беседуем. Анатолий поддерживает наш разговор, а потом уже в двенадцатом часу прилег на подстилку, свернулся калачиком и захрапел.

В эту ночь я почти не спал. Крепкий вечерний чай, выпитый на радостях, сказался на психологическом состоянии. Чуть забрезжил рассвет, я уйду за водой на марь. В ручье умылся ледяной водой. Ручей покрыт уже тонким льдом. А на небольшом перекате он не застыл, тихо журчит, будто жалуясь на свою судьбу. Скоро весь ручей промерзнет до дна, и будет ждать весенних теплых дней, чтобы вновь зажурчать и радовать все живое.

Видимости нет. До сих пор над тайгой сохраняется еще дымка, обложив тонкой пеленой все окрестности. Небо сегодня облачное, солнца не видать. Если днем сохранится высокая облачность, то наблюдать при отсутствии дымки можно с удовольствием целый день. Подходя к спящему лагерю я интуитивно чувствую, что сегодня мы завершим последние измерения, а завтра уйдем на базу партии. Ребята спят кто как может укрыться под телогрейкой. Лучшая поза, конечно, калачиком. Они так и спят. Я тихо ставлю чайник, подбрасываю в костер толстых дров и усаживаюсь рядом.

Подошло время связываться по радию с Горбачевым. Беру радию и ухожу к сигналу, где у нас почти на высоту сигнала довшана антенна. Настраиваюсь на нужную волну и вызываю позывной базы партии. Услышав меня, Горбачев спросил об Анатолии, дошел или нет; а потом попросил передать связь Николаю. Я кричу Николаю. Бурьян подробно докладывает обстановку по завершению работы и согласовывает завтрашний выход на базу партии. От этого решения в душе нарастает радость. Мы приближаемся уверенно к тем дням, когда зейская тайга останется

под вертолетом, когда все наши лишения полевой жизни мы будем вспоминать в теплых уютных квартирах как обыденные дни, оставшиеся далеко-далеко. Безусловно, наша память сохранит надолго все испытания, происшедшие с нами не как какие-то неприятные явления, а наоборот, как познание самих себя с помощью природы.

Сегодня вечером в полном объеме закончили все дела. Рюкзаки соберем завтра утром, они нам еще нужны на одну ночь в качестве постели. Гора Джагдакан останется местом, где мы, несмотря на трудности в быту и в работе, преодолели все препятствия, сохранили в нашем маленьком коллективе дружеские отношения, не поддались слабостям в трудные минуты, не снизили до низости человеческий отношений. Мы победили трудности. Мы выдержали все испытания.

Последнюю ночь мы спим спокойно. Если это можно назвать так. С вечера костер разложили хороший, высокий, уложив почти все дрова, припасенные про запас. Несколько раз просыпались, но не надолго. Возможно, наш организм начал хорошо адаптироваться. Поэтому холодок, так беспокоивший нас до этого ночью, уже не воспринимается.

Дождавшись того момента, когда солнце уже оказалось достаточно высоко и начало греть, мы выступили в путь. Сегодня тринадцатое октября. Число-то какое неудобное - чертова дюжина. Для нас оно должно оказаться успешным в наших делах и помочь преодолеть трудности предстоящего перехода.

По традиции присели на оставшиеся около нашего жилища бревна. Я оглядываю наше место. Как обычно, в эти минуты прощания с сигналом, мне всегда становится грустно. Стараюсь как можно больше запомнить о том месте на земле, чтобы когда-нибудь, при каких-то знакомых обстоятельствах, вспомнить эпизоды из своей полевой жизни.

Мы уходим от сигнала по уже знакомому пути до реки Якодокит. За спинами внушительных размеров рюкзаки с геодезическим житейским скарбом. Марь хорошо подстыла, но в отдельных местах ноги внезапно проваливаются между кочек. Идем средним размеренным шагом, сохраняя силы на дневной переход. Мы идем с Николаем так, что всегда отстающий от нас Анатолий идет сзади шагах в пяти. Заморосил мелкий холодный дождь. Пережить его нам некогда. Затесы на деревьях, которые я делал, помогают нам, и мы вскоре выскочили на реку Якодокит.

- Гляньте, - говорит Анатолий, - шуга уже пошла. А когда я переходил, ее не было.

Действительно, неширокая, метров пятидесяти, река уже превращена в белую ленту,двигающуюся между невысокими берегами. На той стороне начало тропы, которая дожидается сегодня только нас, чтобы увести подальше от этих мест.

- Думаю, чтобы не замочить брюки до пояса и портянки, я буду переходить на босую ногу.

Сапоги без портянок надены, - рассуждает Николай.

- Вообще-то, Коля, ты дело советуешь, - соглашаюсь я с ним.

Мы раздеваемся до пояса, на голые ноги надеваем резиновые сапоги, подтягиваем рюкзаки повыше, чтобы не замочить их. Берем в руки палки расталкивать лед. Делаем первые шаги в ледяную воду. Сначала холод до онемения ног, а затем дальше по плывущему ледяному салу без остановок. Вроде, стало жарко телу. Упрямое течение мешает быстро идти, подталкивает в левый бок, пузырится у пояса ледовая каша. Ну вот, наконец пройдено расстояние вброд по ледовой каше. Выливаем из сапог воду. Стоим голыми ногами на острой речной гальке, а боли к подошвам вообще не чувствуется. Стоять некогда, надо шевелиться. На берегу у тропы разжигаем костер, сушим сапоги. После ледяной бани нужно выпить по кружке горячего чая. Быстро вскипел чайник, и мы согреваемся.

Привал длится около часа. Хорошо обсушившись и согревшись горячим и крепким чаем, мы продолжаем свой путь от Якодокита. Хорошая нартовая зимняя тропа петляет среди лиственниц, сбросивших свою хвою прямо на нее. Идем словно по городской аллее, посыпанной желтым песком. Тропа на возвышенностях твердая, переплетенная корнями высоких лиственниц с торчащими камнями, которые нам приходится частенько обходить. Спускаясь на марь, тропа делается кочковатой, разбитой ногами оленей. Грязь, вода, кочка. Недавно каюры, работавшие у строителей, перегнали оленей в Бомнак. Примерно полмесяца назад.

Километр за километром мы приближаемся к базе партии. Солнце постепенно оседает к западу. Пройдено полпути. Тридцатипятикилограммовые рюкзаки не позволяют нам быстро двигаться. Останавливаемся у безымянного ручья: чуть отдохнуть, а затем выполнить задание Горбачева

по маркировке сигнала, стоящего в двух километрах от нашей тропы. А утром дополнительно по радиации нас попросил об этом наблюдатель Король с соседнего участка. Взяв с собой несколько метров белой марли, мы быстрым шагом прошли двухкилометровое расстояние до сигнала. Тканью обвязали крышу сигнала. Сейчас она будет просматриваться издалека. При наблюдении с соседнего пункта триангуляции этот сигнал и визирный цилиндр не видны наблюдателю, потому что сигнал проектируется на лес. Потемневшие детали старого сигнала сливаются с лесом, и его нельзя увидеть в теодолит. Завтра уже с базы партии уточним результаты нашей помощи Королю.

Солнце село за горизонт. Мы продолжаем свой путь по еле заметной тропе, находящейся в тени. Хлюпаем по тропе в темноте. Тропа начинает подъем. Она пролегает, петляя, по каменистому склону. Уже не видно мелких камней, и ноги все чаще и чаще проваливаются в дыры между ними. Подошли к ручью, упрятанному под крупной россыпью камней. Он журчит у нас под ногами. Одно неосторожное движение в темноте - и я по пояс в воде. Выливаю воду из сапог. Выжиматься некогда. Мы спешим к Зее. Впереди посветлело. Вырываемся из темной тайги на берег Зеи. Тропа выводит нас на старую метеостанцию. Около покосившейся, без окон, бревенчатой избы высится высокая антенна. Неподалеку торчат на четырех столбах старый лабаз под крышей. Когда-то этот берег был обжитой, с людьми. За избушкой метеорологов сразу обрыв к Зее. Рядом старая, заросшая травой, тропка к реке. По ней мы спускаемся и делаем небольшой привал у воды. Отсюда до Локшака четыре километра.

Становится все темней. Осеннее солнце почти упряталось в горах и в тайге. Обмелевшая Зея по-прежнему несет и несет свои чистые воды к Амуру. Ее берега обнажили осенний наряд. Там, где летом из-за густых зарослей ничего нельзя было увидеть, сейчас через их просветы далеко видна тайга: голая, почерневшая, а кое-где в хвосте. Да и листья на отдельных кустарниках еще цепко держатся, не желают расставаться с родными веточками.

- Анатолий, где проходил прижим? - спрашивает Фураев Николай.

- Я же засветло начал его проходить. Вон там он начинается, - он показал рукой на высокий берег и усыпанные крупные камни. - А дальше еще крупнее. Их обходить надо. Днем хорошо, а сейчас как будем, в темноте-то?

- На ощупь, - обрадовал его Николай. Ну, парни, последний рывок - и мы почти в раю.

Вскидываем рюкзаки и размеренным шагом пошли по берегу, спустились ближе к воде. Острые камни продавливают подошву резиновых сапог до боли. Скорость сразу же заметно снизилась. Впереди километровый прижим. Около двух часов преодолеваем его в темноте. На ощупь обходим огромные валуны. Одно неправильное или неосторожное движение без опоры - и фазу же гремишь на камни. Шум шагов, бряцанье штатива о камни, тяжелая наша поступь и шумное дыхание уставших людей слышны рядом, но это все глушит Зея, перекачивая свои воды рядом у наших ног. Наконец пройдена каменная преграда, которая не хотела нас пропускать дальше этого места, созданного природой, наверное, специально для нашей проверки на прочность. Камни, темнота и шум реки окружают нас. Частенько, окликнув друг друга в темноте, садимся передохнуть. А Фураев позабыл даже свернуть самокрутку.

Вскоре за прижимом за поворотом реки замерцали огни метеостанции на противоположном берегу. Мигнут и скроются. Ноги сами начали чуть резвее, почуввав, что скоро отдых. Мы остановились напротив огней тихого таежного поселка, сняли рюкзаки и уселись на холодные камни, уставшие от физического напряжения дневного перехода.

- Э-ге-гей! - сложив рупором ладони, кричу я обитателям на левом берегу.

Через некоторое время раздался ответный крик:

- Сколько вас?

- Трое! - кричим хором, радостные оттого что нас услышали в этот поздний час.

Мы слышим лязг цепи, а затем всплески воды. Из темноты вынырнула длинная черная лодка, как огромная рыбина. На корме стоит с шестом незнакомый парень. Рюкзаки полетели в лодку. Беру в руки второй обледеневший шест и помогаю ему толкать лодку к другому берегу.

«Ура! - в душе кричу я, - мы на месте».

От берега, тяжело ступая, поднялись к избушке Горбачева, в окне которой тускло мерцал свет.

Бурьян постучал в низкую дверь.

- Проходите, - раздался голос из-за двери. Мы вошли, пригибаясь от низкого потолка.

В глубине избушки за грубо сколоченным столом сидел Горбачев. Он был в майке, в спортивных брюках и, как мне показалось, по-домашнему уютный и чистый. На одной стене

прилепился стеллаж из жердей, где уже лежали горы папок с полевыми документами партии. Перед Горбачевым на столе стопкой виднелись журналы наблюдений, над которыми он уже работал. Мы прервали его. Стоим у дверей и молчим, а он, щурясь, внимательно рассматривает нас.

- Откуда, ребята? Кто такие?

У меня мелькнули мысль: «Неужели не узнал нас?»

- Да это мы, Борис, - глухо проговорил Бурьян.

- Да кто мы? - удивленно переспросил второй раз Горбачев, - неужели Бурьян и Саша?

- Мы самые и есть, - отвечаю я. - Что? Не похожи?

- Вот сейчас-то разглядел. В темноте не видно. Ну, скелеты, черные. Поддошли здорово вы, ребята. Давайте, раздевайтесь. А я чайку сварганю сейчас.

Он подбросил дров в железную печку, поставил кастрюлю и чайник.

- Голодные, наверно, как волки? Продержались все-таки там. Молодцы. Что вышли с поля - молодцы. В основном, уже все съехались, только одна бригада сидит на гольцах, на Джугдыре. Вон, видите, журналами обложился.

Разговаривает с нами Горбачев на ходу, успевая то чашки поставить на стол, то проверить готов ли чайник, разогрелось ли в кастрюле. От тепла и уюта мы чуть ли не закрываем глаза, сидим и слушаем его. В избушке становится жарко. Мы раздеваемся до пояса. Я спрашиваю Бориса, где можно умыться. Он кивает головой за дверь, на улицу. По очереди ополаскиваем лицо холодной водой из канистры, стоящей около входной двери. Становится немного бодрее. Спать уже не хочется.

- Ребята! К столу! А за выход с пункта - давайте «по наркомовской».

Он достает из шкафчика бутылку водки и наливает нам в кружки до половины. Мы ужинаем не спеша. Усталость берет свое. Аппетита особенного, как мы когда-то мечтали на пункте, когда остался один яичный порошок, у нас сегодня нет. Это замечает Горбачев:

- Что-то не вижу блеска в глазах. Давайте, ешьте. Я тут вас в пример всем ставил. Только снег в горах привалил, чуть ли не стон от отдельных бригад пошел - быстрее вывози на базу, уже холодно. А я им говорю, вон бригада Бурьяна без палаток, без спальных мешков, одетые полетному, работают и не раскисают, не просятся на базу и не бросают работу. У нас на участке в верховьях Зеи один пункт остался не отработанным. А без него участок не завершишь. Отказываются, ссылаясь, что полевой сезон закончился. Завтра с вами на эту тему поговорим отдельно.

Глава 13. У Джугдыра.

Глубокий сон и покой пришли к нам тогда, когда расстелив на полу спальные мешки, не свои, а взятые со склада базы, мы улеглись в них, забыв все на свете. Наши спальные мешки в то время находятся еще под горой Унмакан в оставленной палатке.

Наш сон длился долго. Усталое тело требовало отдыха. Мы, честно говоря, уже отвыкли от теплого спального мешка и теплой избушки. Для нас становилось там, на Джагдакане, уже привычным делом спать не раздеваясь, на подстилке из сухой травы, мгновенно просыпаться от холода или от горевшей под тобой постели в глубокую ночь, отирать от голой земли примороженные волосы на голове, довольствоваться несколькими ложками еды или пить горячий кипяток, приправленный брусникой или голубицей. Наш организм привыкал, сознание постепенно менялось в направлении самосохранения в любых условиях.

Встали мы дружно вместе. Уже около десяти утра. Я иду умываться на Зею. Сегодня хорошо она просматривается сверху, от избушки Горбачева. Ледовые забереги, мелкое русло и блестящая на солнце темная вода. Берега стоят пустые, без летней зелени, с голыми деревьями и кустарником. Сегодня красота особенная. Чувствуется, что наступило время зрелой осенней поры.

Природа готова перейти со дня на день во времена зимней. Я это ощущаю во всем, что меня сейчас окружает. День сегодня солнечный. Обитатели метеостанции, вышедшие из тайги геодезисты партии наблюдателей Горбачева, сейчас составляют население Локшака. У метеорологов сегодня обычный рабочий день, они уже сидят за приборами, снимают показатели с установленных на улице метеодатчиков. А у нас сегодня выходной.

В полдень произошло примечательное событие в жизни тихого населенного пункта, затерявшегося на зейских лесных просторах. В основном все население высыпало на берег встречать причалившего на лодке начальника метеостанции. Его возвращение связано с удачной рыбалкой. Во всю лодку лежит огромных размеров рыба, с толстенной и крупной головой. Это царь-рыба - таймень.

Мы помогаем вытащить его из лодки. Еле-еле справляемся с этой задачей втроем. Тут же кто-то подскочил с фотоаппаратом. Такой случай бывает редко в судьбе рыбаков. Длина тайменя оказалась рекордной. Один метр девяносто сантиметров! Знающие толк в рыбе только покачивают головами. Подкараулил рыбак такое страшилище под корягой в темном месте. Его обычным крючком с леской не возьмешь. Пришлось применить ружье. Вот это рыбалка!

Вечером весь поселок пробовал уху или котлеты этого великана.

Сегодня во второй половине дня мы собрались у Горбачева на беседу о планах на последние дни. Как он нам сказал вчера, на участке остался один пункт не отработанным. Никто не желает вылететь туда. О важности этого пункта говорить и разъяснять нам не приходится. От него зависит стыковка геодезических измерений двух участков и подготовка данных для их камеральной обработки. Горбачев молча сидит. Он все объяснил. Теперь ответ и дело зависит от нас.

- Вообще-то вы можете отказаться. Я вас не могу морально и по-человечески заставить вылететь завтра и отработать этот пункт. Знаю ваше физическое состояние. Но просить кого-то и надеяться мне сейчас не на кого. Есть, конечно, вариант: дать задание бригаде, которая сидит на гольцах в эти дни. Они могут быть переброшены хоть сегодня. Но я больше уверен в успехе именно при вашем участии.

Сидевший рядом со мной Фураев, который молчит всегда, не вмешивается в разговор, тут вдруг тихо сказал:

- Не знаю как Коля с Сашей, а я поеду. Почему не помочь. Мы-то уже закаленные. Пишите меня в список добровольцев.

Фураев тем самым подтвердил наше общее согласие завтра вылететь на отдаленный пункт триангуляции. Борис облегченно вздохнул.

- Ну, вот видите, как получается? Выручили вы меня. Вертолет заказываю на завтра? - обращается он к нам.

- Чем раньше, тем лучше для нас. Только как быть с палаткой, что под Унмаканом? Второе: если собираться примерно недели на две, то экипироваться надо по-зимнему, - говорит Бурьян.

- Вертолет в Бомнаке? - спрашиваю я Горбачева.

- Конечно там. Вертолет по пути на Лошак залетит за вашим грузом, потом сюда. После этого сделает два рейса с вами.

До пункта около пятидесяти километров. Возьмете зимнюю одежду: валенки, шапки, рукавицы, телогрейки свои замените на новые. А-то смотреть на вас стыдно: прожженные, копченые, дырявые. Печка там у вас хорошая? Да, чуть не забыл, что с теодолитом? Давайте, возьмите вот этот на замену - Горбачев похлопал по футляру стоящего рядом со столом теодолита. - Он поверенный, в хорошем рабочем состоянии. Новые батареи возьмите.

Раацию заменим вам. Продуктов подберите побольше, чтобы хватило на весь период работы.

Надеюсь на вас, ребята.

Мы еще долго сидим, обговариваем детали. Потом я уйду с Фураевым на склад. Он тут же, во второй половине избушки, в пристрое. Отбираем зимнюю одежду, продукты, упаковываем в мешки. Фураев считает пачки табака.

- Продуктов мне не надо, а вот табачок нужен каждый день.

- Ты подбери себе костюм новый, энцефалитку замени.

Зимнюю одежду мы подобрали себе по размеру.

- Иди, зови Бурьяна. Пусть он себе примерит, - отправляю Фураева за Николаем.

Вторая половина дня ушла у нас в хлопотах по подготовке к вылету на пункт. Николай за это время уточнил технические стороны работы. А вечером мы от души парились в небольшой баньке. Усталости, вроде, как и не было.

Утром пятнадцатого октября еще лежим в теплых спальных мешках; Борис ушел на связь с подразделением, которое стоит на гольце. Да и в Хабаровск надо доложить обстановку. На какое время будет назначена наша заброска узнаем у Бориса после связи.

- Ребята! Подъем! - окает Фураев.

Бурьян развернулся в спальнике:

- Время сколько?

- Девятый час.

- Еще немного дай, Фураев, полежать. Курить тебе, что-ли, пора пришла? Ну, покури. А другим не мешай. Вот лучше бы завтрак хороший приготовил.

- Это можно. Пока у продуктов сидим. Я поднимаюсь, - отвечает Анатолий. - По заказу завтрак или еще как?

- Можно по заказу, но так, чтобы получился хороший завтрак.

Анатолий встал, свернул спальник.

- На костре будем кипятить или на печке?

- На костре, на свежем воздухе. А здесь душно будет.

Приятные минуты отдыха переживаем мы в эти дни. Неужели люди могут вот так утром встать, не спеша собраться и пойти на работу во всем чистом, и сами чистые, сытые, теплые?

Успокаивает нас только одно постоянное обстоятельство: наш домашний уют длится сезон, до шести месяцев в году. А остальное время мы ходим на работу сытые, чистенькие и теплые.

Поэтому нам не стоит завидовать тем, кто живет в однообразии. Зато мы видим живую природу, соприкасаемся с ней, проверяем себя в этих условиях. Такова наша профессия.

Как нам сказал Горбачев, вертолет из Бомнака будет в Локшаке около четырех часов. К этому часу мы с грузом уже сидим на вертолетной площадке на широкой косе берега Зеи. Первым рейсом на МИ-1 улетают Николай и Анатолий. Спустя полчаса он прилетает за мной. Я укладываю оставшийся груз слева от себя: рюкзаки, штатив теодолита, двуручная пила. Я прощаюсь с Борисом и усаживаюсь сзади пилота. Взревел двигатель, и мы уже вверху. На косе машут мне рукой знакомые ребята с метеостанции. Вертолет делает разворот на восток к Джугдыру. Внизу обмельевшая Зея. Блестят на солнце ее перекаты, как рыба чешуя.

По земле бежит, не отставая от нас, тень от вертолета. На востоке синеют громады гор, темные глухие распадки, змейками пролегли ручьи. Спустя пятнадцать минут полета вертолет уже нацелился на посадку. Вижу издали две черные точки, которые с приближением превращаются в человеческие фигуры. Это Николай и Анатолий. Вертолет идет прямо на них. Приземлились. Вещи выкидываю на речную гальку. Вертолет облегченно отрывается от земли и улетает в Локшак.

Место, куда нас доставил вертолет, располагается на косе Зеи, в ее верховьях. Пункт триангуляции отсюда находится в четырех километрах на могучей, почти залесенной вершине.

Подход к ней не простой.

Вечер нас застал у подножья горы, в темном распадке у ручья. Место красивое, суровое и дикое. На ночь устелили пол палатки мягкими стланиковыми ветками.

Утро следующего дня мы встретили у начала подъема на вершину. В глухой распадок еще не проникает вставшее давно солнце. Поэтому здесь еще царит ночная прохлада и потягивает вдоль распадка бодрящий ветерок.

Связываемся по радию с Горбачевым. Бурьян доложил ему обстановку и записал радиограмму. Руководство экспедиции предупреждает руководителей партий и бригад об усилении охраны труда и техники безопасности. Категорически запрещено передвигаться по тайге группами менее трех человек. Тут же предупреждение об усилении бдительности, связанное со случаями нападения хищников на людей. Как пример в радиограмме указан случай с двумя геодезистами в Красноярском крае, погибшими при столкновении с медведем. Предупреждение серьезное, надо быть начеку.

Солнце еще не коснулось нашего лагеря, оно где-то наверху, куда мы сейчас уходим. Рюкзаки получились тяжелые, около тридцати пяти килограммов. Забираю дополнительно к рюкзаку карабин и штатив от теодолита. По каменистой россыпи от ручья поднимаемся в объятия могучих лиственниц, упирающихся в небо. Издали, по сравнению с могучей горой, они на склоне кажутся кустарником. А вблизи это мощные стволы с густой кроной. Хвоя с них уже облетела. Она мнется под ногами.

После первого привала через час подъема я договариваюсь с ребятами, что я сейчас оторвусь немного вперед. Прежняя скорость подъема меня не устраивает.

- Отрыв будет незначительный. Порядка метров триста. А вы потихоньку карабкайтесь и не гонитесь за мной.

Я привожу свое дыхание после привала в нормальное состояние и затем начинаю подъем с выдохом на два шага. При этом надо не сбиться. Крутые подъемы обхожу серпантином. Так легче, хотя удлинится путь. И вот через некоторое время, когда я вошел в рабочий режим подъема, выхожу на каменистый кулуар, замшелый по бокам. Впереди на высоте примерно более двух метров мой путь преградила громадная старая валежина. Я остановился в нескольких шагах от нее и начал осматривать наилучший обход препятствия. Вдруг до меня донесся шум перекатывающихся камней сверху. Что бы это могло быть? Вроде, кто-то живой вверху. Через несколько секунд на меня смотрят два глаза на бурой голове. По инерции медведь, бежавший вниз навстречу нам, не зная, что мы идем ему навстречу, увидев неожиданно меня, стоящего внизу, уперся передними лапами в валежину, чтобы задержать на миг все тело. У него это не получилось и он сделал прыжок вбок от меня. Я пригнулся и рванул вперед под валежину. Мы разошлись с медведем в какие-то секунды, напуганные друг другом. Рюкзак придавил меня к земле и я делаю впопыхах движение назад и не могу двинуться. Штатив уперся в корень дерева и не дает хода. Лихорадочно вырываю штатив и на четвереньках выползаю из-под валежины. Она спасла от удара, не съехала на меня под тяжестью медведя.

Быстро снимаю перекрещенные накрест карабин, штатив, рюкзак и оглядываюсь.

Передергиваю затвор карабина. А это действие уже запоздало. Медведь, испугавшись нашей встречи, наверное, уже далеко улепетывает по склону горы. Немного придя в себя после такого неожиданного стресса, я сажусь на камни и поджидаю ребят. Минут через пятнадцать они присоединяются ко мне, сбрасывают рюкзаки.

- Ты не слышал ничего? Какой-то шум в этом месте был.

То ли камни стучали, то ли деревья трещали.

- Нет. Может быть, вам послышалось. - не хочу рассказывать, чтобы не жить под страхом встречи с медведем, как это было на Унмакане. Да и сегодняшняя радиограмма вдобавок к этому случаю со мной.

- Ну, тяжело, братцы! Совсем выдохся, - говорит Фураев, - и как ты, Саша, успеваешь идти так быстро.

- Дышать надо правильно. Да и твой табачок тебе в этом случае не друг, а враг твой, - отвечаю я ему.

- Все, ребята, не ходок я в экспедицию больше. Милое дело на вертолете. А курить я не брошу.

- Твое дело, конечно. Эта горка еще ничего. Можно идти.

- Вперед, мои друзья! - говорит Бурьян, поднимаясь, - скоро вершина, и нас ждет заслуженный отдых.

Примерно через час подъема через густые заросли стланика и невысоких сосенок появилось небо, просветы. Вершина рядом. Пробираемся с шумом через густые заросли стланика, и впереди показался сначала черный визирный цилиндр сигнала, и спустя некоторое время все деревянное сооружение. Мы дома.

Опростав рюкзаки, мы через час ушли вниз к Зее, чтобы сегодня занести на сигнал еще часть оставшегося там груза. В сумерках мы вернулись на сигнал, установили палатку. Вторая палатка, и походная печка, и другое снаряжение осталось на косе внизу. Чуть позже заберем.

Пункт триангуляции старой постройки, двадцатиметровой высоты до столика. Еще достаточно крепкий. Сейчас мы находимся рядом с гольцами Джугдыра. Тут до них рукой подать.

Где-то там, недалеко, восточнее от нас на гольце еще работает одна бригада наблюдателей партии Горбачева. Не сладко им сейчас там; скалы, снег и ветер. Растопить костер для них проблема. Где взять дрова? И приходится им спускаться с гольца до первых кустиков на склоне, чтобы наложить их в рюкзак, а на вершине экономно сжигать.

Сегодня семнадцатое октября. С утра мы работали на сигнале. Погода на изломе. С востока ползут на нас какие-то подозрительные белые облака, закрывая горизонт. Они закрыли видимость на все пункты на северо-восточной стороне. Успели измерить десять углов в комбинациях. Укрываем крепко теодолит и спускаемся к палатке.

- Что-то погода, однако, начала портиться, - говорит Фураев.

- Да, вон какие тучи лезут с Джугдыра. Все разом закрыли. Подпортили нам работу, - отвечает Николай, подсаживаясь поближе к костру, наливает кружку горячего чая и, поддерживая двумя ладонями, пьет мелкими глотками.

- Николай, где будем площадку под вертолет чистить? -обращаюсь я к Бурьяну. - Сегодня нам почти нечего делать. Пойдем, выберем.

- Пойдем, - отвечает он.

Площадку облюбовали в тридцати метрах от лагеря. Здесь густые заросли стланика и редко стоящие лиственницы. Я остаюсь на будущей площадке и начинаю вырубать стланик. Самое главное - убрать площадку от кустарника и мелких деревьев в радиусе метров, пятьдесят. А вот заход для вертолета придется готовить метров сто пятьдесят длиной и пятьдесят шириной.

Крупные деревья необходимо выпилить. Двуручная пила находится еще внизу с оставшимся грузом. Сменяя друг друга мы сегодня вырубил круглую площадку. В центре очистили подчистую от ветвей и корневищ стланика. Потрудились хорошо.

За вечерним чаем обсуждаем дальнейшие наши планы. Поскольку мы чувствуем, что на днях произойдет резкое похолодание, а это видно по природе и затянутому черными тучами небу, намечаем завтра занести весь оставшийся внизу груз на вершину. Мы не знаем сколько времени потратим на работу на этом пункте. Все будет зависеть от погоды.

Утро встретило нас белизной выпавшего снега. Вот почему с востока шли белые тучи. Снег липкий на земле, камнях, на ветках. Всюду лежит снег. А он продолжает идти, тихо выполняя свою зимнюю обязанность.

Не хотели мы идти по сухой погоде, пойдем по мокрой. После завтрака оделись потеплее и начинаем спускаться вниз к Зее. Пройдя совсем немного по кустарнику, мы сразу стали мокрые по пояс. Промозглый туман окутал всю гору. Впереди белая стена, через которую мы энергично пробиваем путь. Вскоре, ближе к подножью горы, липкий снег сменил морозящий дождь попеременно со снегом, и ниже, уже у реки, он льет не переставая. Идем по речной косе. Под ногами перекатываются скользкие камни. Вымокли до нитки, а в ходьбе становится жарко.

Упаковав рюкзаки, мы спешим назад от дождя к снегу. За время нашего похода за грузом наверху стало больше снега. И он уже настоящий сыпет, сухой, а не липкий. Разожгли большой костер, переоделись в сухое, а всю одежду развешали на жердях сушиться. Установили вторую палатку и внутри печь. В ней устроили кухню. А в последующем она будет служить нам камералкой. Спать в ней не придется, она двухместная, небольшая. Спать будем в другой, с хорошей стланиковой подстилкой. Вечернее время мы проводим в теплой палатке. Сейчас нет необходимости в костре. Варить пищу и кипятить чайник будем на печке. Сюда уже пробросили антенну для рации.

Проснулись сегодня рано. Лежу в спальном мешке, высунув голову наружу. Передо мной брезент палатки. Пускаю изо рта пар и наблюдаю как он стелется по стене. Вставать неохота. За палаткой холодно. Снег идет не переставая. Ночью сильно подстыло. Анатолий и Николай уже на кухне. Слышу голос Николая. Он вызывает Горбачева, который находится в Бомнаке.

Пересилив сонную лень я вскакиваю, натягиваю брюки и холодные сапоги. Умываюсь снегом и растираюсь до красноты полотенцем. Обжигающая теплота разлилась по всему телу.

Настроение хорошее. После завтрака, взяв ружье, Анатолий ушел вниз к ручью. Ходим куда угодно смело. Про встречу с медведем я не говорю. Думаю, что испуганный медведь ушел далеко. На Унмакане действительно был хозяин горы, а этот, наверное, шел на проход через нашу вершину к какой-то заветной цели. Мы пилим на короткие поленья для печки тонкие сухие лиственницы. Их здесь много.

Время полдень. В палатке жарко натоплено. Николай сидит на чурбаке, штопает прогоревшую телогрейку. Анатолий печет лепешки. За палаткой холодно, идет снег, скрипучий под ногами. А у нас тепло, уютно и сытно. Я читаю художественную книгу, взятую у Горбачева в его библиотеке в Локшаке. Следующий день выдался такой, какой необходим для наблюдений:

небо с высокой облачностью, открытый и чистый горизонт на все стороны, безветренно. С площадки сигнала хорошо видна осенняя тайга, прикрытая на сотни километров снегом. Четко выделяются белые вершины на востоке хребта Джугдыра, на севере - отроги Станового. С севера, извиваясь, с гор сползает змеей река Джегорма, уползая по глухим распадкам к Зее. Это та речка, в устье которой останавливались лагерем спутники Григория Федосеева, старики Улукиткан и Лиханов, когда они прибыли к нему в начале полевого сезона. Об этом месте я упоминал выше.

С высоты вершины я прослеживаю взглядом бег Джегормы к Зее, но пологие и поросшие деревьями передние сопки закрывают ее берега. Там где-то, совсем близко, может, я вижу отсюда те места, где Григорий Федосеев плутал в поисках оставленного слепого Улукиткана,

когда он возвращался с маршрута в свои подразделения, расположенные лагерем в устье реки Джегормы. Там же была схватка с медведем, которого он застрелил последней пулей, оставшейся у него. Он потерял ориентиры в тумане и ушел в противоположную сторону от больного Улукиткана. Более пяти суток он скитался по зейским марям.

Он писал так: «Теперь хочу вернуться к ключу. По нему дойду до Джегормы, а там как-нибудь доберусь до своих и организую поиск Улукиткана. Этот план мне кажется более верным».

И он шел вперед, изнемогая от усталости, с большой надеждой выйти к людям.

«Чувствую, как тают мои силы. С трудом переступаю через колодник. Слабеет связь с действительностью, порой забываю куда и зачем иду. Все больше гаснет надежда на то, что я доберусь до ключа. Не знаю, на что я мог рассчитывать, истощенный длительным голодом, с опухшими ногами и руками, и ж все же шел» (Григорий Федосеев «Тропюю испытаний». М., Мо-лодая гвардия, 1990, стр. 376-377).

Как здорово у меня получилось в этом году. Я стал свидетелем в тех местах, которые видели глаза Улукиткана. Возможно, чуть прищурившись своими, от природы узкими и слезящимися от старости, глазами он окидывал, так же как сегодня я, ближайший горизонт, и его взор останавливался на нашей, заметной отовсюду, вершине, на которой стоит геодезический сигнал. На юге от нас просматривается клочок серебристой Зеи, и до нас даже доносится шум ее перекатов. На Зее снега нет. Там пролил холодный дождь.

Я осматриваю с сигнала окрестности. Наша вершина полностью под снегом. В нескольких десятках метров среди кустарников стланика желтеют две наши палатки. Из одной идет домашний дымок. Там Анатолий колдует над завтраком.

День для нас прошел удачно. Мы выполнили хороший объем работы. Во второй половине дня потеплело, и даже через разорванную облачность проглянуло солнце. Снег под ногами начал сыреть. Наверное, он нас напугал своей неожиданной атакой. Возможно, что внизу он будет активно таять.

В первой половине дня, после одного из спусков с сигнала для обогрева у печки, я неожиданно увидел в кустах, что там промелькнула какая-то птица. Вроде побежала. Взяв в палатке ружье, я начал подходить ближе. Вижу, на земле сидит и смотрит на меня черно-серая курочка.

Каменушка или, как по-другому ее зовут местные жители, дикуша. О ней хорошо написал известный исследователь Дальнего Востока писатель В.К. Арсеньев в своей книге «Сквозь тайгу»: «Эта птица чуть больше рябчика и создана природой, как бы специально, чтобы голодный человек мог поймать себе на пропитание голыми руками. Она безобидная, непугливая. Подпускает к себе человека близко, как домашняя курица. Чуть ли не голыми руками ее можно поймать. По натуре она очень любопытная». Поэтому подошла к нашим палаткам, посмотреть на человека. Мы с Николаем пробуем ее поймать. Но она юркая, уходит от нас под кусты. Палкой приходится выгонять. Мы оставили эту затею и отказались от ее преследования. Придя в палатку, рассказываем Анатолию.

- Вы чего упустили? Где она осталась?

Он хватает ружье и побежал в кустарник. Через несколько минут раздался выстрел. Анатолий, довольный легкой охотой, приносит к палатке дичь и тут же начинает ее общипывать и потрошить.

- Такое блюдо чуть не упустили. Геодезисты вы хорошие, а вот охотники плохие. Чуть слезы от жалости не пролили. Охотник должен быть без чувств к зверю. Мясо-то любите есть, а вот добывать жалко, - бурчит на нас Анатолий, - посмотрите, больше рябчика в теле, два супа можно приготовить. С вами поохотишься. А еще на сохатого хотели. Перед ним бы вы точно уже встали на колени и слезы лили.

Мы переглянулись с Николаем от такой прямой критики и расхохотались.

После встречи с дикушей уместно вспомнить подобный случай с Григорием Федосеевым, когда он, обессиленный от плутания в тайге, увидел сидящую птицу на сучке лиственницы.

Приблизившись к птице, он поразился: она от него не улетала. Эта находка его обрадовала, потому что очень легкая добыча была у него рядом. Он так пишет: «Присмотрелся - и от радости чуть не подпрыгнул. Да ведь это коряга, птица без страха. Вот и есть чем пообедать!» (Григорий Федосеев «Тропюю испытаний». М., Молодая гвардия, 1990, стр. 377).

Заканчивается еще один день в нашей работе. Начинает постепенно смеркаться. Мы измеряем последние углы в этот день и спускаемся вниз. Хороший сегодня день. Он нас основательно воодушевил и приблизил к завершению всего полевого сезона.

Вечером сидим в жарко натопленной палатке с двумя свечами на самодельных подсвечниках: жестяные банки, прибитые к коротким колям. Сосредоточенно подсчитываем результат сегодняшних наблюдений. Николай, перелистав листы журнала с контролем наблюдений, раздраженно бросает:

- Когда же конец этим цифрам!

- Терпи, Коля, - говорю я ему, - во имя будущей карты.

Я тоже сильно устал и солидарен с Николаем. Наши нервы в последние дни напряжены. Ломит в висках. Закрою глаза и кажется, что цифры потоком льются на меня, пытаюсь раздавить, смять. И вот сейчас делаю несколько упражнений для глаз.

Открыв очередной раз глаза, я внимательно осматриваюсь, как бы хочу смотреть со стороны на нас чужими глазами. Анатолий, примостившись ближе к печке, дремлет. Николай стоит на коленках перед чурбаком, на котором лежит тетрадь, и углубился в расчеты так внимательно, что не замечает неудобную позу. А я сижу на полу на телогрейке и на коленях считаю. Времени мы не замечаем.

Около полуночи, наконец, мы считываем полученные результаты. Результаты хорошие. Мы покидаем палатку и уходим в холодную, где нас ждут такие же холодные спальни. Спать и еще раз спать. С головой забираюсь в спальный мешок. Сон пришел ко мне незаметно.

Вчерашняя надежда на хорошую видимость растаяла. Утро не холодное, но туманное. Вся вершина в густой пелене влаги. На востоке еле-еле заметен просвет в облаках. Принимаем решение отработать сегодня ориентирные пункты. Все рабочее время ушло на подготовку к наблюдениям. Только к вечеру мы завершаем всю работу и, усталые, голодные поднялись к палаткам. Не замечая нас, в это время уходит Анатолий за водой. С собой прихватил ружье. Я окликнул его. Он не останавливаясь махнул рукой нам и показал в сторону палаток:

- Там ужин на костре. Суп теплый еще. А я скоро обернусь. Лишь бы медведя не встретить.

Мы затопили печку. Быстро стало тепло в палатке. Разомлевшие от тепла и хорошего ужина, обсуждаем сегодняшний день.

- Работы, Саша, у нас осталось на пункте на один день. Если завтра будет видимость, то на двадцать третье октября можно заказывать вертолет. Площадку надо нам чуть удлинить.

За палаткой слышались тяжелые шаги. Это Анатолий пришел с водой. Сбросив рюкзак, он залез в палатку. Сел, отдышался, потом налил кружку чая и, прихлебывая, рассказывает нам:

- Гонялся за белкой. Два раза стрелял, мимо.

- Мы выстрелов вообще не слышали.

- Я спустился за ней далеко вниз, поэтому вы и не слышали.

- Сегодня погода мгlistая, непроницаемая атмосфера. Выстрел поэтому и глухнет.

- Завтра, Толя, давай на расчистку площадки. Нам нужно при видимости закончить работу.

Будем сидеть на сигнале, караулить любой просвет на горизонте, - спокойно говорит Бурьян. На нашу вершину опустился холодный, почти зимний вечер. Гудит огонь в печке. Тусклый свет от одной свечи еле освещает нашу камералку. Бурьян ушел в другую палатку спать. Анатолий усердно точит топор, который он затупил на расчистке площадки. У нас твердое решение посадить вертолет рядом с сигналом. Перетаскивать снаряжение за четыре километра на Зею - это тяжелое удовольствие. Лучше здесь хорошенько попотеть и площадка будет готова.

Наступили решающие дни в нашей работе. День двадцать второго октября принес нам успех.

Мы закончили сегодня все наблюдения и уже готовимся сворачивать лагерь. Спустили с сигнала инструменты, упаковали теодолиты, журналы наблюдений и рабочие черновые материалы.

Утром двадцать третьего связались с Горбачевым в Бомнаке. Вся база партии на Локшаке перебазирована в Бомнак. Мы остаемся в тайге одни. Все бригады других партий вышли с поля и сидят в Бомнаке, ожидают бортов до Хабаровска. Бурьян записывает радиogramму и почему-то весело поглядывает на меня. Что за новость ему передал Горбачев? Закончив радиосеанс, он отключает радиостанцию, затем, прищурившись, смотрит на меня.

- А ну, пляши, молодой отец. Да крепче. Фураев, наливай бокалы. Там где-то полбутылочки спирта осталось для такого случая.

- В чем дело, Бурьян? - спрашиваю я его, а у самого какое-то непонятное волнение в груди.

- РД тебе передали из Хабаровска. Родился то ли сын, то ли дочь. Плохо слышно было.

Кажется, Борис подправил фразу. Одним словом, он тоже сказал, что, наверное, сын.

Вот это ошарашивающая новость! Я предполагал, что это должно было свершиться в октябре. Вот и свершилось.

- А Горбачев точно не назвал дату рождения?

- Нет. Да причем здесь дата? Знаем сейчас за что выпить и за кого. Наливай, Фураев, - весело говорит Бурьян.

Мы усаживаемся в палатке, и ребята поздравляют меня с наследником или наследницей.

Прилетим в Бомнак, точно узнаем какого пола мое наследство.

После тостов Николай говорит, что около трех часов будет вертолет МИ-4. У него посадка тяжелее, чем у МИ-1. К трем часам у нас все собрано. Сидим у костра, дожидаемся вертолета. Он появился неожиданно на низкой высоте с востока. Сделав над нашей горой два круга, он на третьем круге прошел низко, почти касаясь верхушек деревьев. Открылась дверь вертолета, и человек помахал нам рукой. Нам так показалось. От вертолета отделился какой-то маленький предмет и упал на площадку около сигнала. Скоро вертолет скрылся за деревьями.

Маленький предмет оказался вымпелом, в котором была свернута записка. Пилот просил удлинить площадку на запад-восток метров на пятьдесят, спилить высокие деревья для повторного захода. Обещали быть у нас завтра после обеда.

Вновь устанавливаем одну палатку с печкой. Одну ночь как-нибудь на маленькой площади.

Мы особенно не переживаем, что не удалось посадить МИ-4 с первого захода. Может быть, при лучшей погоде пилоты рискнули бы посадить машину. Им виднее.

Двадцать четвертого октября погода с утра на редкость хорошая. Много солнца. С раннего утра мы на площадке. Выпиливаем высокие лиственницы. Пилой работаем с Николаем, а Анатолий машет топором. Сегодня не должно быть никакой осечки.

Во второй половине с Джугдыра понесло хмарью. В воздухе закружился снежок, ветер стал крепчать. Резко похолодало. Мы сидим наготове. Вертолет, так же как и вчера, вынырнул неожиданно с той же стороны, с востока и, сделав круг, начал заходить на посадку.

Приземлился легко, пилоты не заглушают двигатель, жестами показывают нам на часы и погоду. Разговаривать или задавать вопросы бесполезно.

Мы быстро перетаскали наши пожитки в салон. Двери захлопнуты. Вертолет медленно, словно пробуя силы, начинает подниматься. Мы прильнули к окнам, жадно смотрим вниз на площадку с сигналом, где завершился наш трудный полевой сезон, где мы оставили свои тяжелые следы, которые многократно пересекались со следами геодезистов Григория Федосеева и его спутника Улукиткана, натоптанные в прошлые годы.

Под вертолетом проплывают могучие отростки земли, вершины Джугдыра, отдельные вершины, покрытые, как скелетами древних ископаемых, горелым кедровым стлаником. Внизу пурга, белесая полоса снежных туч, шедшая с Джугдыра, упрямо движется на запад, туда, где только что мы были. Задержишься на час прилет вертолета - и мы могли бы по погодным условиям долго ждать очередной борт.

Внизу под вертолетом зейская осенняя тайга. Четко вырисовываются берега Зеи и речушек. Кое-где линия берега протянута белой строчкой. Это ледовые забереги. Озера уже припорошены снегом. Они уже почти подо льдом.

Более чем двухсоткилометровый путь от последнего сигнала до Бомнака уже позади. Впереди показали квадратики домов поселка. Вертолет уверенно идет на посадку. Вот и взлетная полоса аэродрома. Разметав аэродромную пыль вокруг себя, МИ-4 мягко приземлился, подъехал ближе к зданию вокзала, остановил винты.

Нас встречают Горбачев и несколько молодых ребят. Они помогают нам перенести все снаряжение в аэродромный домик.

-Ну, как вы там, ребята, жили? - задает первый вопрос Горбачев.

- Жили мы хорошо. Только бани не было, - отвечает за всех Фураев.

Мы направляемся к поселковой гостинице, разместившейся ближе к центру поселка. По пути я спрашиваю Горбачева:

- Когда в Хабаровск?

- При хорошей погоде послезавтра. Три борта заказано. Всех увезем. А ты чего не спрашиваешь у меня про сына? У меня же в октябре дочь родилась.

- Мне передали и про сына, и про дочь. Да кто же родился?

- Сын родился. Это уже точно. Там в Хабаровске перепутали. Дату рождения не уточнил.

Я поздравил Бориса с рождением дочери, а он меня с сыном.

- Давай, устраивайся, а на вечер нас пригласил Николай Данилович в баньку. Снег засыпал поселок. Идет не переставая. Ветер крепчает. Кутит по земле поземку, бросает в лицо пригоршни снега. Вся природа в немом оцепенении. Дождались седой зимы с пургой и стужами. Мы договариваемся с Горбачевым, что наведаемся к Николаю Даниловичу завтра, а сегодня решили отдохнуть в непривычных для нас условиях - в гостинице на кровати. Спали на новом месте крепко. Утро следующего дня принесло неприятную весть: метель, которая вчера началась с безобидного снега и ветерка, превратилась в пургу, которая, как известно, в один день не заканчивается. Поэтому наш завтрашний вылет под большим вопросом. А так хотелось бы попасть в Хабаровск, а оттуда прямая дорога домой.

- Спешить нам сегодня некуда. Чуть поспим, а потом будем думать об обеде, - окает Фураев. Он и спать уже, я чувствую, не хочет. Не знает куда сегодня себя деть, где приспособить себя, чтобы от этого была польза людям. Неуютно чувствует этот человек, привыкший первым с утра начинать рабочий день, делать то, что он считает нужным. И вот сейчас он совсем другой. Сидит беспомощно на кровати. Не знает куда девать свои мозолистые, огрубевшие от физической работы, руки. Не привык он за всю свою жизнь сидеть вот так, без дела. Его не только сегодняшний день будет угнетать. Он не представляет себе того, что начиная с сегодняшнего дня он, как сезонный рабочий, останется скоро без работы. А дальше? Все будет зависеть от него самого. Нас эта перспектива после сезона не беспокоит. Бурьян и я уедем доучиваться и через год примем на себя новые дела. Только вот где мы окажемся? В каких местах будет уготовлено судьбой продолжить работу уже в новом качестве? Сегодня мы этого не знаем, так же как и наш полевой спутник и товарищ Анатолий Фураев.

- Ребята, независимо от погоды, - говорит Бурьян бодрым голосом, - нам нужно привести в порядок себя. Посмотрите на себя, на кого вы похожи? Похожи на «хомо сапиенс» из диких джунглей. Первое: борода - это признак человека прямоходящего на заре развития человеческого общества. Второе: брюки. Такие как у нас никогда не наденет даже пещерный человек. Ему станет стыдно, и он покраснеет перед своей дамой. Третье: сапоги. Вы видели у пещерного человека такую обувь? Она ему даже во сне не снилась, а мы ее носим. Четвертое: рубашка. Куртка из шкур животного у пещерного человека была намного наряднее, чем у нас. Поэтому давайте сегодня перейдем, хотя бы внешне, из каменного века в настоящее время, чем живут жители Бомнака.

Фураев от этого монолога повеселел.

- Правильно. Гардероб надо заменить.

До обеда приводим себя в порядок. Вместо роскошных костюмов мы подбираем на складе партии довольно приличные рабочие брюки цвета хаки, заменили телогрейки и сапоги. Среди личных вещей нашлись рубашки. Этого гардероба хватит нам доехать до Хабаровска. Метель не прекращается целый день. Кажется, что все в поселке замерло на время, затаилось от непогоды. Вечером мы идем втроем к Николаю Даниловичу в гости. Он радостно нас встречает у ворот крепкой деревянной избы. У него и хозяйство по его внешности: все крепкое, ухоженное. Нас также встречают, громко захлебываясь лаем, две знакомые собаки, сидящие сейчас на цепи.

После бани мы сидим у Николая Даниловича в горнице, угощаемся свежей сохатинкой, соленым сигом, грибочками из бочки. После всех тостов за наших, рожденных в октябре, детей мы вспоминали события прошедшего полевого сезона.

- Боря, слышь, - обращается Николай Данилович к Горбачеву, - понравились мне твои ребята. Твердые они, не разнюнились, как это было с одними.

Это он имеет в виду Бурьяна и меня.

- Молодцы, - продолжает он, повеселевший от спирта и хорошего настроения. - Бывало как приеду к ним, так какой-нибудь подарочек привезу им. То мяса свеженького, то утятинки. Не жалко им. А вот другим, рвачам по-вашему, ничего не дам. А эти парни, слышь, Боря, без палаток в мороз работали. Не роптали они. Вот у этих и толк в работе получится. Молодцы парни. Вот за это, давайте, и выпьем. За вас, парни. За ваши удачи. Буду ждать вас в гости. Закусывайте, дорогие мои.

Мы засиделись у Николая Даниловича далеко за полночь. Он оказался хорошим рассказчиком. Я сегодня узнал о его трудном детстве, потом молодых годах. Здесь его односельчане выбирали за живой ум и крепкую хозяйственную хватку председателем колхоза. Сегодня вспомнили и

помянули добрым словом Улукиткана, которого хорошо знал Николай Данилович. В гостиницу возвращались под свист пурги, которая обрушилась на зейскую землю в эти дни.

Мы надолго засели в Бомнаке из-за разбушевавшейся более недели пурги. И только первого ноября она неожиданно прекратилась. Утром не узнали поселок. Все в солнечном свете и нарядном снежном одеянии. На улицах сугробы, свидетели свирепой пурги. По улицам спешили ожившие бомнаковцы по своим делам. Даже собаки обрадовались, что можно побегать по свежему снегу, полаять на прохожих.

После обеда в аэропорт прибыло три «аннушки». Мы уже сидим, ждем их. Вся партия наблюдателей Бориса Горбачева размещается в самолеты. Наш курс на Свободный - Благовещенск и Хабаровск. Я смотрю в окно на уплывающий Бомнак, не замерзшую еще Зею в снежных берегах, тайгу, запорошенную до весны кристально чистым снегом. А там где-то вдали, и мне уже не видно с самолета, на берегу Зеи остался уголок тайги и одинокая могила Улукиткана, верного соратника и спутника писателя-геодезиста Григория Федосеева. Я счастлив, что прошел их тропами, увидел своими глазами и пощупал руками древнюю эвенкийскую землю, что подарила она таких светлых людей, каким был и остается до сегодняшнего дня Улукиткан - в миру Трифонов Семен Григорьевич.

г. Нерюнгри 2000 - 2002